

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Азъ-арт

№ 2 (2) – 2020

Л. Шаркунова. «Печаль»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Азъ-арт

№ 2 (2) - 2020

Нравственно-культурный и просветительский журнал
молодых авторов 16-40 лет
Живетьев Максим Аркадьевич
Молодежное литературное объединение «Азъ-Арт»
при Иркутском Доме литераторов
Иркутское региональное отделение Совета молодых литераторов
Союза писателей России
При финансовой поддержке Министерства культуры и архивов
Иркутской области

Содержание

Слово редактора 4

Проза

Андрей Антипин. *Живые листья*. 5
Любовь Головина. *Дружеские кости*. 69
Вячеслав Дёмин. *Комплимент работе*. 81
Владимир Максимов. *В одном провинциальном городе*. 109
Дмитрий Максимов. *Море и пальмы*. 141
Павел Семенов. *Запертый в степи*. 165
Анна Масленникова. *Славик – слон-невидимка*. 224
Игорь Каменский. *Один из дней*. 241

Поэзия

Марина Ножнина. *«Здравствуй, Апрель, конопатое счастье!...»* 17
Милена Минина. *Мечта, прости*. 31
Дмитрий Белых. *«И если посмотреть со стороны...»*. 46
Александр Егоров. *Alea jacta est*. 60
Лидия Шаркунова. *«Город Иркутск напоминает мне Череповец...»* 145
Маргарита Снегур. *«Междустрочье»*. 154

Миниатюра

Егор Федорченко. *Тьма*. 39
Анастасия Скорова. *К реке Куленге*. 40
Полина Должикова. *«Очень часто возникают ощущения, будто ты...»* 42
Кристина Подгородецкая. *Миражи в моей голове*. 44

Визитница

Любовь Кузакова. «Желтая в сумраке светит луна...»	89
Ярослава Вишневская. «На завтрак олады с медом...»	94
Илья Подковенко. Мертвых дважды не хоронят.	95
Александра Захарова. Южные сны.	97
Евгения Гавердовская. «Девочка стала поэтом...»	101
Вероника Смирнова. «Солнце мое...»	102
Мария Брылёва. Патронус.	105
Дарья Гандина. Масленица.	107

Зима Фантаста 2020

Мария Борисова. Живой.	181
Анна Ищенко. Украденные звезды.	186
Михаил Кривенюк. Бу-у-к и потерянные страницы.	202
Татьяна Андроненко. Дар алхимика.	216

Критика и литературоведение

Марина Ножнина. Рисунки Лидии Шаркуновой.	248
Илья Подковенко. Поэтический язык. Почему так важно соблюдать и нарушать правила.	250
Елена Жданова. Хроники карантина: «Сказка о золотой рыбке» Виктора Токарева.	256
Елена Жданова. Образ тайги в художественной системе Валентина Распутина.	260

Гость номера: критика

Сергей Петунин. Обманчивая простота, или зачем debil шляпу в речку уронил? О молодой прозе журнала «Сибирь» №3 2020	267
---	-----

Конкурс ЛУК 2020

«А души... – и края не видать». О литературно-исследовательском конкурсе «ЛИК».	275
Наталья Лунева. Значение образа Володьки-дурачка в пьесе Владимира Гуркина «Любовь и голуби»	277
Анастасия Кузнецова. Значение образа Володьки-дурачка в пьесе Владимира Гуркина «Любовь и голуби»	280
Зарина Ключникова. Письмо-ответ Василию от его дочери Оли	283
Юлия Константинова. Письмо-ответ Василию от его сына Лёньки	284
Яна Медведева. Письмо-ответ Василию от его дочери Оли	285

Эссе

Диана Фаткулина. Девочка цвета луны...	287
Анастасия Муратова. Ремесленник или творец?	289
Ульяна Родовикова. И сто, и двести лет пройдет, никто войны забыть не сможет.	291
Татьяна Галак. Доброта живет на свете вместе с нами.	292
Елена Высотина. Почему мы должны знать о Великой Отечественной войне и сохранять память о ней?	293

Константин Скубченко. *Мечта*. 294

Страницы истории: У.У. Молчанов-Сибирский

Иван Попов. *Молчанов-Сибирский – поэт и воин*. 296

Анна Хороших, Ада Розенберг. *База курносых*. 300

Иван Молчанов-Сибирский. *«Серый, серый гаснет вечер...»*. 303

События

Татьяна Стрельникова. *Нам десять лет*. 309

Илья Подковенко. *«Неоклассическому синдрому» – год!*. 311

Юрий Харлашкин. *«Азь-арт». Год второй*. 314

Главный редактор – **Максим Живетьев**
Заместитель главного редактора – **Юрий Харлашкин**
Корректор – **Екатерина Куйдина**
Верстка и оформление – **Ирина Железняк**

Редакционный совет

Андрей Антипин (Усть-Кут)
Анатолий Бимаев (Абакан)
Кристина Кармалита (Новосибирск)
Игорь Корниенко (Ангарск)
Александра Малыгина (Барнаул)
Дмитрий Мурзин (Кемерово)
Елизавета Оводнева (Иркутск)
Юлия Ольховская (Шелехов)
Андрей Тимофеев (Москва)

Редакция оставляет за собой право на редактуру
и корректуру рукописей, принятых к печати.
Мнение редакции может отличаться от мнения авторов.

Электронная почта редакции: nik.19@mail.ru
Подписано в печать 11.12.2020 г. Выход в свет 21.12.2020 г.
Тираж 250. Цена свободная.
Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел.: 8-(3952)-23-38-45.
Отпечатано в типографии: ООО «Форвард», г. Иркутск, ул. Советская, 109 Г, оф. 301. Тел.: 8-(3952)-19-91-10.

© Живетьев М. А., Харлашкин Ю. С., составление, 2020
© Живетьев М. А., Харлашкин Ю. С., Железняк И. М., оформление, 2020
© Журнал «АЗЪ-АРТ», №2, 2020

Слово редактора

В этом номере особое внимание уделено развитию творческого потенциала молодых писателей. В разделы «Критика и литературоведение» и «Эссе» включены работы по стихосложению. А повесть Владимира Максимова, уже состоявшегося писателя, посвящена его первым шагам на литературном поприще и присутщим молодым авторам душевным терзаниям.

Открывает номер самый титулованный молодой автор Иркутской области Андрей Антипин, которого ведущие литературные критики справедливо называют вторым Распутиным за глубину мысли, изысканную стилистику и точность языка.

В рубрике «События» мы рассказываем о трех молодежных литобъединениях Иркутской области и их деятельности.

Литературная критика является неотъемлемой частью литературного процесса – как без хорошего тренера в спорте не будет самого спорта и прославленных спортсменов. Между тем, всегда на слуху «поэт», «прозаик», «писатель», а про важного труженика «литературного критика» часто забывают. В рубрику «Гость номера» мы пригласили молодого, яркого и саркастичного литературного критика Сергея Петунина из Новосибирска, чтобы подготовить молодых писателей к критическому взгляду на свои тексты. На ранних этапах становления молодежь зачастую близко к сердцу воспринимает замечания в свой адрес и не понимает ее стимулирующего и потому созидательного действия. Предлагая написать критическую статью на молодых прозаиков журнала «Сибирь», я намеренно попросил сконцентрироваться на возможных недостатках и не стесняться присущей Сергею язвительности, придающей особую остроту критическому тексту. Он постарался сделать ее максимально познавательной и полезной для молодых формирующихся писателей. Чтобы они более бережно и ответственно относились к слову и тем мыслям, которые они транслируют в творчестве, взглянули на себя со стороны. В восьмом номере за 2020 год журнала «Наш современник» вышла статья Сергея «Почему филологи пишут плохие книги» – рекомендую почитать. Особо отмечу незаинтересованность Сергея в красивых похвальных словах, как и в отсутствии цели принизить литературные достоинства критикуемых им произведений. Надеюсь, каждый начинающий автор вынесет для себя много полезных моментов из его статьи.

Мы продолжаем публиковать лучшие работы конкурса «Зима фантаста». Такой же отдельной рубрикой выделили конкурс ИФИЯМ ИГУ 2020 года «ЛИК. Владимир Гуркин». Для тех, кто вдруг не знает, Владимир Гуркин – наш земляк, автор пьесы, по которой был снят фильм «Любовь и голуби». В честь него назван Черемховский драмтеатр.

Рубрику «Страницы истории» мы посвятили Ивану Ивановичу Молчанову-Сибирскому – поэту, военному корреспонденту, выдающемуся общественному деятелю Приангарья. В номере опубликованы его стихотворения, написанные в двадцатилетнем возрасте.

Приятного чтения.

Проза

АНДРЕЙ АНТИПИН, 1984 г.р., п. Казарки Усть-Кутского района

Родился в селе Подымахино Усть-Кутского района Иркутской области. Окончил факультет филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Прозаик, член Союза писателей России с 2013 года. Публиковался в районной газете с рассказом «Разгулявшийся ветер» (творческий дебют), «Литературной России», «Литературной газете», альманахах «Первоцвет» и «Бийский вестник», журналах «Сибирь», «Наш современник», «Юность», «Полдень», «Молоко», «Москва», коллективных сборниках «Шанхайская литература» (2015) и «Мировая литература (Шанхай)» (2018). Автор книг «Капли марта» и «Житейная история». Дипломант III степени в секции прозы на Областной конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2004», лауреат Областной конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2008», делегат I Съезда писателей Иркутской области (2008), участник Всероссийского литературного фестиваля «Белое пятно» (Новосибирск, 2015), Первой двусторонней встречи молодых писателей Китая и России (Шанхай, 2015), VIII Международного форума деятелей культуры (Палестина, 2016), праздников русской духовности и культуры «Сияние России» (Иркутск, 2011, 2017, 2019), фестиваля «Белые журавли» имени Расула Гамзатова (Дагестан, 2018). Лауреат литературных премий: премии имени Алексея Зверева журнала «Сибирь» (2006), имени Леонида Леонова в номинации «Молодые прозаики» журнала «Наш современник» (2010),

ежегодной премии журнала «Наш современник» за лучшую публикацию (2013), Международной литературной премии им. И.А. Гончарова в номинации «Ученики И.А. Гончарова» (2015) и Всероссийской литературной премии имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству» в номинации «Молодой Дельвиг» (2016), Всероссийской премии Виктора Астафьева (2020).

ЖИВЫЕ ЛИСТЬЯ

Из книги миниатюр

НА КРУГИ СВОЯ

Записав какую-то очередную мысль в блокнот, машинально, как ракета отработанную ступень, бросил карандашный огрызок под дерево: авось, снова вырастет – деревом, лесом.

И был в этом произвольном движении некий момент возвращения, ведь и я однажды полюбил книги, как лес, и когда в семнадцать зимовал в бурятском посёлке, посреди сплошной жёлтой степи с завихреньями гнилого березняка на горизонте, – и сам стал писать, уже осмысленно, целенаправленно, ни книг, ни, видит Бог, славы ради, а словно бы возвращая лес, населяя им унылую равнину жизни.

И кто бы тогда подсказал, что уже никогда не вернётся незабвенное времечко первых loves, первых серьёзных болей, первых черновиков и карандашей, а там и вовсе придёт пора, когда вот этот исписанный карандашик останется едва ли не единственной и последней надеждой на то, что всё-таки не канут бесследно ни жизнь твоя, ни твои книги, ни те невозвратные семнадцать с их крошечным одиночеством на краю мироздания, в центре безжизненного бумажного пейзажа, на переднем фланге русского слова.

ДИЛЕММА

Богу, пожалуй, всё ещё угодны, а вот людям больше не нужны. И вдруг кощунственное, но и правдивое, искреннее в своём порыве, а стало быть, по сути: вот бы эту угодность сменить на нужность, если уж нельзя совместить! Но в то же время и сомнение: а зачем такая нужность, которая не угодна Творцу?

КРЫЛЬЯ

Непогода весь день, холод, ветер и то едва дребезжит; когда ветер тише, то захлёбывается винт деревянного самолёта, вытесанного мною после того, как забрался на крышу и увидел, что старый разохся и стал

крошиться. Тот, первый, я установил в год окончания школы, новому от него достались лишь алюминиевые крылья, и есть в этом тайный символ, как будто крылья достались мне, теперешнему, от семнадцатилетнего меня. Но не только дерево взялось трещинами и со временем пришло в негодность, не только я постарел! Даже винт из нержавеющей стали перетёрся и валялся на полпути к водостоку, должно быть, смытый туда дождями или оползший с весенним снегом. Пришлось вырезать и выгнуть другой, просверлить в центре и навесить с носовой части. Я выточил её заострённо, сообразно со строением птицы, то есть как и задумывалось первыми авиаконструкторами. И когда, наконец, мой самолёт был готов, отполирован шлифовальной бумагой и в завершении покрыт распылённой из баллончика серебрянкой, я снова взлез на крышу, как, наверное, взбираются на неё, чтобы водрузить знамя, и закрепил своё детище, повернув на запад винтом, хвостом на восток. Винт почти сразу дёрнулся, словно в нём проклюнулась электрическая искра, а через миг раскрутился до прозрачного кружочка и с подвывом загудел. Был уже вечер, гасло солнце, облака на закате светились, как неоновые. Я сидел на коньке, курил сигарету, слушал натужный рёв самолёта и, может быть, в этот момент возвращался, словно на спине фантастической птицы. Ну а если и не возвращался, всё равно по-своему это было хорошо – ветер, самолёт! Пусть и дальше гудит в тревожные минуты жизни, напоминая о днях её, которые, как известно, скоротечны и вот уж действительно невозвратимы, если не считать этого снова объявившегося в моей судьбе самолёта. А там, глядишь, ещё что-нибудь вернётся ко мне – чистое, юношеское, просящее лишь крыльев и неба.

«А ВЕСНОЮ УЖАС БУДЕТ ПОЛНЫЙ...»

Поднималась и шла, как несметная сила. Стремительная и полноводная, наполняла берега по самую кромку. Выползала на угор, заливала луговые низины. По рытвине на Затоне двигалась в сторону деревенского кладбища. Плыли деревья, доски, лодки, собака на льдине, теплицы с дачных садоводств. Деревенская пацанва, мы ловили рыбу в устье Казарихи, отделившей Казарки от Подымахино. Свежесрубленные сосновые удочки, ещё смолистые, прилипали к рукам. Дядя Вася Саманчук ехал на красных «Жигулях» шестой модели. Притормозив, отворял дверцу и пугал, весело скаля железные зубы:

– Ну всё, хлопцы, хана вашей рыбалке! Скоро гробы поплывут...

И мы, забыв про поплавки из пробок от винных бутылок, с ужасом смотрели на мутную воду, и потом, вечером, вернувшись с рыбалки, то

и дело бегали на угор, сидели в сумерках у реки, как на берегу мифологической Леты, и ждали, а ночью ворочались в своих страшных снах и размётывали одеяла...

Назавтра шли в школу, поднявшуюся в два этажа над Леной. На переменах выходили за калитку, смотрели на огромный кипучий простор. Шапки пены вились на течении, и мы кидали в эту пену камни, совали палки, а между делом передавали дяди-Васины вещи слова. И вскоре не мы одни, а вся школа выходила на угор и ждала. А на уроке учительница, встав с книжкой у окна, за которым ярилась вода, грозя подмыть берег и уронить школу, как будто нарочно читала тихим голосом:

*Я умру в крещенские морозы,
Я умру, когда трещат берёзы.
А весною ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из моей затопленной могилы
Гроб всплывёт, забытый и унылый,
Разобьётся с треском,
и в потёмки
Уплывут ужасные обломки...*

Всё это, все эти вещи, слова, впечатления смешивались, наплывали друг на друга, как весенние льдины, и сочетались, словно в калейдоскопе, рождая причудливую картинку. На ней и спустя годы всё как прежде: течёт река, рыбачат ребятишки, дядя Вася пылит на своей допотопной «жиге». И школа из белого кирпича стоит на угоре, постаревшая учительница читает у окна, а человек с зальсиной, скрестив руки на груди, внимательно смотрит на меня с выцветшего газетного портрета, по-деревенски наклеенного на кусок фанеры.

«И ЖАЛЕЕШЬ, И ЛЮБИШЬ МЕНЯ...»

К обеду разъяснило. Солнечно. Рябь таловых озёр. Мост через Казариху оголился, на перилах – клочья водорослей и сырая ольховая ветка.

В лугах увязалась молодая доверчивая телуха. Такая же ласковая и жёлтая, как солнце. Подбежала с рёвом, поддевая рукав языком. Едва отогнал сломленным прутиком полыни. Долго стояла, глядела в спину; не могла понять: за что я её? И почему-то пришли на память стихи покойного самарского поэта Михаила Анищенко:

Оглянусь: ты стоишь у плетня,

*Ожидая, что всё-таки струшу...
И жалеешь, и любишь меня,
Как свою уходящую душу.*

...Я хотел бы думать, что не уйду бесследно, останусь в птице, в облаке, в проплывшей льдине... Или, на худой конец, – в строке. Но не могу себе соврать: никогда, нигде и ничем больше меня уже не будет. А пока я ещё есть, что меня ждёт? Разве что вот это потрясающее одиночество, когда – земля да небо, и никому ты в целом свете не нужен – ни отцу, ни царю...

И только телуха стоит, смотрит в спину. И жалеет, и любит меня.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

До самой Королихи ничего, только в небе над Перевесом протянула пара гусей, а мой скрадок из осоки и прутьев краснотала кто-то сломал, скорее всего, пущенные на выгон коровы. Собирать не стал, плюнул и подался на дальние озёра, надеясь, что, может быть, там повезёт. По пути проведаль своих на кладбище, убрал пластиковую посуду, оставленную с Родительского дня. Одно из озёр разлилось неподалёку, в глубокой естественной пókати через дорогу, и по его обрешью ходило много куликов. Я сказал брату, погибшему несколько лет назад: «И куличков тебе видать!» Посмотрел на меня, улыбнулся. Или это движение произошло оттого, что я заплакал, и от слёз, набежавших на глаза, черты лица на металлической табличке исказились, как живые.

Старый бревенчатый мосток через Королиху заткнуло нанесённым хламом. Получилась запруда. Такой бурун, что земля дрожит, ноги подкашиваются и шапищи жёлтой пены лопаются рваными ноздрями. От греха обошёл по автомобильной трассе, сделав порядочный крюк. Уже за речкой громыхнул с угора по табуну чёрнетей, но мимо, а потом до Соснового ручья – голым голо. Правда, встретил ондатру. Она плыла по течению Лены вдоль кромки выброшенного на берег льда, часто останавливаясь, чтобы объесть кору с молодых талиновых веток, как кукурузный початок.

Возвращался через час – чернети, по которым промазал, плавают на том же месте. Подполз из-за бугра, незаметно развёл стволом высокую сухую траву, сотворив бойницу, выцелил селезня – и выстрелил. Макнул в воду головой. Остальные с кряканьем разлетелись. Подбираясь, а затем стреляя, я не рассчитал как следует расстояние от берега до уток, отчасти потому, что удалённость цели по-своему скостил выдвинувшийся над Леной бугор. А когда я сошёл вниз, оказалось, что до убитого селезня не

меньше двадцати метров. В этом месте – глубокая ямина, перед началом навигации здесь пристаёт путевский катер, чтобы починить и покрасить створ или поменять аккумулятор с лампочкой. Иными словами, достать селезня без лодки не было никакой возможности. И всё-таки я связал несколько жердей и кое-как, самым кончиком этого многоколенного шеста дотянулся до селезня, но вместо того, чтобы как-нибудь приблизить к берегу, случайно толкнул в противоположную сторону. Этого движения было достаточно. Селезня вытолкнуло на течение, омывающее ямину, а там и на кипучую быстрину, по которой он и уплыл, чернея между затопленных кустов, как унесённая шапка. За ним последовал шест, который я в сердцах швырнул в воду...

Шёл домой, прокручивая в голове случившееся, чтобы обнаружить в потере уже, казалось бы, положенной в рюкзак добычи какую-нибудь закономерность. И только проходя в сумерках мимо кладбища, вспомнил, что уток этой породы в юности я называл «чёрнигами» – по примеру старшего брата, который лежал теперь за деревянной изгородью и, может быть, слышал мои шаги. У кого заимствовал это искажённое слово брат, я не знаю, вероятно, у прежних деревенских охотников. Лишь спустя год или два после смерти брата я вычитал в одном охотничьем журнале точное название этих уток и не сразу, со временем стал говорить правильно. Но, в очередной раз сказав сегодня «чёрнеть», я подумал, что вместе с устранённой из моей речи языковой ошибкой в определённом смысле подвинулся к своей окончательной гибели и мой старший брат, ведь до тех пор он ещё жил, ещё держал оборону живого себя во мне посредством этого одного-единственного слова, которое я усвоил от него. А может, это я какое-то время оборонял живого брата в себе, говоря «черниг» вместе «чёрнеть», чтобы брат длился и длился, но потом и сам, ещё того не понимая, сдался, и его сдал – забвению и тишине. И хорошо ли моё нынешнее знание? Прибавило оно что-нибудь или, наоборот, что-то навсегда разрушило? И не для того ли река украла у меня селезня, чтобы пусть на миг, но вернуть живого брата?

ПЕРВАЯ

«Влюбились с первого взгляда, поженились, жили душа в душу и умерли в один день...»

А в жизни: забросили удочки, и поплавки поплыли рядом.

Я:

– Видишь, наши поплавки уже познакомились!

...Было это на летних каникулах. Катались потом за посёлком на велоси-

педах, упали, приклеивал к её разбитой коленке нализанный подорожник.
Обменялись адресами – и ни разу не написали.

ЖЕНЩИНА

...А всего и было: отвернула, съехала с дороги, привалила свой дамский без верхней рамки к напружиненному кусту ольхи.

– Мне надо! – сказала.

Порскнула, огляделась, повозилась, сминая осоку, и осела, как птица на гнездо. А уже через миг поднялась, тревожно всматриваясь в просвет между ветвями...

С горящей, как факел, башкой катился следом.

– Мне надо! – выдохнул, когда переехали студёную речку; убежал, шараясь за огромную толстую берёзу.

«Господи!» – прошептал и расстегнул бляшку. Брызнул, зажмурясь, подушив с минуту в кулаке. Упало на сухие прошлогодние листья с мягким обильным шорохом. Опростав до дна, вынув, освободив. Не загасив, а скорее раздув огонь, облачив его в выпуклое стекло доселе неведомого чувства...

Озарив таким диким искренним счастьем, что готов был сорвать с неё босоножки и целовать каждый пальчик с налипшими соринками. И только за то, что в глазах её, когда вернулся, было так много кротости и мудрого женского понимания.

«ИДЁТ» СТРЕКОЗА

«Филология – то же самое ужение рыбы, и здесь можно достичь выдающихся результатов. Но чтобы знать водоём изнутри, нужно быть рыбой...»

Сколько лет прошло с тех пор, как мне, студенту филфака, явилась эта снобистская мысль, а всё-таки не стёрлась из памяти и снова напомнила о себе!

Я как раз стоял с телескопической удочкой на галечной косе, потому что второй день «идёт» стрекоза и шум – как будто шуршит на ветру конфетный фантик. Плеск: это вылупившиеся стрекозы, ещё не расправив крылья, падают на воду, где их склёвывает рыба. За вечер берестяной турсук полон ельца и сороги. Между перемежающимися тонами начищенного серебра и зачерневшей музейной бронзы – как драгоценности на дне сундука – лежат молодые ленки и хариусы. Отливает краплёным изумрудом краснопёрый окунь. И ещё характерная черта этих дней: де-

ревенские кошки крадутся под речным угором, стерегут стрекоз, когда те выползают из коконов, бегут за ними, летящими низко, и, сбив, мягко прижимают лапой. Некоторое время пружинно поводят хвостом, должно быть, утишая в себе охотничий азарт или, наоборот, распаяя его...

Впрочем, чтобы это постичь, мало быть писателем. Нужно – рыбой, кошкой, стрекозой. Или жить в деревне, где приходишь к пониманию вещей без посредства бумаги, с некой первоначальной естественностью, как будто никакой бумаги, никакой литературы никогда не было и всё это, весь этот мир, ещё никем не познанный, едва-едва образовался во Вселенной и тебе, а не кому-то другому выпали счастье и мука впервые лицезреть его и оставить в Слове.

РЫБЫ

Пока бросаешь – все здесь, сплываются на хлебный мякиш. Перестал бросать – и нет ни одной. Или, может быть, это тебя для них больше нет, а сами-то они как были, так и остались, и потому только не сплываются, что не бросаешь?

И тоже: вся надобность в тебе – разве что в этом хлебе! Но и у тебя надобность – в этих рыбах. И модель вашего союза – тебя, бросающего корм, и рыб, на него сплывающихся, – легко можно перенести на взаимоотношения писателя и читателей, актёра и зрителей, музыканта и слушателей, во всех трёх парадигмах если и объединённых между собой какой-либо внутренней связью, так это знаменателем такого троякого понятия, как жизнь автора.

В ГОСТЯХ У ПОЭТА

Он, кажется, остался в небольшой обиде – за то, что меня пригласили на фестиваль, а его нет. Я видел его на открытии, специально ради этого прибывшего в осенний яркий Иркутск из своего отдалённого района. Не знавшего, куда приткнуться в гулком конференц-зале. Какого-то ненужного, смущавшего этой своей ненужностью. И ранимого, как все провинциальные таланты.

Спустя день-два уезжали на Ангару, где родился наш знаменитый земляк. Рассаживались в микроавтобусе согласно списку и количеству посадочных мест – поэт, с утра пораньше явившийся в гостиницу, остался на дороге, жёлтой от нападавшей за ночь крупной тополиной листвы. Такая чеховская сцена.

– Видишь, тебя позвали...

Назавтра обсуждали, как его выгнали с поэтического вечера, на котором он напился и вёл себя непотребно, лез на сцену и вырывал микрофон.

...И вот – посёлок у чёрта на куличках. Квартирка-норушка в хрущёвке из красного кирпича, на углах будто выглоданного. Советские – двери, вешалка, люстра. И даже запах – старый, давнишний. Не затхлый, но каких-то прежних времён. Как из откупоренной бутылки, многие годы простоявшей в кладовке.

Живут с матерью.

– А что? Мать пенсию получает, я – работаю опекуном у одного старика. Картошки накопили, капуста запасли. Нам с матерью во-от так хватит! – чиркает себя большим пальцем по горлу.

Капуста тут же, в прихожей, в бугристых мешках из-под муки. Собрались солить.

Мать выглядывает из кухни. Живая, с необходимой пружиной в голосе. На таких всё и держится, весь наш мир, когда его остервенело рушат наши жёны. Здоровается приветливо. Но по тону понимаешь: люди заняты делом.

– Что же вы стоите в прихожей? Саня, проводи в комнату.

Поэт показывает какие-то самодеятельные издания, в которых опубликован. Подписывает тонюсенькую книжечку, вышедшую в некогда популярной сибирской серии. И о чём-то всё рассказывает, рассказывает. О том, например, что журнал, напечатавший его стихи, доходит даже до Карелии. И что Миша Кривошеин, поэт из соседнего посёлка, – его друг и классик русской поэзии.

Сообщаю ему, что столичный критик похвалил его стихи, а одно прочитал вслух за праздничным ужином.

– Какое?! – дрогнул голос.

Мать – нетерпеливо:

– Са-аня-я?!

...Повернулся уходить – гвоздь, вылезший из каблука, зацепился за половичок. Половичок из разноцветных тряпочек поволокся следом. Такая в духе раннего Достоевского сцена.

Квартирка поэта – окнами на дорогу. Бывая в этом посёлке и раньше, я часто проходил мимо трёх пыльных обшарпанных рам, за одной из которых сейчас стоит человек. Голова его седа. Жизнь – почти прожита. Нет детей, одни стихи. Тихие, добрые. Во всём районе никому ненужные, кроме Миши Кривошеина.

Я машу поэту рукой. Дай Бог здоровья и долгих лет жизни твоей маме, поэт.

ОДИН

Когда один в осеннем лесу, в котором много молчания и синей волчьей ягоды...

...или бредёшь бугристой пашней, поднятой ещё твоими предками, но с недавних пор заросшей кустарником...

...продираешься ли некошеной луговиной, где когда-то столовались деревенские косари, а теперь в свалившейся траве чернеют позвонки рухнувших шалашей...

...сидишь ли на пороге ветхой охотничьей избушки, чей хозяин жив ли...

...и если есть в этой избушке какие-нибудь особенно личные предметы, будь то расчёска, мундштук из заячьей кости или пожелтевшая газета, которую до тебя читали неизвестные тебе люди...

...вообще, бывая там, где никого не встретишь и где сам прежде не был...

...и если светит солнце, стелются облака, какие вот также плыли задолго до твоего рождения, а то и до сотворения всего...

...то мысли твои светлы, как в юности, и вспоминаешь всего себя разом, с самого начала...

...и оттого неумолимой тоска расставания, а из сердца нейдёт мысль о том, что был здесь, видел и осязал это всё – в последний раз и таким, как сегодня, уже никогда не будешь...

Так приходит понимание, что смерть есть, прежде всего, прощание с таким собой, каким ты был ещё вчера.

ПИСЬМО В НИКУДА

Во первых строках сообщаю, что как есть пришедши из леса, где я собственной персоной готовил из молодых берёз черенки для вил и лопат и наслаждался величием природы, как выражаются городские поэты. В то же время Шарик забурился под корни ветровальной кедрины, замыслив докопаться до бурундука, благоразумно юркнувшего в норку, и на природу плевал глубоко и конкретно, а когда я потащил его за хвост, оглянулся с таким видом, как будто хотел сказать: «Ты кого тянешь, падла?!»

...Шёл сегодня по задичавшему совхозному полю, в котором бродили чьи-то коровы, как вдруг вспомнилось что-то такое из юности, с таким же промозглым осенним днём. И стало грустно, хоть плачь! Но и светло, как в осиннике, когда листья осыпались, и в голых ветках – синь неба, клин гусей, след от пролетевшего самолёта. И тем отчаянней воз-

мечталось, чтоб рука об руку шла любимая женщина: взять, подвинуть за плечи, поцеловать. Сказать, что долго ждал...

В лесу медведь взбороздил муравейники, поставил на попу камни у дороги. Осень, пора подыскивать берлогу, а он всё быкует! Шарик несколько раз рывкнул в глубину леса – туда, где треснул сучок, и в его голосе было много понимания и правоты.

Видал на большой пихте чьё-то гнездо и рядом, на сучке-рогатке, заячью лапу. Вероятно, здесь живёт какая-нибудь языческая богиня, по утрам ударяется о землю и превращается в красну девицу, бродит с лукошком и охмуряет бродячих писателей.

На обратном пути срубил берёзовый нарост – кап: на пепельницу (курить, когда снова будет грустно), или на рукоятку ножа (полоснуть по горлу, когда – всё равно).

Шарик натёр лапы, с понурым видом плёлся сзади – заматерелый, постарелый. Шарик-старик. Даже не верится, что жизнь его прошла. А ведь, казалось бы, ещё вчера шатались в здешних лесах весь октябрьский ветреный день, когда уже лежал снег, и жали первые морозы, и такая радость пучилась в груди, такой пружиной сжималась душа в ожидании первой полайки! В обед пили чай, задымив костёр на пустынном берегу таёжной речки, и Шарик нюхал выплеснутый с опивками лист смородины, и лист – тёмно-зелёный, напревший – остывал на снегу и неизъяснимо хорошо пахнул. И уже было чем-то лишним, если Шарик вдруг срывался, должно быть, заслышав звук беличьих коготков, царапнувших дерево, и вскоре начинал базлать – страстно, захлёбываясь, если белка сидела на виду и дразнилась. И хотелось скорее прекратить этот лай, лишь бы снова, как льдинки в луже, собралась разбитая выстрелом тишина...

Вспоминались любимые стихи:

*Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.
.....
А в поле ветер. День холодный
Угрюм и свеж — и целый день
Скитаюсь я в степи свободной,
Вдали от сёл и деревень...*

(Подумать только, Ивану Алексеевичу было всего девятнадцать, когда он вышагал эти строчки, которыми восторгался сам Толстой!)

...И вот Шарик – старик. Не успевает, пропадает из виду. Ждал его на опушке. Думал о том, как это несправедливо: он постарел, а я ещё нет. И что его скоро не будет... Посмотрел потом на него. А он как будто всё понял. Тоже посмотрел на меня, подняв низко опущенную голову, и тяжело так вильнул хвостом. Всего лишь раз-другой.

ЗАБЫТАЯ СТРОКА

Вычитал в школьном блокноте: чист, как молодой маслёнок. Написано простым карандашом и уж конечно не за писательским столом, которого в ту пору как такового не было, а на острой юношеской коленке...

Поэзия, только она даёт ощущение нравственной чистоты. Только зная и любя её, человек вправе сказать: я чист, как молодой маслёнок!

ПЛУГ

Нашёл его в один из дней минувшего лета, когда искал грузди в пересовских лесах за валами, за полями, за покосными лугами. Не сразу сообразил, как он очутился среди деревьев, каждому из которых не меньше тридцати лет. Только потом догадался, что не так давно на месте этого леса была пашня, туда-сюда ходили трактора, таскали плуги, бороны, сеялки. Однажды этот плуг отцепили прямо в поле, в конце борозды, – скорее всего, там, где становалась тракторная бригада. Наверное, думали вскорости забрать. Или оставили до будущей весны, когда бригада снова придёт в эти дальние поля по ту сторону Лены. Но началась перестройка, всё пошло кóсом – и не только брошенный плуг, но и страна стала никому не нужна. И вот стоит он в молодом лесу, как памятник государству, которого уже нет, а эти берёзы и осины – словно венки, возложенные к подножью...

Постоял рядом, приложив руку к забытому, ржавому, с некогда нашлифованными до зеркального блеска, а теперь потускневшими лемехами. Подумал о том горьком, что выпало на долю русской пашни в конце двадцатого века. Набрался вековечной мужицкой силы, распахавшей здешнюю тайгу, поднявшей наши северные земли. Запомнил это отныне сокровенное и святое для меня место – и пошёл, чтобы писать свои книги и однажды оставить карандаш в конце исписанного листа, как плуг на пашне, и уйти в ту же землю, полную холода, льда, вечности.

Моззизя

МАРИНА НОЖНИНА, 1982 г.р., Ангарск

Родилась в г. Нижнеудинске, жила в поселке Камышет Нижнеудинского района Иркутской области. Закончила Камышетскую среднюю школу, Тулунский педагогический колледж по специальности «Учитель черчения и рисования. Художник-оформитель». Работала в Черемховской художественной школе преподавателем живописи, рисунка, композиции. Окончила Восточно-Сибирскую государственную академию образования по специальности «Изобразительное искусство». Работает в Ангарской художественной школе преподавателем высшей квалификационной категории по предметам: живопись, рисунок, композиция. Участвовала в выставке «Живопись, Графика, ДПИ» (2004), в I региональной научно-практической конференции преподавателей детских художественных школ и художественных отделений школ искусств Иркутской области на тему «Методика преподавания декоративной композиции в ДХШ с 1-4 классы» (2013), участник выставки «Кукла. Мастер. Настроение» (2017, Ангарск). Публиковалась в районных газетах: «Присяянский край» и «Наша жизнь» (Тулун), «Канские ведомости» (Канск), «Елена» (Нижнеудинск), «Черемховский рабочий» (Черемхово), «Подробности» (Ангарск); в альманахах и журналах: «Первоцвет», «Признание», «Приокские зори»; в сборниках: «Стихи моей души» (2009), «Пускай услышат наши голоса» (2018). Автор сборника стихов «А наша жизнь начинается на рассвете...». Первое место на первом этапе конкурса «Молодость.

Творчество. Современность. – 2006» в секции «Литература» в г. Черемхово. Отмечена грамотой городского литературного конкурса «Золотое перо» (2013, Ангарск). Второе место в конкурсе «Ветер Надежды – 2017» г. Москва, ГК «Роза Ветров» (2017). Участник литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2018».

Здравствуй, Апрель, конопатое счастье!
Солнечный день, озорная капель,
Полная чаша безудержной страсти,
Что же ты долго так?
Здравствуй, Апрель!
Вечер напудрил румяные щеки,
Брови нахмурил ночной синевой,
Катится месяц желто-двурогий,
Светом своим будоража покой.
Здравствуй, родной, я совсем не забыла –
Талый твой снег с ледяной бахромой,
Знаешь, Апрель, я тебя полюбила,
За долгожданную встречу с судьбой.
Тише, мой друг, ни единого слова!
Так и оставим с тобой всё как есть,
Слышишь, а ты приходи ко мне снова,
Вспомним с тобою весеннюю лесть.
Только смотри, не заигрывай больше,
Я ведь не та, что когда-то была,
Что же ты, шуришься, губы наморщив,
Холод набросив на плечи тепла?
Здравствуй, Апрель, хулиган и задира,
Прячешь глаза за туманом небес,
Милый Апрель, я тебя не забыла,
Здравствуй, Апрель!
Я же знала: ты здесь!!!

СНЕГ

Плюет фонарь,
Зернистый снег в ночи,
И в сумраке его теряет сонном,
И на ветру то воет, то молчит,
Тень проводов

В дрожанье монотонном.
А я спешу на остановку дня,
Забыв оставить дома сон убогий,
Пушистый снег
Кружит вокруг меня
И падает неслышно вдоль дороги.

Застыл февраль
У водосточных труб,
И ночь от снега побледнела,
Когда с холодных
Фонарных губ
Снежинки сыпались легко и смело.

Съедает ночь
Нахмуренную даль,
Оставив только воздух бледно-зябкий,
Уставший и взъерошенный февраль
В фонарь бросает
Снежные охапки.

Ну, а фонарь плюет его, плюет
И растворяет в желтом отраженье,
А снег идет,
А снег себе идет
И на земле томится без движенья.

МЕДВЕЖИЙ ПОЦЕЛУЙ

Безлунной ночью
Поцелуй медвежий
Развеет сон дыханием своим,
Безмолвным, грубым, несказанно нежным,
Таким далеким и таким родным.
Безумной ночью
Для двоих с надеждой
Прольются с неба сотни лунных струй,
И растворится сердце под одеждой,
Как твой медвежий,
Нежный поцелуй.

День устал. Завалился, бедовый, в траву,
Хоровод комаров, взвившись в воздух, неистово пляшет,
Белоснежных ромашек я нежно в охапку нарву,
Закрывая букетом лицо, через поле пройду мимо пашен.

Раздухмянился яркий кипрей, доставая до плеч,
Наклоняясь ко мне, обнимая, цепляет за косы,
Словно хочет в объятьях от ночи меня уберечь,
И жужжат над ромашками, тыкаясь в волосы, осы.

Пробежит по рукам холодок, провожая тепло,
Поцелуи оставив, застынет на кончиках пальцев,
Солнце лучик последний в овраг за собой увело,
Вышивает ночь звезды на небоневидимых пальцах,

А закончив работу, укроет всё черным сукном,
И со мной просидит у костра, отгоняя мошку и букашек,
Я под утро уйду, через лес, окруженный туманом и сном,
Прихватив лишь с собою букетик завядших ромашек.

Рассыпал ветер запах полыни
По теплым лужам, словно зазря,
И снова разбухло небесное вымя,
И струями цедит дожди сентября.

Опять и опять колею размывая,
Бросает в грязь листьев корявую медь,
Над долом холодным туман разметая,
Восходом зари просит землю согреть.

Струится река голубою дорожкой
В оранжево-желтых накрапах листвы,
И где-то на небе невидимой ложкой
Хлебают луна тишину синевы.

Бодрящего воздуха ветряный шепот
В лесу будоражит осиновый лист,
И снова по лужам разносится топот —
То дождь отбивает неистовый твист.

Опять и опять барабанит по крыше,
Смывая следы сентября на траву,
И запах полыни всё глуше и тише,
И день холоднее, и осень всё ближе
Крадется так тихо, сродни колдовству.

А из кухни запах корицы –
Мама печенье стряпает!??
Мамы нет... Лишь из кухни слышится,
Как вода из-под крана капает.

Вот и закончился день в прихожей,
Луна повисла на дереве ночи,
И она, на меня похожая,
У зеркала рожи корчит.

Искривилось пространство, сузилось,
Затерялось в тумане вечности,
Ну а мне в темноте почудилась
Дверь с туннелем из бесконечности.

Мне почудилось будто бы заново
Запах лета травно-цветочного,
И что дома я снова с мамою,
И со мной она будет точно!

И не будет зимы и холода,
И всё будет спокойно и весело,
А луна отвернулась от города,
И печально голову свесила.

Посмотрю я в окно полночное,
Как маячат тени на стенах,
Как луна в отраженье хохочет,
Оставляя свет на антеннах,

И скажу я ей вся в нетерпении,
В ожидании постоянства –
Это я потерялась во времени
И осталась зависшей в пространстве.

Боюсь забыть предутреннюю тишь,
И скрежет ставень в доме деревянном,
Как бродит легкий ветер между крыш,
Встречая ласковый рассвет румяный.

Боюсь забыть тот нежный мамин взгляд,
Что отражал трельяж перед отъездом,
Тот стук калитки, голубой наряд –
Осталось всё в воспоминанье детском.

И словно не было родного ничего,
И всё слилось и потерялось будто,
Я, как лимон, вся выжата насквозь,
От этих нудных бесконечных будней.

Учусь добреть, нежнеть и понимать,
И грусть отходит, и стихи все реже
Ложатся в белоснежную тетрадь,
И воздух чаще кислотою режет.

И я всё реже в безмятежной мгле
Не чувствую родного притяженья,
Застрявшая в житейском барахле,
Лежу совсем немая без движенья.

Я в отраженье мыслей окунусь,
И вспомню все, что так давно тревожит,
Боюсь, что если не проснусь,
Я не увижу, как мой день был прожит.

ОСЕНЬ

Где в полях не высохла роса,
Где туман клубится над рекою,
Осень незаметно пронесла
Светлый день с опавшею листвою.

В ярко-желтом платье по траве
Пробежала, листья осыпая,
День осенний в ласковой руке
Пронесла, дыханьем согревая.

Заплутав в черемухах густых,
Растрепала ярко-рыжий волос.
И вдали, в просторах голубых,
Прозвенел ее прощальный голос.

Этим звоном серые ветра
Золото листвы в полях разносят,
Ну, а если дождь идет с утра,
Точно знаю – это плачет осень.

Душа моя – богадельня –
Бездельня и транжира,
Из стороны в сторону таращится,
Бесится от жира,
Чего тебе надо, скажи нам?
Зубы сводит от утра морозного,
После чая горячего, сладкого,
В состоянии гриппозном,
Меняю каблуки на тапки,
Меняю жизнь-богадельню –
Хитрую тетку с пятном на платье,
С голосом громким и матерным,
На тихую, с домом и катером,
Меняю душу, истертую грязной клячкою,
На сарафанчик беленький, незапачканный,
На вечер с вином и свечками,
На томик Бунина,
Чтоб не казаться овечкою,
На яркий браслетик на правую,
На улыбку веселую,
Меняю свою, усталую.
Меняю жизнь – богадельню,
Меняю, меняю...
А куда от нее родной денешься?
Сама не знаю.
И может, проснется утром – душа моя богадельня,
Напьется чаю сладкого
С молоком и вареньем.
Клубком, свернувшись у ног моих и вечером

Не замечу ее, не встречу,
Запрячу и не отвечу,
Закроюсь. Идеи бредовые ненавижу,
А она врет, как дышит.
Не слышит. Меня не слышит.
А я меняю. Меняю жизнь – богадельню,
Меняю, меняю...
А куда от нее родной денешься? –
Сама не знаю.

Моё неснятое кино.
Герои разошлись.
За окнами уже темно,
Ночь продолжает жизнь,
Ночь продолжает без конца
Дневную суету,
И я походкой мертвеца
По улице иду.
Я поджидаю за углом
Свою немую тень,
Иду домой,
Ползу ползком,
Счищаю грязь с колен.
Моё неснятое пальто
Ложится на диван,
И заползает, как в гнездо,
Сон в выпитый стакан
И выпадает наяву
В открытое окно.
Я чувствую, что не сниму
Неснятое кино.

А в детстве потолки выше,
И стулья выше,
И окна больше,
И тянется кот на крыше,
Выгибая спину,

И лапы делая тоньше.
Дорога дальше,
И хлеб вкуснее,
Когда на нем сахар посыпан,
И плакать еще умею,
И чаще болею гриппом
И мама старая –
Ей тридцать четыре,
А я ж такой никогда не буду,
Живу в своем придуманном мире,
В гномах и эльфах,
И верю в чудо.
И никогда замуж не выйду,
Певицей стану,
Или актрисой,
И долго держу обиду,
На родителей, с мордой кислой.
А сейчас – работа,
Дом-работа,
Работа-дом,
Снова работа,
И день перегружен,
Дохну в кровати,
Как в шахте гном,
И обед готовлю,
И жду мужа.
И маму опять вспоминаю,
Она мне все чаще снится,
И я не такая уж старая,
Хотя далеко за тридцать,
Усталая...
И счастье переполняет,
Когда знаю, что нужна кому-то,
И сына во сне укрываю,
И снова как в детстве
Верю в чудо.

Дождик летний на дорогу вышел,
Наследил кругом и влез на крышу,

Подберу следы и брошу выше,
Я хочу любить тебя, ты слышишь?!

Поднялась дорога и упала,
За дорогой облако пропало,
Я с дождем тебя весь день искала,
Но и дня мне оказалось мало.

Смыл твои следы упрямый дождик,
Я просила, подожди немножко,
Улыбнулась радуга в окошке
И ушла по голубой дорожке

Дождик с ней исчез за облаками
И закрыл лицо свое руками,
Расплывалось небо под ногами,
Отражаясь на воде кругами.

Дождик летний на дорогу вышел,
Наследил кругом и влез на крышу,
Подберу следы и брошу выше,
Я хочу любить тебя, ты слышишь?!

Брось в мои мысли осенним мусором,
И новых стихов зародятся строчки,
Октябрь может быть злым и грустным,
Занудным и очень даже разборчивым.
Осень меня уже не боится,
Листья швыряет, как лакмусовые бумажки,
И ночью холодной все чаще снится
Жизнь, перевернутая вверх тормашкой.
Каждый лист осени пропитан туманной сыростью,
Ручкой шариковой мои листы поисчерканы,
Справлюсь ли я с этой осенней сонливостью,
Что приходит ко мне вечерами моими черными?
Выйдут из вороха сгустки мыслей и слов моих,
Память растрескается, как ваза старая,
Не собрать ее из осколков тех сломанных,
А я, кроме них, ничего у себя не оставила.
Осень меня уже ненавидит,

Трещит душа, острым ледком поперхнувшись,
Закричу со всей мочи голосом странным: «Изыди!»
К настенному зеркалу, резко лицом повернувшись.

Парализован вечер тишиной,
Дырявая луна повисла месяцем,
В моём сознание скука и покой,
Что захотелось на штанах повеситься.
Грустила ночь под черным потолком,
За мной следила сверху желтым глазом,
И сбившийся в иссохшем горле ком
Двойным узлом был туго перевязан.
Скулил собакой ветер с чердака,
Дрожал и мерз, просился обогреться,
Впущу его к себе исподтишка
И угощу ядерной водкой с перцем.
Парализую мозг свой до утра,
В кровати из пустых воспоминаний,
Для ветра будет дом мой – конура,
А для меня – унылый грот молчаний.

Кто-то скажет, что я устала,
А может отправиться за моря?
Только бы лето меня не застало
В объятиях декабря,
Только бы осень не стала плакать
Обо мне проливным дождем,
Я умела под маскою прятать
Ту не нужную боль обо всем.
Поцелуй меня нежно в губы,
Я почувствовать это хочу,
Будь наивный, преданный, грубый,
Только я всё равно улечу,
За закатом, за синей дымкой
Опущу свое сердце в зенит,
И, придя к тебе невидимкой,
Положу под подушку магнит.

И от чар, дуновение ветра
За окном прекратиться на миг,
Звезды в небе исполняют ретро
Из прочитанных временем книг.

На спинку стула я повесила любовь,
Руками придавив покрепче,
Не стало легче!
Вереницей слов
Я вновь тебя так искренне калечу.
Толкну рукой пустую полусинь,
Набравшись сил,
Я не заплачу больше,
Не станет горше. Сколько б ни просил,
Я не приду, усталый лоб наморщив.
Смотреть останусь лишь издалека,
Смягчая нрав из копоти и пыли,
А в небе прядью рвутся облака,
И хочется, чтобы меня любили.

Ты расправь мои крылья,
Высуши,
Разбери мне каждое перышко,
На веревке стальной не выдержу
Я висеть,
Опаленная солнышком.

Не залазь только в душу –
Изъедена,
Измоталась, дышать перестала.
Я тебя вчера не заметила,
А сегодня под ноги упала,
Я сегодня от боли корчилась,
А вчера
Мимо шла величавая,
Покоробилось тело,
Сморщилось,
Крылья стали истерто-костлявыми.

Разлетелись по ветру перышки,
Тело высохло,
Потрепалось,
Опустилось на острые колышки,
А душа
На веревке осталась.

Мелодия
Полночный музыкант – холодный ветер
Перебирает струны на кустах,
Уносит в небо музыку и вечер
И оставляет песню на губах.

Несутся ноты – листья озорные,
Разносят музыку по крышам и дворам,
Лишь только звезды в небе золотые
Молчат, подмигивая нам.

И ничего особенного, вроде,
Но ты прислушайся к той музыке ночной,
Услышишь ты, как музыкант заводит
Мелодию, придуманную мной.

Разменяла мысли на мысли,
Что плывут угрюмыми тучами,
И холодными снами нависли
Мои мысли над днями тягучими

Растрепала осенние ворохи,
Желто-огненно-ржавой листвы,
И застыли за душами шорохи,
Тень легла от пустой наготы.

Раздала канитель заурядную,
По дороге лесной синеве,
Натянула улыбку нарядную
Зубоскалой пустой голове,

Разухабилась злая, поскудная,
Сероглазая осень в дожде,

Словно песня тяжелая, нудная,
Что поют в обнищавшей нужде,

Распрощалась со снами тревожными,
Бросив веру в пустое окно,
Притаилась, как выпь осторожная,
Всё живет, ну а мне всё равно.

Твое сердце как камень,
Да и мое уже не ватное
И глаза не пламя
И что-то непонятное происходит с нами
И как листы тетрадные
Летят за облаками
Слова твои невнятные душу мне раня
Мы оба виноватые...
Странно.

МИЛЕНА МИНИНА, 1998 г.р., Иркутск – Шиткино

Родилась в поселке Шиткино Тайшетского района. С 6 класса «писала в стол». Активно участвовала в школьных мероприятиях, посещала кружки в Доме культуры, выступала на концертах и районных вокальных конкурсах. В старших классах участвовала в ВИА «Юность» в качестве клавишницы и вокалистки. В 2016 году поступила на исторический факультет Иркутского государственного университета. С первого курса выступает на литературно-музыкальных вечерах со своим творчеством. Печаталась в сборниках «Иркутск. Хроника молодости» и «Иркутск. Хроника в рифмах», литературно-художественном альманахе для юношества «Первоцвет». Сотрудничает с Иркутским Домом литераторов, выступая с романами и песнями собственного сочинения под гитару. Ближайшая цель – запись музыкального альбома. Член молодежного творческого объединения «НеоКлассический синдром».

МЕЧТА, ПРОСТИ

Прости, я предаю тебя, мечта.
Я предаю тебя немому порицанию.
За то, что ты слепая сирота,
С прерывистым и немощным дыханьем.

За то, что ты измучила враньём,
Вытряхивая душу, как котомку.
Что ты под сердце битое моё
Не подстелила мягкую соломку!
За то, что ты смотрела на меня
С открытой непрочитанной страницы.
В лазурной синеве, при свете дня,
Кружила журавлём, а не синицей.

Какая малость. Выгорев дотла,
Сияньем новой жизни озариться!
Какое счастье! Ты со мной была,
Моя мечта...
А, впрочем, небылица!

СЧЁТ

Не считается.
Точных наук никогда
Не спешила понять.
Кто же мне скажет тогда,
Что останется,
Если тебя отнять?

Не решается.
Это не сглаз,
Но стоит поставить крест.
Сумма из нас
Не слагается
При перемене мест.

Не сбывается.
Это неравенство
С нами который год.
Все ошибаются.
И я завершаю счёт.

Я БОЮСЬ ПОТЕРЯТЬ ТО, ЧЕГО У МЕНЯ И НЕТ

Я боюсь потерять то, чего у меня и нет.
Это как на воде пытаться оставить след.

Это как приручать неистовые ветра.
Вот такая моя бессмысленная игра.

Как ловить темноту в чернелой пустой ночи,
Собирать на ладонь все солнечные лучи.

Обнимать целый мир, когда не хватает рук.
Продвигаясь по кругу, покинуть зловещий круг.

Говорить с тишиною и ждать от нее ответ.
Я боюсь потерять то, чего у меня и нет.

ПЕРЕЛИСТНУВ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ...

Перелистнув страницы жизни
Назад до первого листа,
Какой же плод я сорвала бы
Со злополучного куста?

Отбросив глупые сомненья,
Как мать жизненных помех,
Была, быть может, всех игривей
И любознательнее всех.

Смахнула б пыль с забытой книги,
Вдыхая мыслей череду,
Мечтая честно и отважно
Завоевать свою звезду.

И чистоту храня стремлений
До этих самых бурных лет,
Я может быть своей мечтою
Взбудоражила бы свет.

Без колебаний вдаль глядела б,
Сплетая ниточки судьбы,
Как не соткать себе обитель
Из многих сотен разных «бы».

СЧАСТЛИВЦЫ ПИШУТ СТИХИ?

Когда закрашены пробелы,
Домыслен шаг,
Мне до рифмовки нету дела,
Мне рифма враг.

Как по стеклу щемящий скрежет,
Под ногти гвоздь,
Меня моя же Муза режет
И бьёт насквозь.

Беды бы не было, но Боже
Забрал грехи.
Счастливым будто бы негоже
Писать стихи!

И я выламываю двери,
Ступаю в брод.
Себя он поступью измерить
Едва даёт.

Когда Поэзия мне вышлет
Прощальный жест,
Я всё взбираться буду выше
На Эверест.

Как задышу в чужие спины,
Мне кинут в глаз:
Вы перепутали вершины,
Здесь не Парнас.

И я пушусь стрелою в небо,
До самых звёзд,
Сольюсь с прозрачно-чистой негой,
И понеслось!

И будет россыпью небрежной
Рождаться ритм
Моих стихов искристо-нежных
В лучах зари.

ТВОЁ ИМЯ

Твоё имя в стихи вплетать!
Слог за слогом, за слогом слог.
И венцом золотым пускать
По воде за речной порог.

Твоё имя в стихи вплетать!
Свою душу отдав в залог,
Зачарованной трепетать
Перед кружевом этих строк.

Твоё имя в стихи вплетать!
Нежный шелковый лепесток.
Прядь за прядью, за прядью прядь,
Завиточек на завиток.

Твоё имя в стихи вплетать!
Каждый скрывшийся закуток
Заговаривать, лепетать
До пульсирующей в висок.

Твоё имя в стихи вплетать!
Затянуть попрочней узелок,
И себя с ним в одно связать,
Чтоб никто разорвать не смог.

ПРЕДСТОЯЩИЙ РАЗГОВОР

В пространстве-времени зависнув
Не то дождём, не то огнём,
Любой свой шаг шагаю с мыслью,
Что расскажу тебе о нём.

Какой прыжок я совершила
Из прежних пут, поросших мхом,
Что изжила и что решила
Я, вскачь отправившись верхом.

Умея клиньями из света
Все цепи страха разорвать,
Я обладаю силой этой,
Чтобы тебе о ней сказать.

Что заводная шестерёнка!
Поставив чувства на повтор,
Я в голове кручу, как плёнку,
Наш предстоящий разговор...

Я К КАЖДОМУ ЛУЧУ ТЕБЯ РЕВНУЮ...

Я к каждому лучу тебя ревную,
Что так легко умеет прикоснуться.
А ты ему в ответ на поцелуи
Ещё смелее можешь улыбнуться.

Ревную к звуку сказанного слова,
Он эхом горным звонко прокатился.
И к дуновенью ветра шептунного,
Что в волосах твоих заворошился.

К глазам тебя заметивших прохожих,
Что даже не пытаются взглядеться.
А у меня, когда ищу похожих,
Сжимается и вздрагивает сердце!

К сияющей звезде на небосводе.
Ты к ней идёшь, препятствия минуя.
К мечтам, к полёту мыслей, и к свободе!
Я к жизни, кажется, тебя ревную!

Но и она, баюкая, в ладонях,
Как в колыбели пусть тебя качает.

И холод зим души твоей не тронет.
Я каждый луч на то благословляю!

Слово за слово завязалось...
Вы послушайте. Так и было.

Я жила, я смеялась, любила.
И казалось:
На весь мир я светила.
И мерцала.
Но не хватило.

И теперь во мне боли скопилось
На полмира.

Но я знала,
Что есть и другая сила.
Я ее открывала,
Когда в сердце зияла
Могила.

Она кровоточила,
Сквозила
И источала

Любовь всего мира.
И я бы её впитала,
Но мне не пристало.

Ведь я же её туда
Сама

И схоронила.

* * *

Рассыпается луч переливами сквозь стекло.
Почему так красиво в осколках мерцает свет?
О разбитом не плачут, но вновь на щеке тепло
Остывает и свой оставляет соленый след.

Я гляжу на пустырь, где разбит был изящный сад.
Я дышу на ладони и пальцы продрогших рук.
И мерещится, как на ресницах дрожа слеза
Отражается частыми искрами на снегу.

Слишком сильно зажатый осколок, впиваясь, жжёт.
Я стою посреди миражей и витражных стен,
И мой мир ускользает, мой собранный мир плывёт
По излому кистей, по извилистым нитям вен.

* * *

Наступит день, придёт момент,
Мне будет никуда не надо.
Я повстречаю здесь рассвет
И догорю с лучом заката.

Со всех радаров, всех сетей
Исчезну, растворюсь, растаю!
Без лент, без чатов, новостей
И без навязыванья правил.

В последний раз еще вдохну
Мой мир мозаичный, нелепый,
И навсегда перешагну.
И прошепчу: «Ура... победа...»

* * *

Сколько песен я знаю неспетых и недописанных!
Этой встречи не хватит, чтобы о них рассказать.
Я могла бы продолжить бумажными тёплыми письмами,
Но ты вряд ли захочешь, теперь уже, их прочитать.

Мне давно не семнадцать, но всё же застыла во времени,
Когда не было права не верить, что всё впереди.
Я желаю удачи, ведь знаю – тебе не хватает везения,
Я желаю тебе
Пути.

Миниатюры

ЕГОР ФЕДОРЧЕНКО, 1999 г.р., Иркутск

Студент Института национальной и экономической безопасности Байкальского государственного университета по специальности «Экономическая безопасность».

ТЬМА

Ночной город. Тишина и спокойствие. Я вместе с Луной сидел на крыше одного из домов. В такой обстановке Луна показала мне свою красоту. В городе почти погасли огни. Луна блистала всё ярче, освещая весь город. В городском полумраке, при её свете, иногда мелькали силуэты людей. Это были те, кто не спал, возможно, те, кто хочет увидеть Тьму, красоту этой загадочной дамы в тишине полумрака. Свет поглощает и бродит по городу, маня к себе всех мужчин.

Луна рассказывала мне много историй, а я внимательно слушал. О городе, о жизни, о Тьме. Всё мне нравилось, кроме рассказов о Тьме. Луна говорила, что Тьма – это ложь, а её загадочность – это ловушка. А я

почему-то не верил. Тьма меня соблазняла, а Луне я не доверял.

И вот, я спустился с высокой крыши. Тьма меня вдохновляла, а Луна мне путь освещала. Одна была недостижимой, а другая – взаимной. Шёл по прекрасным ночным улицам, я был уверен в своих действиях, я следовал за мечтой. А мечтал я о Тьме, быть рядом с нею, любить её...

Прошёл три квартала и понял, что настал момент выбора – с кем быть? С Луной или с Тьмой? Соблазн сделал выбор за меня, а Луна обиделась и перестала освещать мне дорогу. Пришлось идти в темноте. Чуть позже я обнаружил фонарь. Итак, фонарь загорелся, а передо мной появилась тёмная стройная фигура, поглощающая свет. Это была Тьма. Она стояла и смотрела на меня. Ни разу не видел, чтобы она хотя бы на кого-то засматривалась. Тьма протянула мне руку, и я подошёл ближе. Взяв её руку, я исчез навсегда...

**АНАСТАСИЯ СКОРОВА, 2006 г.р.,
с. Белоусово Качугского района**

Родилась в семье библиотекаря. Занимает активную позицию в жизни школы и сельского поселения. Является участницей районных, областных, всероссийских конкурсов литературной направленности. В 2018 году стала дипломантом в III Всероссийском многожанровом конкурсе исполнительского мастерства «Триумф талантов». В 2019 г. сочинение «Письмо Пушкину» было отмечено вторым местом в XXVII Областном конкурсе детского творчества «Мой Пушкин». В ноябре 2020 года приняла участие в районном конкурсе чтецов «Пусть мама услышит...» В этом же году читала стихотворение в областном онлайн-марафоне «Отблеск вечного огня». Любит поэзию, увлекается художественным чтением стихов, вокалом (первое место в районном конкурсе «Поющая семья»), рисованием и танцами.

К РЕКЕ КУЛЕНГЕ

Монолог-обращение

Река Куленга, ты так удивительна в своей красе! Вьёшься ты змейкой в нашей долине вдоль живописных гор. Ты приносишь нам большую радость. Водичка твоя чистая и прозрачная, словно стёклышко. Ты даришь нам вкусную рыбу. Хариус и ленок – самое замечательное лакомство на свете! Без тебя нет жизни. Тут и бурёнка идёт на водопой, тут и кони быстрые, и собаки, и люди. Да как же без твоей воды! Чистой и живой! Ведь ты нас поишь, кормишь. Как сказал один мудрый человек: «Вода – это жизнь».

Ты так интересна весной, когда начинается ледоход. Твои льдины остаются на берегах, и можно пофантазировать. То корабликом льдина лежит, то цветок ледяной, то лепесток, то гора причудливая. Ледяные глыбы твои падают с таким грохотом, что, кажется, будто гром гремит в середине мая. А потом эти огромные белоснежные корабли величественно ты несешь к морю Лаптевых. А те, которые остаются на берегах, рассыпаются на мелкие, сверкающие алмазами хрусталики. Берешь их в руки, а они переливаются всеми цветами радуги. Подержишь их в ладошке – прикоснешься к тайне.

Ну, а летом... Сколько смеха, задора. Ты умываешь нас, купаешь в своих теплых волнах. Лежишь на твоём берегу и смотришь в небо, а счастье так и льётся, звонко перекатываясь по камушкам. В знойный день так приятно испить твоей водицы, сразу же силы прибавляются. А как нуждаются в твоей влаге капуста, морковка, огурчики и помидорчики. Бегаешь и бегаешь с лейкой, слышишь, как твоя вода в грядки просачивается, и видишь, как овощи радуются, на глазах подрастая.

Осенью радуешь, моя любимая речка, прозрачностью. Твои воды становятся серебряными. А по твоей глади плывут разноцветные кораблики. Вот плывут тонкие лодочки – это ивушка свои листья обронила. То тут, то там блестят на твоей глади золотые пяточки – это березка скинула свой наряд. Красными огоньками сверкают осиновые листики. Парусами надуваются, догоняя друг друга, и уплывают дальше, маня нас за собой. Сидишь и думаешь, как красиво, аж дух захватывает.

Зимой на твоём льду узоры петляют. Это детвора высыпала покататься. Вот Егорка, краснощекий, с санями мчится. А вот и красавица Лиза выезжает, коньками сверкая. Тут и мой пес Север тоже решил совершить прогулку, да трудно по скользкому льду. Соседский кот лапки поджимает, а все туда же. А я тоже решила коньки обновить, разогналась и не рассчитала... Щёки мёрзнут, уши горят, но счастье, счастье, счастье...

Для рыб ты устроила тёплый дом, покрыв все ледяным панцирем – хорошо им там, уютно. Смотришь сквозь лед, а там налиим притаился. Вот лентяй-лежебока! Лежит уже целую неделю... Стукнешь близко, маленько шелохнется, но не уплывает, доверяет тебе.

Вот только печаль за тебя берёт, моя родная Куленга, совсем ты за последнее время обмелела. Жаль мне тебя, сердечная. Что будет?! Страшно подумать, что ты совсем исчезнешь. Но в этом году ты порадовала нас. Разлилась широко и могуче. «Такого лет двадцать уже не бывало», – говорит моя бабушка. Дожди все моросили и моросили. Вся осень была сырой, а нам и радость – наполнилась вся долина твоей водой, даже озера соединились.

Реченька наша, любимая! Мы постараемся тебя сохранить. Как и прежде будем очищать твои берега, оберегать леса от пожаров и вырубок. Живи вечно и радуй нас!

ПОЛИНА ДОЛЖИКОВА, 2000 г.р., Иркутск

Окончила Иркутский колледж экономики сервиса и туризма по профессии «закройщик». Работает в сервисе подбора автоэмалей. За время обучения в колледже принимала неоднократное участие в конкурсах молодых литераторов, участвовала в заседаниях молодежного литературного клуба «Перекресток вдохновений» в Иркутской областной юношеской библиотеке И.П. Уткина, принимала активное участие в интеллектуально-творческой игре «Живи и помни...». Публиковалась в городском литературном альманахе «Каждый стих – дитя люб-

ви». В сборнике колледжа, основанного по инициативе преподавателя русского языка и литературы для студентов с творческим потенциалом, представлены работы в направлении прозы и поэзии.

Очень часто возникают ощущения, будто ты ведомый Автором персонаж. И будто бы Автор не знает, куда тебя направить, и вроде бы сам ты не хочешь двигаться вперёд. Неопределённое будущее, туманное прошлое на перелистнутых страницах, недописанный на половину лист настоящего...

Ты мечтаешь, ждёшь нового дня, следующего года, решающую встречу, но это никогда не определит будущее верно, всегда что-то идёт не так, как задумано. Предугадать следующую строчку истории нельзя, не потому что ты не умеешь смотреть вперёд, а потому что впереди ещё ничего нет. Никто не написал, что будет дальше.

Кажется, что чтобы придумать такого скучного и неинтересного персонажа, как ты, много ума не надо, а его никто и не прилагал. Автор твой – полная бездарность, заставляет жить обычной жизнью, будто переносит её со своей, потому что писать-то особо и не о чем. Никому не будет дела до рутины человека из города N.

И писать на публику для этого автора – верх неуважения себя. Тогда что делать? Автор не может писать истории о себе, если это скучно, но и о другом не может, потому что это ему неинтересно. Кажется, что выхода таланту совсем нет, и он загнивает, постепенно все знания о языке забываются. Но искра продолжает гореть...

Хочется Автору, чтобы в этом мире города N существовала магия, драконы в поднебесье, славные герои и бесчестные злодеи, волшебные пегасы и проклятые сирены. Вот, где искра станет пламенем! Вот, где ты сможешь стать частью той самой удивительной истории, которую будут читать и восхвалять Автора. Ну разве это не здорово?

**КРИСТИНА ПОДГОРОДЕЦКАЯ,
1998 г.р., Ангарск**

Публиковалась в литературно-художественном альманахе для юношества «Первоцвет», сборниках: «Золотые рассветы», «Метафора», «Спасибо, солдаты, за жизнь на земле!». Автор книги «Будущее в прошлом». Лауреат Всероссийского конкурса творческих работ «Зимняя сказка» (2015), I и III открытого муниципального конкурса «Живинка» (2016, 2018), Всероссийского конкурса литературного творчества «Мастера волшебного пера» (2017), международного дистанционного литературного конкурса «Эхо земли» (2017). Финалист областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2018».

МИРАЖИ В МОЕЙ ГОЛОВЕ

Новелла

Солнце нещадно опаляло бескрайнюю пустыню, простирающуюся в разные стороны света. Казалось, она была повсюду, и во всем мире не существовало ничего, кроме нее. Кроме этого пышущего жаром песчаного ада. Сыпучий белый песок обжигал мои ступни, делая передвижение еще более невыносимым. Я на мгновение закрыл глаза, готовый в любой момент упасть без движения и окончательно зажариться. На пару секунд погрузился во тьму. Затем открыл слезящиеся очи и увидел...

Раскаленный воздух пришел в движение. Падающий неоднородный свет солнца стал приобретать смутные очертания. Поначалу невозможно было толком различить, что же за монстра, что за чудовище рож-

дает пространство. Нечто огромное, сотканное из воздуха, надвигалось на меня. Что-то невероятно древнее и мистическое преградило путь. На короткое время я даже забыл, как дышать. Предо мною предстал корабль. Он находился далеко, но неумолимо приближался. Он был полупрозрачным, неосязаемым, легким и одновременно громоздким... живым. Непередаваемые эмоции захлестнули меня. Этот фрегат выглядел точь-в-точь, как в книгах, повествующих о временах, когда в морях царствовали пираты. Высоченные мачты, скрипящие под порывами несуществующего ветра, тянулись к небесам в попытке пронзить их, как гарпун пронзает кита. Угрожающе направленные пушки, покрытые водорослями и тиной, выглядели так, словно судно только что вынырнуло из пучины. Расправленные белоснежные паруса оказались испещрены дырами. Он мчался по песку так же стремительно, как и по воде. Барханы несли его, будто волны в самый мощный шторм. С кормы донеслись крики. Кто-то приглашал меня на палубу. Я шагнул было вперед, навстречу полупрозрачному чуду. Но он исчез также неожиданно и стремительно, растаяв в воздухе бесследно и безвозвратно. Шок охватил меня.

Я упал на колени, издав вопль отчаяния. Никогда ещё не испытывал столько разочарования. Однако небо, чихнув громовыми раскатами, покрылось пигментными пятнами туч. Редкое явление оживило пустыню. На песок упали крупные капли. Я посмотрел вверх и улыбнулся. В небесах плыл мой корабль, даря дождь и жизнь...

Поэзия

ДМИТРИЙ БЕЛЫХ, 1993 г.р., Иркутск

Поэт, композитор. Учился на машиностроительном и психологическом факультете ИРНТУ. Работает в Иркутском областном кинофонде. Публиковался в альманахе «Иркутское время», сборнике «Иркутск. Хроника в рифмах». Автор книги «Общее положение вещей».

И если посмотреть со стороны
Мои попытки выглядеть курсивом
Читать не между строчек даже
– после них
Похожи на отчаянье и скуку
Кусается размеренная жизнь,
А бег с препятствиями
Вносит лишь усталость
Побед не слыша, поражений не ища
Я наблюдаю как ползу по швам, треща

Зубами, шелкая суставом
И прыгая от счастья всякий раз
Как напиваюсь нужным мне составом
И без ума шатаюсь до утра с
Ученым видом болтовне внимая
И больше ни о чем не понимая
Проходит месяц и за ним второй
И даже если кажется порой
Что выход есть – он нарисован мелом
И так легко стирается рукой...

...

Сегодня выпал снег
Снаружи
Похолодало – не метель но все же
Чуть меньше света и чуть больше стужи
Какой-то ужин, завтрак, сон дневной
Что может, то и делает со мной
Тоска – по роже бьет – что сделаю с тоской?
Ведь как ни пей – все как-то обезвожен
Как ни танцуй – стесняется внутри
И если посмотреть со стороны
Попытки и невняты и странны.
Но если не пытаться, то на кой...?
Крепись, мой друг, как старый алкоголь
И нос
Утри.

Видишь ли горы холмы и мы
Среди них силуэтами? ты и я
Так похожи на диких зверей глухих
К пересудам прошлого уходя
От прошлого через ночь до мест
Где синее небо белее бел
Облака и сильнее прочего тянет в лес
Ощущение целого и река
Ускользает гладью к цветной заре
Расцветает видно издалека
Наши тени ползут и ползут по ней
Как ползёт змея по песку змея

Мы пойдём восходами мы идём
Как цветы и всходы плоды земли
По-на-встречу к лучшему из миров
Оставляя на камне свои следы
На руинах прошлого и слова
Оглашая Ждущему впереди
И не канем в Лету прохладных вод
Как бы жарко не было летом тем
Временем все пройдет
А иначе руку твою зачем
Я сжимаю крепко и так же ты
Мою руку и воздух неуловим
Поцелуем и эту и ту и рты
Открывая светлое вымолвим.

Так хочется сказать что я никто
Я тот кто не был и не будет в сумме
Людей рожденных я не вычитаем
Но и не сложен то есть не учтен
Каким бы ни был мой упрямый сложен
Извивый мир. Так хочется сказать
Что я никто так хочется разрушить
Фундамент хрупкий остов кость внутри
Снаружи оцарапать облицовку
Из крыльев перья рвать и стекленить глаза
Кусать сухие губы в темноте
Не трогая зашитых ран орнамент
Язык шершавый и сухой и не шевелить
Застыть как памятник годами изведенный
В песок растертый камень в пыль песок
Так хочется сказать что одинок
Среди людей что нет на горизонте
Души знакомой нет что жизнь сама
Упрашивает «вы меня не троньте»
И ты не тронешься – ты не сошел с ума
не сдвинул рельсы не отбил от состава
И держат десны зубы и суставы
В движенье приводимы силой мышц
Но знаешь что оно наступит

как хохот – время
выходить из боя
Когда не стоит ворошить былое.
Оно соленое и кровавое
Оно разбитая бутылка будешь
Царапать руки об его осколки.
Никто не скажет сколько в этом правды
Тебе не скажут прав или не прав ты
Только пожимай плечами плача
Невыношенное больное пряча
Будущее коему обретши
Не сделать ретушь. И
не стоит говорить
об этом. Будь как буря
Случайся посреди и накануне
Гни кроны и срывай аншлаги
У окон тех кто любит ветер
срывающий не флаги но флагштоки
Будь тем кто потрясет основы
своим глубоководным землеройством
и исчезай как будто бы и не был
как настоящее которым ты и не был
Но думал что всегда им был
А ты не думай – так оно и было.
И ты не думай – так оно и будет.
А ты останься и не уходи.
Со мной останься и не уходи.
Мне без тебя как залпу без орудий
Я без тебя как выдох без груди.

Что мне до тех по ком колокол прозвонил –
Были – не было. С тела вышли.
Что мне до тех о ком я когда-либо говорил –
Небо льном стало. В нем и вышиты.
Всем говорю пока-пока,
Пока Солнце не скрыто тучами, ветер стих,
Крышу разъело – остатками чердака
Помнить чужих, своих, помнить их?
Помню-помнил, да память уже не та

Там где память уже давно не трава, топор
не зарыт, войны избежать – труда
не составит, если не позабыть...
Поезд скорый, вокзалы забиты, им
Привокзальным любые слова как хлеб,
Что же до тех, кто в очередь молодым
Встанет – нет их и помнить о них не мне б.
Так я иду ко рву, пустые глаза влачу
Там где дойду – прилягу, зарюю взор
Все эти «звонкие» – вам не помочь – к врачу
Дайте пройти вперед! Потом и на разговор
Сядем рядом, потом и поговорим
Я вам скажу слова жалости и любви...
Что же мне так паршиво, за что я собой корим,
Если себя не тычу лицом в угли?

Ничто не проходит бесследно. Пусть тишина мне будет покоем, а тьма успокоением. Рыбы молчат на своей глубине, а я смотрю на их глубину и зависть во мне не устает, но обнаруживает все сильнее свое присутствие. Переходы улиц, дороги, вымощенные трещинами изломанного камня, разбитые ноги, своры собак где-то за домами, гнилые окна этих домов с грязными занавесками пялятся на меня и ничто не закроет их глаз. Бросьте меня на дно реки. К моим утонувшим рыбам бросьте меня. Встречаются громкие и немые, смотрят на меня – безумные как звери в своей немоте и бесчеловечности, взгляды у них стеклянные, движения их прерывистые. Ни обойти нельзя, ни спросить с них нельзя. Они затем идут за мной. Зачем идут? может они хотят еды? у меня нет для них ничего. Что с меня взять? Даже жалости не осталось. Они затем отстают, прибиваются к собакам и там находят свою стаю. Так они превращаются в собак – голодные и немые и стареют также, и умирают затем, кто их видел? я видел, да не запомнил. Я помню рыб и как блестела их чешуя последний раз, когда ныряли они на свою глубину к предкам своим, рыба к рыбе, а там тьма и тишина.

И снова время перехватывает на себя мысль, перетягивает одеяло, оставляет открытыми поры на моем лице до той поры, пока я не впитаю всю его безосновательную сущность. Неопределимо неподъемное, самоощущаемое, самовозникаемое, имеющее место быть и есть, говоря-

щее само за себя и само по себе и с самим собой и я ничего не могу с ним поделаться.

Я только ухватываю кончиками зубов движение ветра от проплывающего мимо меня вакуума. Настолько невозможная бессодержательность, что только пустотой и обнажаемая в пространстве. Замечаю как время останавливается и смотрит на меня, когда вокруг по каким-то причинам возникает пустота. Пробел в тексте, скопления света, разбросанные по световым годам кружатся и кружатся, пока есть источник света и когда источник света иссякает, наступает тьма – плотная и густая и время начинает рваться, бешено вращаясь вокруг своей оси, ускоряя старение.

Иногда возникают трудности с общением. Я устаю и смотрю на своих знакомых как на памятники, мне нет до них дела.

Я не знаю других имен кроме своего собственного. Буквы расплываются узорами и нитями, опухоль белой краски, пущенная по воде, толкаемая приливом и отливом. Безголосый шелест волн, откусывающих камни берега, ласкающих песок, прилипший к ладоням. Мне кажется я тону, пытаюсь назвать себя по имени, мне кажется мой рассудок тщится пробиться сквозь нелепый туман, порожденный отчаянием.

Сердце твоё из чистого серебра
Хочется переплавить, себе
Оставить вместо ребра
Любого,
Вместо любых костей,
Только так и ходить, садиться
В кресло,
Ложиться в свою постель

И, когда, наконец всего
Меня по земле рассеет,
Сердце твоё
Меня сохранит в себе.

Песок – не снег. Горит табак в бумаге
И сеет дым. Песок не тает, влаги

Ему не достает. Пытаешься понять
Необходимость правил,
Пером невырванным пытаешься писать –
Куда я дел свои ключи от сердца?
Отдал тебе? Отдал бы снова?
Зимой не холод пробирает до основ,
А двери запертые изнутри,
Когда стоишь снаружи, смотришь в окна
Чужих домов и видишь там себя.
К земле гнет ветер ветви, плачут псы
На звезд неспящие провалы в черной массе,
Туман осядет толстым слоем на дома
К утру. к утру...забудется кошмар
Как страшный сон.
Песок – не снег. И мне зима не пара.
Я молча умоляю голос твой
Шептать любой бессвязный монолог
Не относящийся к фигуре речи –
Не относящийся ко мне.
Я вырезал двусмысленность в тетради
И что-то долго говорил потом,
Давал советы и смеялся между делом.
Мне больно не смотреть тебе в глаза,
Не лучше притворятся что не больно
Ведь ты растаешь, кончится зима –
Войдешь послушно в реку или пруд
Завороженная цикличностью природы.
Мои рифмованные стройные уроды
За мной придут. И за меня умрут.
Песок останется считать песчинки
Не зная времени, как мысли о тебе
Не зная времени всё ищут берега,
Стремясь сказать как ты мне дорога
Несут меня к волнующему звуку.
Ты мне дороже всех с кем был знаком.
Кто знает, что очнувшись стариком
Я не возьму тебя за сморщенную руку?

Вернешься в город.
Улицы озябли
Туман над речкой –
перепад температур
Бродя от скуки
и на те же грабли
Ступив – ничем
от ледяных скульптур
Неотличимый, ждешь
дыханье то ли солнца,
То ли соседки,
лежа на боку
Пытаешься уснуть,
а ночь плетется
Не зная времени,
добавишь кипятку
В чай, выпьешь,
поглядишь на тени
Сухих растений,
пожалеешь их,
Пересчитаешь
по бумажкам
деньги
и купишь
стих.

...

Будильник прозвонит
очередное
Рожденье
укороченного дня
Страдающего
как и все живое
Рожденное до срока
из меня
Неловко
и рифмуется уныло
Помоешь руки
и отключишь звук
Я сам бы продавал

такое мыло
Но покупатель скуп
на род таких услуг
Нет платы никакой
для слуг народа
Я рад служить,
хоть душу задарма –
Лишь в этом
безразмерная свобода.
И скука
И упадок
И тюрьма.

**ИХ

Остались позади и страх – мой призрак,
И мысли в ужасе пред гибелью, и сны,
Я на копеечную жизнь как червь нанизан
И волочу свою тележность. Мне ясны

Отвергнутые в детстве факты, догмы
В припадках и истериках моих
Извилины, раскаты и разломы
Рассветной суеты. Мой голос тих

И смех не мой и плач уже не прежний
И преждевременная слабость ног и рук,
Я чаще туп, мой разум остр реже
Чем листьев плоть, вцепившаяся в сук

Зимой. И так же как швыряет ветром
Снег безыдейный на пологость крыш,
Я говорю Тебе что будет, будет лето...

(И если не смотреть,
то незаметно
Как Ты молчишь.)

Затянут льдом был дом и то что в нём
и я в нём замер нем как нем дверной проём

«...так ты прекрасна в свете мягком этом»

На том и остановимся.

Потом –

...замерзла высь и звезды рысью вниз
сорвавшись, ринулись скрестись в глаза мне
застыл как в камне образ твой и ставни
глаз врезались в карниз.

Как ты прекрасна. я молчу и дверь
захлопнув рта и проглотив ключи от двери
я слышу, слышу, как внутри – не звери
но что-то из –

...стенает – бессловесных тварей
дом полон ими, намертво чердак
закрыт

и лижет пламя

стены, пахнет гарью –

Так все во мне страдает и горит

Как

...ты прекрасна в свете этом.

Если бы я мог оставить
Отпечатки
Пальцев на твоих плечах
На твоих ключицах тени
Тают
Если бы я мог
Оставить знак
Что я скучаю
Я бы не прощался.

МОТЫЛЕК

Из топота битых стекол дождя по тротуару
Просунутым сквозь узоры почек листьям
И по дорогам вышедшим на прогулку
Из мотыльков зажатых между оконной рамой
А также между моих ладоней и между прочим

Всем что пошли мимо и прошли рядом
Всем кто забыл о милости в волчьей пасти
Все молодые люди в старости или после
Или под знаком горя что тоже близко

Всем за кривым порогом с любого боку
Семьям любого толка и всем потомкам
Зябнущим перелеском от перестройки
В пламени или в плаче что тоже было

Синее небо плещется так знакомо
Стать бы землей у лилий и плакать с ними
В новь поднимаю руки от сухожилий
Не остается стебля и даже корня

Не остается тела одна лишь мысль
Портится в угловатой консервной банке
Я эту банку выцарапал и выскребал
В панике или в каждой безумной пьянке

когда
Смотришь на них усталы несимпатичны
когда
Смотришь на них красивы и бесполезны
когда
Слышишь одно и то же конца и края
нет никогда
Не хочется в разговоры

Тогда руки сжимают упрямый скелет лица
А колени бессильно затем приближают пол
Чтобы выразить телом тугую печать свинца
И остатки вдоха из сдавленных альвеол

Объявить последним тем что когда-либо было мной
Объявить последним всем склонившимся надо мной
Что уже нельзя им узнать моего лица
Что отравлен корни питающий пережной

Это не пустяк или не плевок этот мир не Рим
И не Папа Римский мой старый отец и я

Становлюсь не тем или не другим и уже не я
Говорю об этом с кем-то собой самим

Это все же к лучшему пропасть всегда тупик
Ее стены непробиваемы головой
Я иду назад как чужак или человек
Не смотря вперед и не к выходу за спиной.

К тем иду кто прошел бы мимо но был рядом
К тем иду кто смотрел бы злобно но сжал зубы
К тем иду кто под знаком горя но тоже любит
В старости или после но тоже близко

Синее небо плещется так знакомо
Для мотылька зажатого между рамой
Или в моих ладонях и между прочим
Только в моих силах его не ранить

Мне не до сна
Мне не
Еще быть может
Мне сон поможет
Мне сон поможет
Поможет мне.

I

Немало времени, потраченным впустую,
Я обрету
На волоске от зги
Белее белого ликующе святую,
Как пену той волны, морскую,
Волнующую жизнь мирскую
С собой переплету
Следы тоски
На берегу в песках
Останутся не дольше суток
Когда прилив омоет
злой рассудок,
Уйдет тоска.
И, проклиная жажду,

Вражду и стражу,
Я подожду
Тебя на берегу
О, боже мой.

II

Что от меня останется?
Я – ветер –
различие в пространстве атмосфер,
Температур, весов и прочих
несметных, смертных мер-,
твоих, двоих, наречий, этих
Причастий – черное на белом,
Суждений – листья – сброшенный покров
Ничто не спит, и нет меня несчастней,
Я стану мелом –
известью
И слов
не хватятся.

III

Никто не спит. На маятник качели
Волны то вверх,
То вниз упасть рискуя
И падая
безрезультатно,
Не обнаружив дна, исхода, переправы, мели,
Волны то вниз,
То вверх, я жду на берегу
Тоскуя и лаская еле –
еле ощущаем бриз.

IV

Так возникают образы
Из лимфы, пронзив углы созвездий,
Вспенят мифы, граня лицо,
ночь улыбнется богом
или предлогом
Вспомнить обо всем.

V

Волна приходит, зачерпнув в горсти
Расколы гор, искрошенных до пыли
Я прижимаю к влаге то, что я забыл и
что не постиг
Я обретаю сон
Без вспышек нервной боли,
Без судорог от страха, сбитых в горле
В чудовищные комья как когда-то
мгновение
огромное мгновение
назад.

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВ, 1998 г.р., Иркутск

Родился и вырос в городе Хилок Забайкальского края. Бакалавр кафедры рекламы и журналистики ИрНИТУ. Магистрант первого курса Педагогического института ИГУ по направлению «Филология». Автор книги «Подступы к стихам». Публиковался в журналах «Юность», «Звезда», «Байкал». Участник Школы писательского мастерства ДВФО – 2020. Прошел отбор на участие в XX Форуме молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (перенесен на 2021 год). Лауреат премии журнала «Звезда» в номинации «За первую публикацию» (2019). Вошёл в лонг-лист премии «Лицей» (2020).

ALEA JACTA EST¹

Уже июнь. До судорог в кистях
пытаюсь лезть по скользкому канату,
Внизу — весна, прошедшая впотьмах.
Что наверху? Признание, слава — дата
триумфа, ах!

Как доползу, мгновенно пропадёт
боязнь того, что дар меня покинет.
Авось Олимп (высота всех высот)
навстречу мне когда-нибудь низринет
запретный плод.
И я борюсь. Схватившись за канат,
мозолю рук невинные ладони.

1 Жребий брошен (лат.)

Уже июнь. Семь лет тому назад
я начал эту долгую погоню —
меня простят.

Коль упаду, останется пятно,
верней сказать, раздавленная клюква.
Зачем тружусь? По-прежнему темно.
Всё озарит единственная буква:
лихое «О».

Окружность знака станет роковой
(его границы — согнутое жало!),
поскольку жребий, брошенный судьбой,
не изменить — во что бы то ни стало —
своей мольбой.

Рывок, рывок! Едва ль со стороны
заметен я, так тянущийся к цели.
«Сизифов труд! Поэты не нужны!» —
орёт душа. Сомнения на деле
подтверждены?

ФОНАРЬ

О, фонарь, соглядатай встреч!
Сколько ты освещал прохожих?
Запах тут, как в местах отхожих,
но охота на землю лечь.

Ты — маяк, проводник к мечте.
Как уйти от смертельной кары?
Под тобой целовались пары,
то есть рядышком, в темноте.

«Дорогая», «Прости любимый» —
все слова принимает высь.
Только вонь, словно дух незримый,
говорит им: «Достали! Брысь!»
О, фонарь! Разве смысл есть
в том, чтоб нам освещать дорогу?
Просто я не пойму, ей-богу,
как лучи воедино плесть.

Ибо мысль — это тоже луч.
ну а мозг — небольшая лампа
(если б я убежал от штампа —
стих бы был не настолько жгуч).

Расскажи-ка стальной гигант,
что тебя временами гложет?
Постоянные драки банд?
Или крики детей, быть может?

О, фонарь! У меня озноб.
Потому как в подлунном мире,
чтоб сыграть на бессмертной лире
нужно рано ложиться...
В гроб.

НАЗИДАНЬИЦЕ ДРУГУ

Совершай променад почаще,
соверши променад по чаще,
где вода вдоль стволов бежит
снизу вверх, будто явь лишилась
гравитации; знай, магнит
в виде центра Земли — терпимость
проявляет сугубо к тем,
кто безмозгл, статичен, нем...

Нагулявшись, присядь на грунт.
Одержимый судьбой секунд,
ты захочешь помчаться вон.
Время — деньги, которым здесь
делать нечего. Жаль, пленён
каждый третий призывом «греть
о наживе»... Короче, Стёп,
протори-ка систему троп.

СХОЖДЕНИЕ НА «ДА»

У бабра гигантского мучаюсь в лапах,
не чуя воноздрею сладостный запах
черёмухи-памяти. Лишь изо рта,

вернее из пасти, воняет гниением.
Есть фотки, конечно,
но лень им, но лень им
прошедшее строить... DasEnde². Черта.

Покамест висит лепестковая перхоть —
закончу (два года ещё) универ хоть,
а после помилует города тигр
меня. При таком офигенном раскладе,
во имя мечты,
возвращения ради,
уйду от придурками созданных игр.

С другой стороны, ностальгия чревата
потерей реальности вне аромата.
Господь, умол-я-я-я-ю, довольно химер!
Растают ли дни, что представлены кроной,
всегда белоснежной,
никак не зелёной?

Желудок зверюги — бурлит по-ангарски.
Сгущаются краски.

До трапезы, значит, мгновенье осталось,
ну, самая малость...

Ура!

Весь день заезженный музон
одолевал со всех сторон:
то рок, то рэп, а то шансон.
Будь я ничем не увлечён —
лягушкой распластался б на
асфальте, прыгнув из окна.
Эх, Башлачёв! Эх, Турбина!
Им вообще хана, хана...
(знак кровоточия). Сейчас
умолк жестокий диссонанс.
— Гармонизируй про запас
мозги, Е.А.С.

ПОСЛЕБОЛЬ

Косулю батя свеживал,
от жидкости горячей ал —
не весь, понятно, только руки.
Шик — лезвием, «Держи, Санё...»,
топившееся зимовьё
усиливало мрак округи.

И сцена «Батина возня
кровопролитная» меня
естественностью характерной
для мезо-, неолита, что ль,
захватывала — послеболь
грозит любому совершенно.

Я циник? Боже, упаси,
однако за тайгу мерси
боку. Эпитеты излишни...
Потом, глотая сладкий чай,
мы осознали невзначай,
куда пришли,
откуда вышли.

ПЛАН НОЧЁВКИ НА УЛАН-ХАДА

Посижу у рисунков, оставленных здесь —
человечков, собак и бизонов.
Надо мной разойдётся прозрачная взвесь,
аромат сохранится озонов.

Надо мною ударит великий шаман
в очень туго натянутый бубен.
Я усвою, что данной эпохе не дан,
что я был и, конечно же, буду.
А потом уж добавлю рисуночек свой
к семитысячелетней картине,
дабы выдохнул кто-то: «Навеки живой
Александр» — подпишу своё имя.

Сядет долго горевший электрофонарь,
я засну, а проснувшись, увижу,

как скуласто-лобастая дюжина харь,
группа лиц, возведением хижин

занимается. Видимо, мало пещер
для такого количества Номо.
Я спущусь, пособлю — у меня глазомер
ого-го — не могу ведь без дома.

УЙДИТЕ В ТАЙГУ, ДРУЗЬЯ!

«ЦБ отменил коми-
ссию для российских банков...»,
«...и жительницу Перми...»,
«Сенсация: не Иаков...» —
газетная полоса
усыпана новостями.
Из телека голоса
о демографич'ской яме,
о выплатах за детей,
рождённых, понятно, в муках.
Ведущий стоит прямой
какого-нибудь бамбука.
Wi-Fi-ю благодаря,
YouTube без задержек кажется:
от Познера (не), Дудя
до Гоблина — он туда же.
На радио, на fm —
кипучие обсужденья
действительно важных тем,
навроде «А Трамп растенье?».
Информационный шум:
бла-бла и бу-бу-бу-бум.
Тогда как лесной массив
вмещает другие звуки.
Я, дерево обхватив,
сизу на шершавом суке
сейчас, надоело всё:
Украина, коронавирус,
которым ещё Басё...
И время остановилось,
и вместо продуктов СМИ

я хаваю дичь с брусникой.
Читатели, чёрт возьми,
живите житухой дикой!
Хотя подо мной скребут
голодные волки — счастлив.
Безжизненный ваш уют
готовы покинуть щас вы?
Уйдите в тайгу, друзья,
но поодиночке. Строем
теснейшим никак нельзя.
Иначе опять построим
ИО³. Раздаётся рык
волков, моё мясо ждущих.
Я таки свободен, дик.
Охота неволи пуще.

Ржавеют во дворе изогнутый турник
и сломанные брусья.
Быть может, не вернусь я
туда, где жить привык.

А девочка несёт лохматого щенка
с подругами на встречу.
Я тело искалечил,
душа цела пока.

Единственное, чем действительно горжусь —
умением, ощерясь,
идти страданье через,
как баламут Иисус.

Неоновых огней мерцание — ТЦ,
панельные дома,
сибирская зима,
догадка о конце.

...Но однажды случится выкидыш
фотографий. Изображения
распечатанные ты выкинешь.
Те, что в облаке, без сомнения,
удалишь. Ничего от бывшего,
кроме камушка из-под озера
в виде сердца — ты сохранишь его.
Даже? [Чувствую, заелозила].
Тихо, тихо, пока не нервничай,
будет час — разойдётся. Признаки
налицо: на лице-то «мелочи»
отразились... Довольно лирики.
До свидания. С ценным камушком,
с бриллиантом вернусь — имущий я.
[Закатила, как Билли Айлиш прям,
очи черныя, очи жгучія].

ХУЖЕ, НО РЕЖЕ

«Хуже, но реже» слух скрежетом режет.
Чаще, по мне же. Руслана уже же
нет много вёсен подряд.
Он захлебнулся водою речною
талую, мутной. А кто виноват?
Сам смастерил, подражаячи Ною,
плот пенопластовый... «Хуже, но реже» —
Русино кредо, он с детства страдал:
недоедал, в заскорузлой одежде
вечно гонял. Ф — фатальный финал.

Мы как-то курицу деда-соседа
(мы это я и Руслан) утопили.
Тут повторить не мешало бы кредо —
хуже, но реже. За что утопили?
За перелёт незаконный границы.
Иль за другое, могу ошибиться.

Голдинг Уильям ребяческий дух
в книге дебютной — прочтите, товарищи —

выразить смог как нельзя понимающе.
Книгу зовут «Повелителем мух».

Значит, вселенной возмездие, месть
есть.

Значит, мне тоже обнять суждено
дно.

Я и потом убивал, но
ради того, чтобы съесть.

САМООТЧУЖДЕНИЕ

выбегаю из поля зрения
разношёрстного населения

грубоватой отделки курткой
сам себя конвульсивно кутаю

а за крохотным полем зрения
беспредельная степь п р о з р е н и я

человечество разумеется
никуда от меня не денется

избивают землю градины
остаются аж дырки вмятины

в бытовании мало смысла
я поэтому-то смылся

ЛЮБОВЬ ГОЛОВИНА, 1984 г.р., Иркутск

Родилась в городе Нижнеудинске. Окончила Филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Работает журналистом. Публиковалась в сборнике «Проза взрослых авторов» (МТО ДА, 2017), альманахе «Первоцвет» и журнале «Сибирь». III место международного Гайдаровском конкурсе в номинации «Рассказ или отрывок более крупного произведения» (2016), III место конкурса «Короткое детское произведение» от издательства «Настя и Никита» в номинации «Познавательные заметки» (2017), I место конкурса «Лето поэта», организованном Иркутским региональным отделением СМЛ Союза писателей России, в номинация «Проза» (2019). Вошла в шорт-лист Национальной литературной премии молодых авторов 2020 года в номинации «Детская книга».

ДРУЖЕСКИЕ КОСТИ

Рассказ

Петрович поставил с утра вариться кости на холодец и, пока мослы кипятятся, накатил рюмочку самогонки. Крякнул. «Хоть отмечу по-человечески. Конечно, хорошо бы какую-нибудь приятную компанию на праздник. Так-то пьют в одиночку одни алкоголики. Ну ничего, зато без вечного бу-бу-бу в ухо. Да и серёжки покупать не надо. Всё-таки разводиться под Новый год – полезное занятие и для психики, и для кошелька».

Он оглядел комнату не без чувства самодовольства: ковёр пропылесосен, на мебели – ни пылинки, а шкаф так тщательно обработан полиролью, что в нём, как в зеркале, отражается живая ёлка. В этом году

главный атрибут праздника у Петровича был, что говорится, в тренде. По телику ведь только и выступают что за креатив – «ломайте стереотипы и украшайте ёлку всем, что подвернётся под руку – бантиками, фантиками, мандаринами». Петрович, впрочем, был ортодоксален и традиций ломать не хотел. Он весь гараж перевернул в поисках игрушек. Даже пришлось по этому поводу устроить в канун праздника большую уборку. Вытащил на улицу несколько мешков с хламом, который накопился за прошлый год. Копаться в нём не стал, выставил на мороз, да и забыл. А ёлочные игрушки всё равно не нашёл, как и саму искусственную ёлку.

Ночью на руинах ёлочного базара подобрал вшивенькое деревце, которое никому не приглянулось. Украсил блёснами. Сосед Палыч отдал гирлянду: «На, мы на праздники всё равно в Таиланд уезжаем. Пользуйся и не скучай». Так что Петрович не оставил свою рахитичную ёлку без украшений и получившимся результатом был вполне доволен.

Вдруг запиликал звонок в дверь. «Кому уже не терпится меня поздравить?» Открыл.

– Доброе утро. Капитан полиции Будьздоровенько.

– Да и вам не хворать.

– Это фамилия моя.

Перед лицом Петровича замельтешили корочки. С Будьздоровенько был ещё один.

– Пройдёмте с нами, гражданин.

– А, собственно, по какому поводу? Да и некогда мне с вами проходить. У меня оливье на столе стынет, селёдка требует прикрыть наготу шубой. Да и кости варятся. Мне за ними следить надо и помешивать.

– Кости, говорите. А вот это уже интересненько. Кровопусков, осмотреть.

Молодой полицейский ткнул в лицо Петровича очередную бумажку – «ордер на обыск». И, не разуваясь, как сантехник, прямоком направился в кухню.

Петрович почувствовал на запястьях холод металла.

– Вы обвиняетесь в убийстве и расчленении своей жертвы. А, возможно, и в каннибализме. Впрочем, следствие установит.

В это время Кровопусков в перчатках вернулся со свинными мослами, аккуратно сложенными в пакет.

– Я что обвиняюсь в расчленении свиньи? Вот депутаты хреновы, они что уже объявили символ года тотемным животным и ввели статью за его поедание?

– Специально обученные люди разберутся, свинья ли это...

Петрович интенсивно потряс головой: «Ничего себе самогонка за-

бористая, эка меня с рюмашки-то развезло. На дворе 31-ое, а я как будто уже все праздники не просыхаю».

Очнулся в СИЗО. Через решётку видно открытую дверь в кабинет. Там за столом сидит всё тот же Будьздоровенько и хитро ухмыляется.

– Ну чё, очухался? Будем с тобой сегодня вдвоём праздновать, всё веселее. Расскажешь мне о своих приключениях, кого и за что ты там замочил.

– Это какая-то ошибка.

– Ну какая же ошибка, когда рядом с твоим гаражом, – Будьздоровенько заговорщицки подмигнул и перешёл на шёпот, – кости человеческие нашли.

«Что за бред? – думал, было, отпираться Петрович. Но тут вспомнились мешки с мусором и то, что в одном из них как раз такой «хлам» и валялся с прошлой зимы. – Эх, Палыч».

– Простите мой нескромный вопрос, – замешкался Петрович, – но какая нелёгкая вас потянула копать в мусоре на отшибе гаражного кооператива? И это ещё 31-го декабря? Чё криминала-то в городе ваще больше нет?

Будьздоровенько выпрямился в своём кресле, став похожим над столом на мраморный бюст самого себя.

– Но-но, я бы попросил. Не учите других их работе. Мы её лучше знаем. Ну а насчёт копать – так это же не мы копаемся, у нас для того бомжи есть приручённые. С их помощью мы третью часть трупов и находим в мусорных баках да на помойках. Свою бутылку они от нас уже получили, а на закуску им подбросят телевизионщики. Они уже наверняка снимают репортаж. И скоро сюда будут прорываться – на интервью с потрошителем.

Петрович побледнел так, что стал напоминать некрашеное льняное полотно с характерным сероватым оттенком. А от усталости, накопившейся к Новому году, лицо его казалось стираным-перестираным, с заломами и катышками щетины.

– Капитан, мне нужно срочно позвонить моему соседу. Он вам всё объяснит.

– Чё, подельничек твой, с которым кости вместе прятали?

– Да нет же, это его кости.

– Что???

– Понимаете, в прошлом году он попал в ДТП. Машину покорёжило. Нога у него оказалась зажата. Ну и пришлось её ампутировать.

– Ты что ли ампутировал? В гараже под водочным наркозом?

– Дайте мне телефон. Он вам сам всё объяснит.

– Да уж звони. Только в моём присутствии.

Но Палыч был уже не абонент. Петрович всё жал и жал на кнопку вызова, но на другом конце царила тишина. Ставить на повтор было всё равно, что объяснять иностранцу, не понимающему русский, одно по одному только громче: «А вдруг поймёт?»

– Продолжим, – заговорил капитан. – Значит, Палычу оттяпали ногу. А почему она у тебя оказалась?

– Да он сам мне её отдал. Схорони, говорит, Петрович, – у тебя гараж большой. А весна придёт, я её на огороде закопаю.

– Да ты, кажись, решил под дурачка косить. Думаешь, отмазаться от статьи, как того-этого психически больной? Не выйдет, – горячился капитан. – Ну что, давай ещё раз звони своему корешу.

– Капитан, да как я дозвонюсь, когда он поди в самолёте летит? Связи-то на небе нет.

– Но-но, ты говори, да не заговаривайся. А то ещё себе на одну статью наговоришь.

С Петровича градом лился пот. Тонкая струйка потекла со лба, покатила по переносице, скользнула по ноздре и скатилась прямым в уголок губ. Петрович её проглотил и облизнул обветренные губы.

– На какую ещё статью? – вкрадчиво спросил он.

– Как? Да за оскорбление чувств верующих. Неужель непонятно? Связи ему на небесах нет. Самая что ни на есть прямая — между Богом и всеми нами, грешными.

– Вы не подумайте, Ваше преосвященство. Ой, тыфу ты, товарищ капитан. Я ведь крещёный, православный.

И Петрович запустил волосатую руку под ворот тельника. Пошурдил, достал наружу золотой крестик на цепочке. Начал истово его целовать. Потом кинулся в ноги к Будьздоровенько.

– Да ладно, ладно тебе, встань. Я же не поп, в конце концов.

Петрович оправил свитер, отряхнул колени. Сел на стул, как будто бы ничего не было, и он так низко не падал.

– Я вот что предлагаю, – почесал в маковке капитан. – Раз уж, как ты говоришь, связи с землёй на небесах нет, то сейчас самое простое — обратиться к сверхъестественному.

– Это как? – недопонимал Петрович.

– Про спиритизм слышал?

Хоть в слове и содержалось что-то похожее на «спирт», Петрович его не знал. Но вслух сказал:

– Кто ж не слышал? Последний дурак на деревне и тот слышал. По телевизору ведь только про это и говорят, когда не про политику.

– Ну, значит, будем вызывать дух твоего кореша, – совершенно буднично произнёс Будьздоровенько. Произнёс так, как будто отдавал распоряжение осмотреть труп.

– Как, дух? Да ведь он живой!

– И что? Наверняка дрыхнет в самолёте. Говорят же, что во время сна душа отделяется от тела и путешествует в пространстве. Потом же возвращается, когда человек просыпается. Побудет твой Палыч полчаса бездушным. Поди, никто и не заметит.

– Я протестую, – загорланил Петрович.

– Против чего? – повысил голос Будьздоровенько. – Против того, что я тебе даю возможность оправдаться по закону? Протестует он, видите ли. Щаз как закрою в обезьянник до конца праздников.

Петрович сжался, как лабораторная крыса, над которой проводят очередной эксперимент. Промолчал.

– Молчанье — знак согласия. То-то же. Между прочим, такие сеансы собираются законодательно ввести в практику и приравнять к обычному опросу свидетелей. Вон в судах давно можно присутствовать на заседаниях по видеосвязи. Пусть не думают, что вырвались вперёд. МВД не дремлет и тоже активно внедряет новые технологии. И сейчас мы с тобой это докажем.

Капитан снял трубку.

– Кровопусков, принесите ватман и блюдце.

Будьздоровенько потирал руки.

– Знаешь, что руки должны быть тёплыми, иначе никакой дух не придёт? Дай-ка мне свои руки. У-у-у-у, ледяные. Не по уставу.

Отворилась дверь. Вошёл сержант.

– Товарищ капитан. Ни ватмана, ни блюдца никак нет. Всё отделение обошёл.

– Ты не отделение должен был обойти по моему приказу, Кровопусков, а всю планету. И если не нашёл, то мог бы с другого полушария даже не возвращаться.

– Извиняюсь, товарищ капитан, – Кровопусков отдал честь и вытянулся во фронт. – Это означает, что я могу быть свободен в новогоднюю ночь?

– Нет, балбес. Это означает, пшёл вон из кабинета!.. Ну что ж, раз нет ватмана, думаю, и это сгодится.

Будьздоровенько подошёл к карте России, растянутой на полсте- ны. Отлепил с уголков скотч и понёс к столу. Перевернул Россией вниз, расстелил чистое белое полотно.

– Вот это красота!

Петрович внимательно следил за манипуляциями капитана. Ноги его, как метроном, нервно отстукивали такт.

– Блюдец, блюдец! Где ж тебя найти? – Будьздоровенько опорожнил пепельницу от бычков и водрузил её на ватман. — Идеально!

Взял чёрный маркер, нарисовал стрелку.

– Задержанный, ты алфавит хорошо помнишь?

– С утра помнил, – хмыкнул Петрович.

– На вот тебе маркер, рисуй по окружности буквы — от А до Я. И про цифирь не забудь.

Петрович без особого рвения принялся за работу. Вскорости всё было сделано. Будьздоровенько потушил свет. Достал из ящика огарок свечи, зажгёт.

– Вот она, новогодняя атмосфера, – потирал он ладони. – Иди, кстати, к батарее. Грей руки.

Наконец, все приготовления были закончены. Петрович и капитан сели друг напротив друга. Тет-а-тет. Помолчали, как будто поминали кого.

– Держи руки над пепельницей. И не опускай. Вопросы задавать буду я. Как кореша твоего зовут?

– Так Палыч же.

– Ты мне имя давай, фамилию. К духу уважительно надо.

Петрович задумался. А действительно, ведь у Палыча имя есть. Но как-то оно за многие десятилетия их дружбы стёрлось, вылиняло, оставив место только отчеству. Им этого хватало. Напряг память. Замелькали перед глазами картинки из детства. Нечёткие, но яркие, как полароидные снимки. Вспомнил, как ходили на залив рыбачить. «Санька, червей накопал? – Не, на мякиш буду».

– Александр Павлович, – ответил он капитану. – Культяпкин.

А Будьздоровенько, кажется, уже погрузился в транс. Он закрыл глаза и что-то мычал, точнее, входил в резонанс со Вселенной.

– Дух Александра Павловича Культяпкина, приди к нам. Дух Александра Павловича Культяпкина, мы тебя ждём...

... «Наш самолёт находится на высоте 10000 метров. В настоящее время мы пролетаем над Индией. Страной, известной чаем, слонами и йогами. Надеемся, вы прекрасно чувствуете себя в полёте. Скоро вам будет предложено горячее питание. Пожалуйста, наберитесь терпения!»

Наконец, голос стюардессы затих. Замученные уже трёхчасовым полётом голодные пассажиры ёрзали в своих креслах. Извивались и не могли заснуть. Спали только самые запасливые: те, кто взял с собой П-об-

разную подушку под шею и закупился алкоголем в дьюти-фри.

Наконец, воздушные нимфы выкатили в проход тележку с яствами. Они склонялись над пассажирами, как санитарки — над ранеными:

– Что для вас? Курица с картофелем, рыба с рисом?

– А для вас?

– Курицу, – сказала полная женщина, откладывая в сторону кроссворды. У неё были пухлые, почти негритянские губы, покрашенные помадой цвета «бешеная фуксия».

Стюардесса аккуратно поставила на её стол фольгированный лоток с красной биркой.

– А ваш сосед будет есть?

– Девушка, с закуской вы припозднились. Он уже коньяку из дьютика давно бахнул. Спит, как убитый. Даже не храпит, чего с ним отродясь не бывало.

Щуплый мужичок на соседнем кресле сидел, прижавшись виском к иллюминатору. Вид у него был отрешённый, можно сказать, отсутствующий. Он свил рукава объёмного свитера наподобие муфты, а половиной лица утонул в кратере воротника.

– Санька, вставай. Еда прикатила, – и женщина толкнула его в бок. Затем наклонилась к уху и сказала прямо в ушную раковину: – Еда!

– Вон, видите, что делается. Упился вусмерть. Я даже заметить не успела, как он отключился. Мне б так спать. – И тётка поёрзала в кресле, с трудом вмещавшем весомые прелести своей хозяйки. – Оставьте мне обе порции. Я попозже постараюсь его растолкать.

Кабинет Будьздоровенько погрузился в inferнальный полумрак. Капитан, который в этот момент больше походил на чернокнижника, спрашивал:

– Дух Культяпкина, ты здесь?

В этот момент пепельница дёрнулась и начала медленно ползти по перевёрнутой карте России. Уставившись стрелкой на букве «Д», замерла на мгновение, затем снова поползла и, повернувшись на несколько градусов, указала на «А».

Будьздоровенько потирал руки — от удовольствия и чтоб не остывали. Духа ведь удерживают только горячими руками.

Петрович сидел, не шелохнувшись. Было похоже, что руки у него просто затекли и уже до конца спиритического сеанса останутся в положении «лунатик на прогулке».

– Хорошо, дух, спасибо, что откликнулся. Я хочу задать тебе не-

сколько вопросов, – заговорил капитан каким-то странным языком, как будто он и не полицейский вовсе, а hr-менеджер.

– Задержанный, напиши-ка на ватмане слова «да» и «нет», чтоб нам с духом проще было беседовать.

Петрович повиновался.

– Твою ли ногу мы нашли сегодня в гараже у задержанного?

Пепельница дёрнулась к слову «да».

– Не пояснишь ли ты, как она у него оказалась?

Пепельница долго кружила и вертелась. Петровичу её движения ни о чём не говорили. Просто пепельница, просто ездит по столу. Где-то глубоко в душе он был уверен, что находится в белой горячке. И это его успокаивало. По крайней мере, избавляло от необходимости искать логику в происходившем.

– Сам отдал? – произнёс Будьздоровенько. – Ну допустим. А зачем?

Опять те же верчения, кружения, тайнопись. Но Будьздоровенько читал её так ловко, как слепой — книгу, набранную шрифтом Брайля.

Капитан ещё долго общался с духом, весь взмок. Даже китель снял с погонами. Но Петрович отключился и перестал слышать, о чём они общаются. Одеревеневшие руки уже не ныли, а потому он полностью ослабился. Петрович чувствовал, как распался на атомы и слился со Вселенной, как вдруг его болезненно вернул на землю чей-то громкий голос. Это не был такой вежливый с духом Будьздоровенько. Это был голос на октаву ниже, чем у капитана.

– Ещё раз застану на работе за спиритизмом, уволю из органов!

– Так точно, товарищ генерал. Так мне и надо.

– А всё-таки здорово я тебя разыграл, да? – усатый мужчина при полном параде и в фуражке хитро ухмыльнулся и похлопал Будьздоровенько по плечу. – «Дух, скажи мне, дух, почему ты сам не захоронил свою ногу? – Это потому, что я не хотел на одной ноге скакать до кладбища», – генерал смеялся в усы, как Дед Мороз. – Не, ну классно же я придумал, да?

– Обделаешь... Обхохочешься, товарищ генерал, – поддакнул Будьздоровенько. И вдруг, задумавшись, добавил: – Но ведь блюдце-то не выдвигали. Оно само ходило.

– Ой, умора. Это пепельница штоль? Дык её твой контуженный елозил по столу. Он вообще живой ещё? – он подошёл к Петровичу и дёрнул его за руку.

Тот до сих пор сидел с вытянутыми руками. Но, видимо, прикосновение сильной генераловой руки наладило циркуляцию крови в его соб-

ственной. Петрович пошевелил пальцами, потом согнул локоть, сделал рукой оборот вокруг плеча.

– А, может, и за вторую дёрнете? – попросил он.

– И за вторую дёрну, – засмеялся генерал и дёрнул. – И за нос. – Дёрнул и за нос. Засмеялся. – Ну, с наступающим! А вы, капитан, впредь не забывайте. Был приказ внедрять цифровизацию, а не эзотерику. Вы бы ещё цыганку попросили погадать для раскрытия дела.

И он ушёл, хлопнув дверью...

Стюарды носились по салону, пытаясь схватить буйного пассажира. Несмотря на то, что тот был щуплый, даже можно сказать по-простому — дрищ, отбивался он с какой-то неведомой силой. Как будто кто вселился в него. Мужчина кидался из одного конца салона в другой, вертел руками, как мельница, и истошно кричал:

– Бесы, бесы! Про ногу всё выспрашивали. Нога им моя покоя не даёт. Один даже под Петровича замаскировался. У, бесы. Не получите вы ни ногу мою, ни душу, ни меня самого. Накоси-выкуси, – и он сделал неприличный жест, адресованный как бы никому и всем одновременно.

– Саша, Сашенька, родимый, уймись, – кричала полная женщина. Бешеная фуксия на её губах давно сменилась блеском куриного жира. Она пыталась закрыть мужа в своих объятиях, как в комнате для психически больных, где теряются звуки, удары, – всё тонет в убивающей мягкости стен.

В это время стюардесса была в кабинете пилотов и докладывала ситуацию.

– Что нам делать, капитан? Ребята не могут поймать этого бесноватого.

– Услуга «обряд экзорцизма» для чартеров не предусмотрена. Ирочка, вы же знаете, это только для бизнес-класса. Ну, спросите по громкой связи, может быть, на борту есть специалист по изгнанию бесов? А я сейчас свяжусь с Таиландом, пусть пришлют наряд полиции по прилёту.

Девушка побежала исполнять приказ.

– Уважаемые пассажиры, нет ли среди вас экзорциста, который сможет унять дебошира?

С самого дальнего места поднялся бородатый мужчина в чёрных одеждах.

– Я возьмусь.

В это время стюарды уже скрутили буйного пассажира и повалили на пол. Бородач, расшиперив ноги, сел на распластанного и поверженно-

го. Он начал произносить странный текст, звучащий, как заклинание.

– Кхрап-кхрап-кхрап, май пен рай, бан сабай...

Вскоре самолёт приземлился в аэропорту Пхукета. Уже успокоенного пассажира повели под белые ручки в специальное помещение. Полная женщина, как могла, попевала за шустройми тайскими полицейскими, почти уносящими её мужа.

Тут она увидела экзорциста. Подбежав к нему, умоляюще схватила за руку:

– Скажите, что вы над ним читали? Он вообще теперь будет нормальным человеком?

Бородач улыбнулся. Гусиные лапки обозначались возле глаз.

– Не переживайте, женщина. Будет он нормальным человеком, если перестанет пить, как свинья. Я читал над ним всего лишь фразы, заученные из тайско-русского разговорника. Хорошего вам отдыха!

Он поправил козырёк бейсболки и лёгкой походкой туриста направился к гиду, который уже встречал группу в аэропорту.

В этот момент Культяпкина уже вели обратно.

– Саша, Саша, что они с тобой сделали? – бросилась она к мужу. Тайские полицейские ответили ей что-то непонятное, но звучавшее так знакомо после «обряда экзорцизма».

– Маша, меня депортируют, – кричал Культяпкин и хватался за цветастую юбку жены. – Билет, говорят, сам купишь. А у меня ведь даже денег нет, Маша. Скажи ты им.

– Так я тебе дам, Сашенька.

Она сунула руку в декольте и достала оттуда пачку купюр. Культяпкин глубокомысленно на неё посмотрел:

– Заодно с ними, да? Как я сразу не догадался? Ну и отдыхай с этими желтолицыми, хоть заотдыхайся. – Он смачно харкнул на чистый мраморный пол и патетично произнёс: – Глупый пингвин робко прячет тело жирное в Пхукете... Только гордый Буревестник реет смело и свободно в сторону родной России.

Его увели. Ничего не понявшая Маша, счастливая, что её саму никуда не депортировали, семенила в арьергарде туристической группы к автобусу. Внезапно свалившееся счастье утяжелило её ещё на несколько кгэ.

А в кабинете Будьздоровенько рассеялись последние клубы инферальности. Они исчезли вместе с генералом.

– Ну что ж, единственное, что нам теперь остаётся – снова начать

допрос, – вздохнул капитан. – Раз уж начальство не доросло до моих продвинутых методов, придётся по старинке, – в его голосе чувствовалась глубокая обида.

А Петрович опять вернулся в прошлую зиму и рассказал всё с чувством, с толком, с расстановкой, как Баян-сказитель.

– Ну и заинтриговал, – капитан кругами ходил по кабинету. – Вы с Палычем на чём самогонку ставите? На жмыхе из книжек Донцовой?

Вдруг у Петровича зазвонил телефон. Ответил Будьздоровенько: «Слушаю».

– Алло, Петрович? Чё звонил?

– Сейчас передам ему телефон.

– Алло?

– Петрович, кто это был? Ты с кем там отмечаешь?

– В ментовке, Палыч. А ты? Уже в Тае?

– Да депортировали меня. Прилетел обратно, вот такси жду. В общем-то, дурацкая история вышла. Ну, не по телефону. Моя одна там осталась, даже обрадовалась.

– Это просто чудо какое-то, что ты здесь. Езжай домой скорей, ищи справку... ну ту из больницы, об ампутации.

– Не понял. Зачем?

– Шуруй живо. А потом сюда... – Диктуй адрес, капитан. – Моторосмазочная, 16. Поторопись, а то гнить мне на зоне, Палыч.

– Ничего не понял, Петрович. Но буду, буду. Мчусь уже...

В это время в кабинет зашёл Кровопусков.

– Товарищ капитан, готова экспертиза по костям.

– Докладывай.

– Свинья, самка, трёхлетка. Порода сибирская, северная.

– Свободен, – закричал на него в сердцах Будьздоровенько.

Через два часа приехал Палыч. Он сразу узнал обстановку, в которой совсем недавно пребывал его дух. И главного «беса» тоже. Капитан прослушал знакомый рассказ снова, но теперь ещё и в деталях. Так сказать, информация из первых уст.

– Нет, ну всё-таки почему у вас оказалась ваша нога?

– Так по праву рождения.

– Не умничайте. Кто вам её выдал после ампутации?

– Да в больнице и выдали. У них тогда полигон для отходов отобрали. Зарывать было некуда. Всем ампутантам их добро отдавали в собственные руки. Даже тем, кому ампутировали руки. Берите, дескать, и сами пристраивайте.

– А почему вы пристроили ногу соседу? Что, другого места не нашлось?

– Да морозы ж стояли прошлой зимой. Землю так просто не выкопашь. Ну не могильщиков же нанимать, в самом деле, из-за какой-то ноги. А у Петровича гараж просторный. Ну я и отдал ему на хранение до весны. Говорю, март настанет, я её заберу, на даче закопаю.

Палыч аж вспотел, шея покраснела. Труд рассказчика не прост, а его ораторского таланта всегда хватало не больше, чем на тост. И тут его осенило.

– Так что ж я вам главный аргумент не показал?

Он поднял ногу и положил её на стол к Будьздоровенько.

– Не подумайте, товарищ полицейский, я бы никогда не посмел. Но это же вещественное доказательство, а значит, его можно класть на стол.

Палыч задрал штанину, затем подштанники, обнажив перед капитаном свою конечность Терминатора.

– А вообще вы можете ещё у меня волосы взять на экспертизу. Волос у меня, конечно, уже почти нет. Но ради правды и последних не жалко. Сравните мою ДНК с найденной у Петровича костью.

Железная нога стала железным аргументом в деле. Будьздоровенько был немного расстроен, что не удалось повысить раскрываемость перед Новым годом. Но всё же вырвал у Палыча волосину и поместил её в полиэтиленовый пакетик – для порядку.

Вздохнул, посмотрел на часы.

– Скоро двенадцать. Может, останетесь со мной отметить?

– Да с удовольствием, – расплылся в улыбке Петрович.

Капитан позвонил:

– Кровопусков, принесите вещдоки. И срочно раздобудьте горчицу с хреном.

ВЯЧЕСЛАВ ДЁМИН, 1988 г.р., Слюдянка

Печатался в газетах «Байкал новости» и «Славное море», в сборниках «Золотая россыпь Байкала», «Огонь беспокойных сердец», в литературно-художественном альманахе для юношества «Первоцвет». В 2016 г выпустил сборник рассказов «Волшебница». Участник Областной литературной молодежной конференции «Молодые голоса» (2014, Иркутск), XVII Форума молодых писателей России, стран СНГ и Зарубежья (2017), Областного литературного конкурса «Лето поэта» (2019). Лауреат Областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность – 2018».

КОМПЛИМЕНТ РАБОТЕ

Рассказ

Жил Евгений, как и все вокруг. Выделялся холостяцкой жизнью, что вроде как не шло к его годам. И можно сказать, что жил он неплохо. А если не плохо, то выходит и хорошо. А если привить философию — у меня всё необходимое есть — так и вовсе сомнений быть не может.

А у Евгения все необходимое было. Деньги, небольшие, но зарабатывал. На еду хватало. Раз в год (хоть и приходилось начинать копить еще с весны) тратился на дрова с углем на (затяжную в нашем климате) зиму. Иной раз выбирался в райцентр «за покупками», побаловать себя тем, чего в поселковом магазине не было. Делал он это не то чтобы часто, но зато без особого ущерба для финансов.

О чем мечтал — то дело личное, лежит под сердцем и никого не ка-

сается, а душу греет. О чем печалился... печали, как и у всех, случались, да все, слава богу, по мелочи. А вообще-то особо хандрить и некогда. Бежит время, а с ним и сезонные заботы скоро сменяют друг друга.

Одно только огорчало Евгения сильнее прочего — хамство. От этого дела прямо бессилие наваливалось. И лежит в темноте перед сном иной раз Евгений и себя же корит: «Ну вот что я такой!» Случалось, Евгений с соседом поспорит, или Зина, продавщица в магазине, нахамит (не со зла, конечно, а так, под настроенье) — так Евгений и уйдет с согласным, и даже как будто виноватым видом. А ведь сам знает, что прав, а отойдет, подумает: «Ну прав, что с того-то. Станешь человека переубеждать, он или не поймет, или поймет, да по манере своей упираться начнет, еще больше от того озлобится». И за собой такую манеру знал. Бывало, неправ, а все равно спорит. Потому что нельзя согласиться, тогда вроде как болваном будет выглядеть. Не страшно, что как болван перед собственной женой, но обидно, что «как болван» перед самим собой. Уж пусть лучше она дурёхой остается. По крайней мере, формально.

А если и убедишь спорщика, что не прав он, опять нехорошо выходит. Плохо человеку будет. Вроде того, как от поезда отстанешь или в лесу, в дикости заплутаешь в одиночестве — и тошно, и обидно, и одиноко...

«Неплохой ведь человек, — думал, наконец, Евгений. — А там, бог даст, и сам сообразит». Да с тем и засыпал.

Как-то встретил Евгений поселковую учительницу (вела она в местной школе младшие классы, а после ученики уезжали в интернат в райцентре), разговорились. Вспомнилось, как сам учился в этой школе. И захотелось что-нибудь сделать для школы, или для Светланы Ивановны, или для ребят.

Когда Евгений пришел домой, он вдруг подумал о том, как в старших классах увлекался резьбой по дереву, в памяти проявилось, как фотография, харизматичное лицо руководителя кружка. «Вспомнят ли руки?» — подумалось Евгению.

Евгений нарезал с десятков болванок, долго искал инструмент, заброшенный на многие годы, что называется, в дальний угол. Потом никак не мог начать, не знал, как подступиться. «Нетрудно сделать, трудно придумать», — говорил когда-то наставник. И действительно так — не было в голове четкого образа, так только... общие черты. Ну а коль нет в голове — откуда же в руках взяться?

Начал резать. Осторожно, неуверенно и нетвердо, оттого, наверное, сразу пошли задоринки и сколы. Но, провозившись до полуночи, кое-как «сваял».

Уставший и возбужденный долго лежал в темноте, не мог уснуть.

На службе Евгений томился ожиданием конца рабочего дня. Мысленно спешил домой, поскорее взяться за резец. Появился в мыслях более или менее четкий образ того, что должно выйти и более или менее ясное представление того, как это сделать. Во второй вечер в движениях вдруг появились уверенность, смелость, и дело пошло скорее.

За два вечера трудов вышло четыре фигурки животных. Евгений расставил их на столе. Поднявшись утром с постели, он остановился на них долгим взглядом, тяжело вздохнул и начал собираться на работу. Пока ходил по дому, все бросал взгляд на стол.

На работу шел тяжело. Сам весь хмурый, задумчивый. Все одно в мыслях крутилось — ведь не то задумывал, не такими должны были выйти игрушки. И дело не в том, что грубоваты. Это ничего, это поправимо. Но ведь совсем не то вышло, что думалось, что загадывалось, хотелось.

Вернулся Евгений вечером домой, взглянул на все еще расставленные на столе поделки и принялся за новую болванку. Теперь резал не торопясь, часто прерывался и вглядывался в линии. Закончив, выставил новые работы рядом с работами предыдущих дней. Посмотрел, остался доволен. С тем и лег спать.

Утром подходил к столу с опаской. Вчера остался доволен, а сегодня для свежего взгляда вдруг опять *не то*? Подошел. Всмотрелся, решил: «Могу лучше. Следующие, скорее всего, и будут лучше». Но без лукавства приглянулись ему вчерашние работы. Потому на работу шел в хорошем, приподнятом настроении. Позади, над горизонтом поднималось солнце. Обнимая Евгения за плечи, солнце очертило на земле длинную тень его. В душе волновалось могучее, исполинское, как эта тень под ногами, радостное — я могу!

Еще через пару дней он закончил работу. В комнате на столе толпились фигурки: разные животные и несколько сказочных персонажей. Евгений выбрал из них наиболее удачные, вынес во двор и любовно принялся покрывать их лаком. Был доволен.

На другой день Евгений отнес их преподавателю.

— Авось да пригодятся, — говорил.

— Где ж вы их достали только?

— Был у нас в школе когда-то кружок резьбы по дереву. Оказалось, руки помнят.

— После стольких лет? — Удивилась Светлана Ивановна, но приняла фигурки.

«Не поверила... — с улыбкой подумал Евгений. — Ну да и что ж мне с того, главное, я знаю. А неверие — это комплимент работе».

ТЕПЛЫЙ ПРИЕМ

Рассказ

Сергей вошел в вагон и занял место у окна. Он глядел на людей на перроне и думал: «Ну вот, минут 40 дороги, потом еще пять-десять до парка и, наконец, снова Лена будет рядом».

А еще думал о том, что ему давно не восемнадцать лет (а уж без малого в два раза больше), и такие отношения, когда мотаешься на свидания к любимой в чужой город на несколько часов, уже ему ни к лицу, ни к возрасту. Вот сегодня, думал он, все и решу. А что, сделаю предложение, осмелился он вдруг. Неужели не рада будет, неужели ей самой такое положение нравится? Конечно, не все решается сразу... но и в таком случае это просто вопрос времени.

Пока Сергей думал об этом и так, и эдак, приглядываясь то с одной стороны к вопросу, то с другой, поезд добрался до конечной, до станции Ельцы, где и должна была состояться встреча Сергея и Лены.

Торопливо поскрипывая снегом парковой дорожки, Сергей издали увидел свою Лену. На ней была белая шубка, отгонявшая сумерки, путающиеся в ветвях деревьев.

Сергей подошел, обнял и поцеловал Лену.

— Замерзла? Давно ждешь, — говорил, увлекая ее за собой к выходу из парка.

— Подожди. Слушай...

— Что?

— Сегодня ничего не будет... Я решила, сегодня мы расстанемся. Будь на твоём месте кто другой, не такой, как ты, я бы просто не пришла и все. Но ты хороший, поэтому я решила встретиться и все сказать тебе прямо.

— Знаешь, я все понимаю. Я и сам сегодня, да и вообще все последнее время, думал о нас. И как раз собирался сказать тебе... вернее предложить... Во-первых, переезжай ко мне, а во-вторых, давай поженимся.

— Поженимся? — Лена удивленно посмотрела на Сергея.

— Ну да. Конечно. Что тебя так в моих словах удивляет?

Тревожные настроения в голосе и чертах лица Лены исчезли. Она вдруг легко-легко рассмеялась.

— Вот новость, удивил — поженимся. Ну какой ты муж? — Лена снова засмеялась и продолжила: — Знаешь, даже если б я и рвалась стать чьей-то женой, то, уж прости, за тебя бы не пошла.

Лена отступала от Сергея, продолжая на него смотреть с улыбкой.

Сказала: «Зря я пришла, прости». Развернулась и направилась к выходу.

Ошарашенный Сергей какое-то время бродил по парковым дорожкам. Тем временем стемнело, ближе к выходу из парка зажглись редкие фонари. Опомившись, Сергей пошел уж было на вокзал, но его окликнули. Двое мужчин подошли к Сергею, один – слева, другой – справа, и начали:

— Слушай, дружище, не найдется лишних копеек? — левый легонько взял Сергея за рукав, чуть потянул, разворачивая к себе лицом. — Мы, понимаешь, тут с приятелем решили посидеть, а вот чутка не хватает.

— Да нету у меня... лишних тем более.

Правый, оказавшийся теперь позади Сергея, схватил его за плечо и, развернув к себе, дал прямо кулачищем в нос. Неприятно хрустнуло, и сразу пошла кровь. Тут же снова развернул к себе левый. От удара в глаз стало темно, но как будто не в глазах, а внутри головы. Хотя падения Сергей не почувствовал, через мгновения понял, что лежит на земле. Недолго буцкали ногами, но долго и суетно возились с карманами. Сергей попытался оттолкнуть руку, шарившую по карманам, получил в челюсть и вскоре остался на дорожке один.

Сергей поднялся. Боли, в общем-то, не было. Так, слегка. Но чувствовалось, как быстро растет отек вокруг глаза. Неприятно стягивала кожу намерзшая на щеке кровь. Пока шел к выходу из парка, отковыривал ногтем кровь с кожи, потом прикладывал снежок к глазу.

Только когда пришел на вокзал, подумал о том, что дальше. Поезда обратно в родное Мирное нет, не рассчитывал Сергей возвращаться так рано. Заходить в здание вокзала тоже не хотелось, думалось: «Ну и рожа у меня, наверное, сейчас». Лицо ощущалось расплывшейся лепешкой, разболелись нос и глаз.

— Эй, ты... — верно подозревая в свой адрес, услышал Сергей.

«Неужели опять? Ну теперь я им хрен дамся, — Сергей обернулся. — Снова двое, удивительный город, поодиночке здесь, видно, только я околачиваюсь».

Подошедшие оказались из линейного отделения.

— Что здесь делаем?

— Поезд жду.

— Какой?

— В Мирное.

— А документы у тебя есть?

Сергей достал паспорт. Мельком пролистав, служители порядка документы вернули.

— На Мирное только утром электричка. Вообще шел бы ты отсю-

да, нечего тут, с такой харей, — с сознанием выполненного долга на лицах вальяжно пошагали в сторону вокзала.

Холод поджимал, а стрелки вокзальных часов, точно тоже коченея, едва передвигались над циферблатом. Около часа минуло, когда замерзающий Сергей все-таки поплелся к вокзалу. В это время к перрону подкатил пассажирский поезд, следующий в сторону Мирного.

Народ из вагонов не выходил, час хотя был непоздний, однако и ларьки на перроне, и привокзальный буфет уже были закрыты. Высунулись было пара курильщиков, да холод быстро загнал их обратно в вагон.

Сергей неуверенно подошел к стоящей у вагона проводнице.

— До Мирного не возьмете? В получасе езды.

— Как я тебя возьму-то без билета? — Помолчала. — Деньги-то у тебя есть? — «Хм, были б у меня деньги, мерз бы я тут». — Да вижу, на физиономии написано, что нету. Что ж я вас всех на свою зарплату катать должна! Иди, давай, пока сопровождение не вызвала.

После такого теплого приема Сергей снова не пошел на вокзал, а развернувшись, поплелся вдоль перрона. Вскорости пассажирский тронулся и пополз, прихватив последние надежды Сергея: надежду на шанс вернуться сегодня домой, надежду на сочувствие и человечность.

В отдалении от перрона, на соседних путях, в потемках стояли грузовые вагоны, цистерны, кофры. Они стали снова видны, когда отошел пассажирский поезд.

С гулким бряком, пробежавшим по всей цепочке состава, один из грузовых поездов пришел в движение. Он медленно набирал скорость, и вдруг из потемок на перроне рывком скользнула по путям маленькая фигура и шустро взобралась на площадку переходного мостика вагона.

В неконтролируемом, спонтанном порыве Сергей метнулся следом. Пока он, вовсе не по-молодецки, перемахивал через рельсы и снежные наносы, состав изрядно набрал скорость. На последнее рывке, в разгоревшемся диком азарте, Сергей, рискуя оказаться под колесами, ухватился за поручни и взобрался на площадку.

Только оказавшись на площадке, почувствовал, как бешено у самого горла заходится сердце. Попытался дышать медленнее и тем присмирить скачку сердечного ритма. А состав тем временем разогнался и рвался вперед. Ледяной резкий ветер драл раненное лицо, жег горло, перехватывал дыхание. Но сердце понемногу успокоилось, отступило от горла. Под оглушительный стук колес появились радость, мальчишеское веселье. В скачке мыслей и нервов Сергей подумал о той фигурке, вслед за которой он вскочил на поезд. Попутчик, вероятно, как и Сергей в грохоте звука и колкости ветра, уцепился за поручни и также тревожился на несколько

вагонов впереди. От того, что он, Сергей, не один, а с неизвестным попутчиком, было приятнее, как-то спокойнее и веселее.

Не доезжая Мирного, поезд встал на каком-то полустанке. Вокзала здесь не было. Пассажирская платформа если и была, то, вероятно, где-то впереди, в «голове» состава. Сергей глянул из-за угла вагона – кругом ни души. Он спустился с площадки и пошел вдоль состава. Прошел несколько вагонов вперед, потом вернулся немного назад — никого. Тогда он стал тихонько зазывать своего попутчика. Тот долго не отзывался, видно, опасался, и только когда состав снова вздрогнул движением, подал голос. Сергей взобрался к нему на площадку.

На одном из перегонов поезд сбросил скорость и едва тащился, лениво перестукивал колесами. Ветер теперь не жег лица, грохота стало меньше, и молчать стало как-то неловко.

Попутчиком Сергея оказался мальчишка. Было темно, и сколько тому лет не разглядеть, но, едва взобравшись на площадку, Сергей сразу приметил: «Что-то уж больно маленький».

— Давно ты так путешествуешь? — спросил Сергей.

Мальчишка отозвался не сразу:

— Дня три, наверное. Не знаю, не считал. А тебе-то какое дело?

— Да ты не бойся, это я так — для разговора, чтоб веселее ехать было. А то, сам видишь, едва ползем.

— Вот еще — бояться, — возмутился мальчишка.

— Далеко тебе еще добираться?

Мальчишка назвал какой-то городок. Сергей выспрашивал у мальчишки ориентиры. По ним выходило, что цель путешествия более чем в сотне километров.

— Слушай, ты не маловат для таких странствий?

— Не маленький. Да и что ж, когда надо ехать.

— А что тебе там, что за дело?

— Дом там. Мамка да братья.

— А тебя как же занесло так далеко от дома?

— Известно как... приехали инспекторы, с милицией. Я сразу-то... надо было мне сразу тикать.

— Как звать-то тебя?

— Шуркой. Александром то есть.

Помолчали.

— Знаешь что, мне до дома недалеко, как говорится, уже рукой подать. Пошли со мной, ведь который день маешься-мерзнешь, да и голодный. А там что-нибудь решим.

— Нет. Не пойду.

— Почему? Передохнешь, а там, глядишь, и я чем помочь смогу.

— Поймают. — Уверенно сказал мальчишка. — Или сдашь в отделение.

— Да не сдам, не сдам. Ничего не придумаем, так хоть денег дам. Без средств-то, я теперь на своей шкуре знаю, тяжело.

Все же договорились, сошлись. А после уж почти и не разговаривали. Поезд снова поехал скорее, и шум колес глотал слова, а ветер снова жег лица.

Не доезжая Мирного, прежде остановились в сортировочном. Станция крупная. Длинные перроны,людно, несмотря на ночной час. Много света. Помалкивали, жались в тень, когда между вагонами показались две фигуры. Один невысокий, коренастый, яркий жилет со светоотражателями поверх телогрейки. Второй высокий, в шинели. Выхватил из полумрака светом фонарика Сергея: «А ну слазь!»

Не торопясь, надеясь, что Шурка сообразит соскочить на другую сторону пути, спустился и зашагал в сторону города. Отошел на несколько шагов, как позади раздалось:

— Эй, стой, — оглянулся — ему, Сергею. Шурка-то, видно, все-таки «ушел». Отвернулся и зашагал себе дальше. Но Жилетка догнал, маханул кулачищем в верхонке, да смазал. Но обезболенный морозом нос задел, растревожил. Обернулся Сергей, не целясь, сунул кулаком в физиономию, да так удачно по сопатке попал, что Жилетка согнулся, поливая ночной снежок алым. («Ишь, ты, — подумалось Сергею, — накопил злобы на побоях»). Громко, зло заматерился Жилетка. На ругательства подбежал и Шинель. Вломил с размаху чем-то твердым и сбил с ног. Вторично за ночь отпотчевали Сергея ногами, Жилетка в стороне тоже не остался. Азартно лупили, «ну да я сегодня уж привыкший», — как-то весело промелькнуло в мыслях Сергея.

После того как выбрался Сергей от новых знакомцев своих, какое-то время побродил по станции — авось Шурка покажется. Но не дождался и поплелся в сторону Мирного. К рассвету переступил порог своей квартиры. И быть бы на душе радости, да все о Шурке думалось.

Визитница

ЛЮБОВЬ КУЗАКОВА, 2002 г.р., Киренск

В 2020 году окончила МКОУ СОШ № 5 г. Киренска. С начальной школы регулярно участвовала в литературных конкурсах. С 5 по 11 класс в Районном литературном конкурсе «Проба Пера» ежегодно получала первое место в номинации «Поэзия». Публиковалась в Киренской районной газете «Ленские зори», в сборниках участников районного конкурса «Проба Пера», в городском альманахе «Рифмы родного края», в альманахах «Киренск литературный и юные таланты» и «Первоцвет». В 2018 году вышел отдельный сборник под названием «Вдохновение». Студентка первого курса Педагогического института ИГУ по направлению «Учитель русского языка и литературы».

Жёлтая в сумраке светит луна –
Глаз жабоватый и злобный.
Я и в толпе остаюсь одна
Вечною незнакомкой...
Тикают часики в смрадном чаду,
Тени, неясные, в танце.

Я себя ведьмою назову,
Ведьмой осенних багрянцев.
Миг заклинания тонок и прян,
Много оттенков и звуков.
Тело источит в здоровье изъян,
Сердце – любовная мука!
Ты помечтаешь о бликах костра,
Крестик во тьме поцелуешь.
Ты ведь не знаешь, что ты, как и я,
Веруешь, молишься, любишь...
Желчь или яд – не сочатся с луны?
Нет в этом мире колдуний?
Я промолчу, но приду в твои сны.
Что же ты скажешь мне, дурень?
Я ль не ведунья из сказочных грёз,
Только одёжка другая...
Желтая в небе мне светит луна,
Жабьим глазком мне мигая...

Облака – стайка корюшки в небе.
Это блики воздушной волны,
И снегов эверестовых дети,
И чистейших младенчиков сны...
Херувимы их лепят из неги,
Из космической пыли времён,
Потому всех веков менестрели
Их воспели в стихах, в унисон...
Облака – это тема простая
И красивая, как журавли...
Что среди них и живут, и летают,
Восхищая глаза всей земли...

Париж – не Эйфелева башня
Он много больше и мощней
Он цвета пепла, цвета сажи
Он – меланхолия вещей...
Он – и месье во френче лёгком

И дама в траурных очках
Он смесь веков, дорог, осколков
Он Клод Моне и Ренуар...
Гюго, Мольер, Бальзак и Флобер
Минимализм, вошедший в жизнь,
Париж не башня из оскомин
Париж – летящий в небо стриж...

По английским полям, где бродил менестрель
Где-то в бездне прошедших веков
Я хочу пробежать, я хочу пролететь
И коснуться столетних дубов...
Вдоль по вереску плыть, и считать облака
Робин Гудом прикинуться вдруг
Верю в сказки давно, верю в сказки всегда
Жду чудес, как другие не ждут...
И пускай мне не будет ни шанса взлететь
И умчаться в другие миры...
Я смогу написать, и поверить себе
Что свершилась частичка мечты...
Что и я прикоснулся к британским лугам
И на лютне играл королю...
Вот такую вам сказку придумал я сам...
Чудеса я лишь сердцем творю...

Стихи рождаются случайно
Из тонких нитей паутин
Чаинки в полной кружке чая
Из разноцветных пряных глин...
Стихи слагаются непросто
Нутром писать, что кровь сочить,
Но почему-то невозможно
Без этих действий дальше жить...
Стихи читаются невольно,
Когда мгновенье, словно пик,
Когда блаженно, грустно, больно,
И мир эмоцией горит...

Стихи останутся, конечно,
Как пирамиды и луна,
Рыдания навзрыд, подсвечник,
Как вечность в краткой грёзе сна...

Где-то в северных морях воет сонная касатка,
Убаюкивая сладко
Глубину холодных вод...
Ей, не ведавшей о звёздах, очень близок тёмный космос,
И её последний воздух
В гуле плотном пропадёт...
Этот кит, такой угрюмый, и опасный, как стихия
Кажется таким наивным
Мне, что дикое дитя...
То, что кажется столь грозным, монолитным, мощным, страшным
Может стать печально павшим
И стонать от страшных ран...
Разве сильный – значит, грубый? Разве зверь большой бессмертен?
Человечеству приметен –
Значит, можно убивать?
Лишь услышав песнь касатки, ты подумаешь иначе,
Ты поймешь, что сердце плачет...
А моря продолжают спать...

Я нарисую выдуманной кистью...
В тетради рифмой подведу деталь,
В волнах речных расплывшийся фонарь...
Я нарисую теплую улыбку,
Портфель, пропахший запахом конфет
И милую бумажную открытку...

Карга, горгулья... Иль японский карп...
Что мне покажет вотчина Морфея?
Мечты, желанья, весь невольный скарб,
Я знаю, что он точно все проверил
И подберёт особенный мне тон

Для облаков, для вишен или груши...
И если мне приснится вдруг Босфор,
Я знаю, в жизни он не будет лучше!
Мне хочется поверить в силу сна,
В предвестия за алой парусинной...
Я засыпаю – залпом и до дна
До погруженья в новые картины....

Пианисты нумеруют пальцы –
Я узнала это от тебя...
Помнишь, как искали что-то в святцах,
Громко обсуждая имена?
Что не увлечение в нашей дружбе,
То и странность, только на двоих...
Долгие рождественские службы,
Летние, душистые венки...
Диккенс и немножечко Лавкрафта,
Сбор полыни, мяты и хвои...
Наша дружба странно начиналась....
Пальцы пианиста: раз, два, три...

Гроза гремит – как цех у юных швей,
Где шпулькам отдохнуть минуты нет,
Ритм беспощаден, словно канитель...
И молнии дают недолгий свет...
Гроза промчится, пошумев в ночи,
И швеи на рассвете все заснут
Немногие заметят блеск парчи
На облаках, плывущих наверху...

Есть недостатки у всего
И даже тонкое стекло
Изрезано грядями ранок
Однако же хрусталь так гладок
Пока не выищешь изъян
Напиток винный также пьян

В надтреснутом резном стакане
Но как придирчивы мы с вами
К стаканам, людям, городам
И как недостаёт всем нам
Любви к вещам оригинальным
Пускай совсем неидеальным
Однако же так близким нам

ЯРОСЛАВА ВИШНЕВСКАЯ, 1995 г.р., Иркутск

Закончила ИркПО по специальности «Учитель музыки». Публиковалась в альманахе «Первоцвет», сборнике «Иркутск. Хроника в рифмах». Участница «Поэтического Многоборья – 2020». Член творческого объединения «НеоКлассический Синдром». Увлекается спонтанным туризмом и настольными играми.

На завтрак оладьи с медом, ингредиенты все на
глазок,
Ведь второй глаз по стандарту еще досыпает.
Что ему снится? Наверное, лето, которое как итог,
В этом сне – что приятно – никогда не кончается.
Ты наливаешь мне чай, напевая любимую песню,
Будто бы Хённинг мурлыкая, чем сметишь.

Некуда нам торопиться и так даже интересней,
Доброе утра вот этим особенно хороши.
Через тридцать три суеты лавируя, пересекая будни,
Кутаюсь в шарф и смеюсь над собой «так нечестно!»
Ты мой любимый sputnik, – говорю тебе, – мне уютно
Вместе с твоими дурацкими синими занавесками.

ИЛЬЯ ПОДКОВЕНКО, 1998 г.р., Иркутск

Родился в г. Братске. Окончил Православную гимназию во имя святителя Иннокентия (Вениаминова), митрополита Московского и исторический факультет ИГУ по направлению «История». Призер зрительских симпатий нашего региона в рамках «Всемирного Дня Поэзии – 2019». Занял III место во всероссийском конкурсе «Времена года: Лето красное!» и III место в Областном литературном конкурсе «Зима фантаста» в номинации «Научная фантастика». Публиковался в альманахе «Первоцвет». Автор проекта сборника стихов молодежных авторов «Иркутск. Хроника молодости» и «Иркутск. Хроника в рифмах». Руководитель творческого объединения «НеоКлассический Синдром».

МЕРТВЫХ ДВАЖДЫ НЕ ХОРОНЯТ

Кровь испанского конкистадора –
Метка на пути к вершине Анд.
Чувствуешь её в глотке кагора,
Выпив иберийский виноград.

Слышу крики павших под Гранадой,
Терций залпы возле Рокруа.
Мы упьёмся кровью в день расплаты.
Лишь бы оказалась та сладка...

Слаще кровь вина или невесты?
Кто честней – жених или палач?
Полбокала жизни, сударь, взвесьте.
Юноша так молод и горяч!

Губы пусть бокал до дна изводят!
Треснет – лишь бы объяснила мать:
Мертвых в сердце дважды не хоронят.
Что ушло – не нужно возвращать.

«ОСЕНЬ ДВАДЦАТОГО»

Старый расстрига курит неспешно на сквере
Падает снег то ли этого, то ль прошлого года.
Глаза беспомощно ищут на вывесках зелень –
Листопад нынче начался в марте. Холод.

Порыв ветра нелегкого времени
Отворяет камни с гробниц.
Эта осень ложится бременем,
И люди падают ниц.
Кто-то ищет тепло, а кто-то подножие гор.
Слепые ищут созвездия, а сытые счастья.
Юноша с пеплом в глазах до крови сжимает топор.
Он начинает рубить и греется тем в ненастье.

Тридцать три города станут морщинами пепла.
И даже октябрьский дождь, идущий пятую вечность,
Не спасет города, из которых тот юноша слеплен.
Он сжег города.
Он просто хотел согреться,
Не зная,
Что холод был
В сердце.

Сожги меня.
Мне хочется почувствовать себя живым...
Сожги меня!
Проклятье плоти одолело душу...
Сожги...

Сожги меня, как варвары сжигали Рим!
Сожги!
И наземь пламенный закат обрушу!

Я сцена! Пусть танцуют языки огня
И отделяют мышцы от каркаса!
Сейчас сам над собой расправу учиня
Я украду у мира час экстаза!

Тебе клянусь – мной возгордится Прометей!
Ведь мало тех, кто дар его оценит.
А я смогу! Так холодно среди людей,
Что от дыхания драконы леденеют.

А лёд в груди горит, не испуская дым.
Молчит сигналка и расчет в покое.
Сожги меня без слёз, ведь я вернусь другим,
И чтобы не сгореть – отступит море!

АЛЕКСАНДРА ЗАХАРОВА, 2002 г.р., Иркутск

Окончила МБОУ СОШ 18, выступала со школьным театром-студией. Участник ряда школьных, городских и областных конкурсов. Участник Чемпионата по чтению вслух среди старшеклассников «Страница 18» на сцене МХАТ в

Москве. Член театральной студии «Эксперимент» под руководством О.В. Шмидгаль. Печаталась в сборниках «Иркутск. Хроника молодости» и «Иркутск. Хроника в рифмах». Член творческого объединения «НеоКлассический Синдром». Любит мотыльков и ананасовый сок.

ЮЖНЫЕ СНЫ

киты ночью спят.

им снятся самые южные сны.

китам снятся яркое солнце и чаек восторженный крик,
китам во сне мнится, как будто летают среди звёзд небесных.
к ним тянет иссохшую руку с приборя усатый старик.
— ты же нас не обманешь? правда?
ты же нас не обидишь? честно?

у них есть свои желания, свои страхи и домик с садом.
они с солнца лучами играют своим длинным и
рваным хвостом.
в своей бездне случайным гостям они будут очень рады,
а коли гость с суши явился — подтолкнут его вверх животом.

киты тоже умеют плакать,
но их слёз не увидеть в воде.
киты стонут от боли колкой, когда их сородич убит.
им остаётся лишь в дальнее небо сквозь слёзы свои глядеть.
и вновь их истошных крик вместе с песней морскою звучит.

китам снятся южные сны, где их мясо не ест человек —
там домик и небо в звёздах, полёт их долгий и вольный.
китам снятся южные сны, уютный и тёплый ночлег.

где тот, кто протягивал руку,

гарпуном им не сделал

больно.

ПОКОЙ

я захочу обнять — даже смерть от меня открестится.
молча кивнёт и сгинет, оставит свой след на коже,
не желая водиться с той, что раз в месяц до крика бесится,
с той, что всё время шепчет: «забери меня, слышишь, Боже».

друзья мои лишь по бартеру, любимый с другой в постели.
а я всё теряюсь в людях, видя в их душах свет.
мне прохожий вчера сказал: «старайся чужим не верить,
не живи в ожидании чуда, не держи у виска пистолет».

... просто глаза бессонные много дурного видели,
как кончили те ребята, которых так лживо бросили.
как мальчишек, что я обнимала, хоронили в парадных кителях,
как рудали их мамы с иконами, а отцы поспивались к осени.

и, кажется, даже смерть, и та от меня открестится —
не желая водиться с девушкой, не знающей слово страх.
ныне уже спокойной — она не кричит, не бесится —
она свой покой отыскала
у Господа на руках.

СОБАЧЬЯ ПРЕДАННОСТЬ

ничто не встревожит сильнее потери того, за сердцем.
того, с пониманием который выслушивал каждую ночь.
того, кто с тобою в угаре съест все печали с перцем
и, забыв про свои проблемы, искренне хочет помочь.

и руки чужих не греют, глаза их подобны хлорке —
пустые — ни блеска, ни жизни, но душу мне раздробят.
в мыслях стою, увязнув, подобно собаке в сворке.

собака скулит от боли.
у собаки нет слов для тебя.

у неё нет ни жалких стонов, ни фраз на прощанье книжных,
лишь два океана боли, что вышли из берегов.
рубашка твоя.
в проёме.
словно большой булыжник,
приносит соцветье из крови прекрасно-больных цветов.

жизнь без тебя превратилась
в простую собачью будку.
твой след
на стекле от ладони
съедает весенний снег.

надо же, космос с тобою был
грубой
удачной
шуткой.
мой выбор — собачьим побегом.
побегом
навстречу
к тебе.

в любовных лучах купаться,
как плавать в огромной ванной.

с тобой говорить о важном —
терять мне родную заводь.

как рыба в любви ныряешь.
тебе в этом нету равных.

но рыбе без воздуха — гибель.

а я не умею п л а в а т ь.

GAME OVER.

...и кажется, что краска загустела.
и пешку боле не вернуть назад.
я никогда и никому
вот так
не пела,
пустив по телу разовый разряд.

игра окончена.
переиграть нельзя.
и пепел стал картиной слов на ужин.
ты чувствам предпочёл игру ферзя.
которому
ни капельки
не нужен.

ЕВГЕНИЯ ГАВЕРДОВСКАЯ, 2001 г.р., Иркутск

Родилась в посёлке Багдарино Республики Бурятия. Окончила Багдаринскую Эвенкийскую школу-интернат. Учитесь на втором курсе Географического факультета ИГУ. До приезда в Иркутск писала в стол. Член творческого объединения «Неоклассический Синдром».

Девочка стала поэтом.
Пишет всегда о грустном.
Девочке хочется счастья,
Счастье стало безвкусным.

Девочка пишет о море,
Море уносит слезы.
Руки у девочки мёрзлы,
Мёрзлы от боли в горле.

Девочка стала поэтом.
Пишет всегда о грустном.
Девочка хочет счастья,
Счастье стало искусством.

ВЕРНИКА СМЕРНОВА, 2002 г.р., Иркутск

Студентка исторического факультета ИГУ. Публиковалась в сборнике стихов «Иркутск. Хроника в рифмах». Участвовала в нескольких творческих мероприятиях, таких, как «Поэтическое многоборье», «Черновик» и других. Стоит в творческом объединении «Неоклассический Синдром». Пишет столько, сколько себя помнит, но осознанно подходит к творчеству стала только в последние пять лет. Также пишет прозу.

Солнце моё...
По тебе разрыдается небо скорбящее,
Содрогнётся весь мир пустотой.
Солнце моё,
Каждый день уходящее,
Прошу,
Возьми меня с собой.

МОЛИТВА

Только хлопнет дверь моей квартиры-кельки,
Только солнце скроется за горизонт,
Я зажгу лампаду, встану на колени,
И сорвётся с губ несмелый шепот-стон:

«Буди милостив ко мне, незримый Отче,
Потому что нет границ любви твоей.
О, всевидящий и всемогущий Отче,
Ты сильнее самых страшных из смертей.

Живый Отче, всё с твоей руки возможно,
Разреши увидеть тех, кто не со мной.
Знаешь о мучениях души тревожной
И о боли по ушедшим в мир иной».

Я не смею взгляд поднять к иконам,
Робко посмотреть Спасителю в глаза.
Теплится огонь в лампаде застеклённой,
Обласкивая тихим светом образа.

Я надеюсь и прошу, как только может
Самая неблагодарная душа.
Верю я всем сердцем, крепко обнадёжив
Даже самые неверные сердца.

«О, единственный великодушный Отче,
Ты все знаешь о моей тоске глухой.
Отчего не спится этой тёмной ночью –
Понимаешь, как никто другой.

Только, Отче... Если все идёт, как надо,
Если всё – твой умысел, пусть будет так.
На него в смиреньи полным уповая,
Я постараюсь тоже что-нибудь понять».

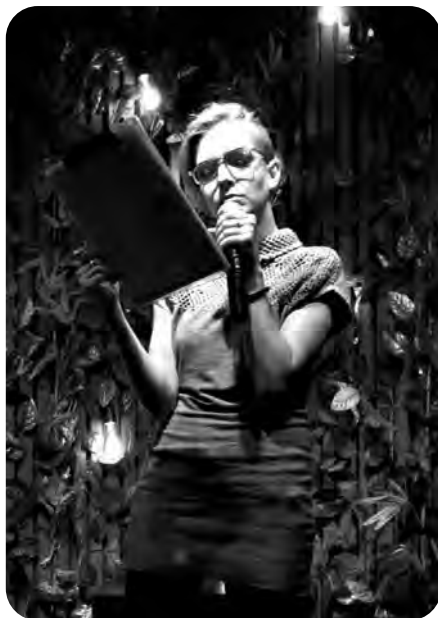
ОН

Полночь. Полночь.
Тень по стене крадется,
Соскальзывает,
Стекает
Куда-то вниз.
За оконным стеклом
Небо давит на хрупкий,
Старинный
С лепниной
Карниз.

И огромные звезды ревут,
Серебром омывая
Чей-то мутный,
Несвязный кошмар.
Перемены грядут,
Только их поведут через улицу,
Сонную площадь, проспект
И мост,
Через старый амбар.

Белое платье с кружевом
Надевай.
В нем под венец, как в омут,
Бросайся.
Тот, кого давно бы пора
Отпевать,
Будет в полночь с тобой
Венчаться.

Тебе так к лицу белый цвет
И стыдливость
Ресниц опущенных.
Как только возможно в наш век
Сохранить
Непорочность насущного.

МАРИЯ БРЫЛЁВА, 1999 г.р., Ангарск

Родилась в городе Енакиево Донецкой области. В 2014 г. в возрасте 15 лет переехала в Россию. Окончила Кундуйскую среднюю школу Куйтунского района Иркутской области. Год отучилась в Саянском медицинском колледже по специальности «Сестринское дело». В 2020 г. окончила Ангарский техникум рекламы и промышленных технологий по специальности «реклама». Заняла второе место в литературном конкурсе «Живинка – 2018». Участник конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2018». В 2019 году заняла первое место во Всероссийском литературном конкурсе «Я был рождён поэтом», посвящённом Дню Поэзии, в номинации «Стихи мой ум избаловали». Публиковалась в альманахе «Первоцвет», ангарском журнале «Признание» и сборниках «Пускай услышат наши голоса» (2018) и «Во имя жизни», посвящённом 75-летию Дня Победы. Член студии юных литераторов «Метафора» при Дворце творчества детей и молодежи г. Ангарска.

ПАТРОНУС

Давай говорить о тебе:
Твоей кареглазой улыбке,
Морщинках на верхней губе,
Лохматом пучке на затылке.

О том, как с работы спешишь,
Измерив ботинками лужи;
Весна, дробью падая с крыш,
Ласкает промокшую душу.

О том, как в домашних штанах,
Футболке размером с палатку,
Протёртых до ниток носках,
И тапках со стоптаной пяткой,

Ты варишь на кухне обед
Для самой счастливой на свете,
С которой вы делите плед,
Всерьёз говорите о детях.

Давай говорить о кино,
Цитируя броские фразы,
Героях, знакомых давно
И их бесконечных проказах.

Ты соткан моею рукой,
Из тонких мерцающих нитей,
Стань призрачной, пусть, но защитой,
Прошу, пообщайся со мной!

Ментальная давит тюрьма,
Не видно ни края, ни дома
Шепчу я «Эспекто Патронум!»
В попытке дойти до ума.

ДАРЬЯ ГАНДИНА, 2005 г.р., Ангарск

Победитель IV Всероссийского конкурса «Семья – это мы! Семья – это я!», посвященного Дню семьи (2018), областного конкурса «Сказка учит, сказка лечит» в номинации «Поэзия» (2017 – 2020). Полуфиналист и победитель в номинации «Приз зрительских симпатий» Всероссийского конкурса «Большая перемена» (Новосибирск, 2020). Участник и неоднократный победитель литературного конкурса «Живинка» (2016 – 2020). Участник Всероссийского конкурса сказок Литературного института им. А.М. Горького и других областных, муниципальных и школьных конкурсов поэзии и чтецов. Публиковалась в альманахах «Ангарские ворота», «Первоцвет», литературном журнале «Страна Озарение» (Новокузнецк, 2020).

МАСЛЕНИЦА

По блинам растекается джем,
Лето тихо придвинулось ближе.
В запотевшем стекле не увижу
Ни единой картинки уже.

Масло белым куском на ноже
Угрожающе низко повисло.
Молоко, что дня два назад скисло
Запекается в жёлтом корже.

Мать на даче, отец в гараже –
Что поделать, такая погода,
Слышу гомон машин и народа
(Я живу на втором этаже).

В рот горстями кидаю драже,
Белой печке подбавила газа.
И драже подавилась (зараза!),
Улыбнувшись себе до ушей.

Все равно хорошо на душе...
Хорошо, хоть лопаточкой тресни.
Сердце бьётся в такт мартовской песне,
По блинам растекается джем.

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ, 1948 г.р., Иркутск

Родился в поселке Кутулик Аларского района Иркутской области. Окончил Охотоведческий факультет Иркутского сельскохозяйственного института и Литературный институт им. А.М. Горького. Учился в аспирантуре Зоологического института в Ленинграде. Работал на биологической станции на Белом море. Участвовал в морских экспедициях в Тихом океане, Японском, Беринговом, Охотском морях по изучению морских котиков. Работал в Лимнологическом институте на Байкале, в том числе принимал участие в подводных экспедициях. Был учителем в школе, инструктором по плаванию, грузчиком, буровым мастером, корреспондентом, заведующим культурно-массовым отделом в ДК «Нефтехимиков» в Ангарске. Принимал участие в велопробеге «Пекин – Париж». В числе немногих достиг столицы Франции, выступив в штаб-квартире ЮНЕСКО о включении озера Байкал в список мирового наследия. Автор нескольких десятков книг стихов, прозы и коллективных сборников. Публиковался в альманахах «Истоки», «Первоцвет», «Белая Радуга», «Родные берега», «Ангарские ворота», журналах «Наш Современник», «Сибирь», «Москва», «Юность», «Огни Кузбасса», «Северомуйские огни», «Дальний Восток», «Родное Приамурье», «Простор», «Подъем», «Врата Сибири», «Берега», «Сибирячок» и других, газетах «Российский писатель», «Мои года». Член Союза писателей России и Союза журналистов России. В нулевые вел прозаическую молодежную литературную студию в Иркутском Доме литераторов.

В ОДНОМ ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ГОРОДЕ

*Маленькая повесть
(в сокращении)*

Это была не самая светлая полоса моей жизни. И казалось, конца этой широченной почти беспросветной полосе не будет...

А началось всё в предзимнем, сыром сером Петербурге, где я учился в аспирантуре. Неожиданно для всех, кто меня знал, я после удачной переаттестации на третий, заключительный, учебный год, за которым, как правило, следует защита кандидатской диссертации, руководствуясь какими-то неясными, даже для самого себя, мыслями, вдруг написал заявление с просьбой об отчислении меня из аспирантуры.

Окончив охотоведческий факультет Иркутского сельхозинститута и проработав после этого два года стажёром-исследователем в единственном в стране Лимнологическом институте на Байкале, я дерзнул послать заявку на поступление в аспирантуру. В один из лучших в Российской академии наук институтов – Зоологический, расположенный на стрелке Васильевского острова. Почти напротив Эрмитажа, на другом берегу Невы. Попасть с левого берега на правый, или наоборот, можно было, перейдя не такой уж длинный Дворцовый мост... Хотя тогда, отослав по почте заявку на единственное вакантное место в престижном институте, я всей этой географии ещё не знал. Как не знал и того, что на место это, по специализации «Биология», были поданы заявки ещё двух соискателей. Один из них окончил Московский, а второй – Ленинградский университет.

Диалог моих конкурентов, негромко говорящих, состоял из немногочисленных реплик и сводился к следующим любезностям: «Если бы я не родился в Питере, я бы хотел родиться в Москве...»; «А если бы я не родился в Москве, я бы хотел родиться в вашем прекрасном городе...», чем изначально, с самого рождения, подчёркивалась исключительность обоих. И, может быть, поэтому я мысленно, в сердцах, отвечал этим шептунам: «А вот если бы я не родился в Сибири, то и вообще б родиться не хотел».

Время от времени я подбадривал себя тем, что биологию у нас на факультете преподавали очень хорошо. К тому же на многочисленных промысловых и учётных практиках в тайге я изучил эту самую биологию не только теоретически – на лекциях профессора Василия Николаевича Скалона, но и практически, прощупав, так сказать, почти каждую косточку: будь то норка, соболь, колонок, таймень, сохатый ли...

Почему мой будущий руководитель, присутствующий на аттеста-

ции с правом решающего голоса, выбрал именно меня, я за два года работы с ним так до конца и не понял. И не потому, что он был скрытным человеком, а потому, что я этим вопросом просто никогда не задавался. На биостанции, правда, поговаривали, что шеф как-то высказался по этому поводу: «Мне не нужна была ещё одна голова – мне и своих мозгов хватает. Мне нужны были ещё одни руки...»

– По окончании аспирантуры какое-то время поживёшь в аспирантском общежитии. Комнату я за тобой оставляю, – рисовал мне радужные планы шеф после длившейся не менее полутора часа переаттестации на третий год аспирантуры. – А там – защитишься, в моей лаборатории тебе местечко сыщем... А там, глядишь, женишься на какой-нибудь питерской барышне с квартирой – и все проблемы будут решены. Тем более что с нашими, стоит признать, худосочными, увы, девицами у тебя проблем, насколько мне известно, никаких, – подмигнул мне мой моложавый, обычно немногословный, руководитель, бодро шагая по коридору. Ведь только что состоявшаяся переаттестация, – из-за разногласия каких-то плохо понятных мне школ и направлений, – была более успешной для него, чем для меня. – Ты же у нас, – обернулся он ко мне, едва поспевающему за его широким, уверенным шагом, – «крепкий сибирский мужичок». Знаешь этот анекдотец?

Мы уже подошли к нашему отделу «под крышей», чем-то, может быть, скошенным потолком, напоминающим мансардное помещение, на третьем этаже.

– Не знаю, – устало, не в тон шефу ответил я.

– Ну, ты даёшь! Тебе его надо знать! – сделал он нажим на слове «надо». – Слушай! – Шеф остановился у высокого окна на Неву.

Я, немного поразмыслив, присел на широкий невысокий подоконник, нарушая субординацию и, безразлично глядя то на реку, то на чересчур оживлённого, удачливого (пятидесяти нет, а уже доктор наук!) шефа, а он, опершись плечом о стену, в идеально сидящем на нём добротном костюме, начал рассказывать анекдот про крепкого сибирского мужичка.

Шеф весело хохотнул рассказанному анекдоту, который мне смешным не показался хотя бы потому, что стало искренне жаль крепкого сибирского мужичка. Впрочем, шагая вместе с шефом, я понимал, что основной причиной такой несвойственной его весёлости был не только что рассказанный анекдот, а закончившаяся буквально несколько минут назад после нешуточных дебатов аттестация, после которой его «за хорошее руководство аспирантом» похвалил сам академик Скорлато. Часть похвалы бумерангом, «за упорство и трудолюбие» и уже от моего патрона, в его ответном слове «высокому собранию» и директору института досталась

и мне. Однако я, в отличие от моего шефа, радости особой не испытывал. Более того, чувствовал, что мне надо что-то серьёзно и безотлагательно обдумать. Хотя, что именно, я этого наверняка ещё не знал.

– Ну, ладно, я к себе, – кивнул мне на прощанье шеф, уже распахивая дверь кабинета, сбоку от которой на медной дощечке были перечислены все его научные регалии. – Дня через два –зайди, обсудим статью в Гидробиологический журнал. Экспериментальные данные, надеюсь, у тебя уже приведены в порядок?

– Они в полном порядке, сэр, – браво доложил я, вытянувшись во весь свой немогучий рост.

– А насчёт женитьбы, действительно, подумай, – в дверях остановился шеф, снова обернувшись ко мне и, кажется, совсем не обратив внимания на мой экстравагантный ответ. – Дело это серьёзное и крайне необходимое. А если ещё женитьба удачна, то и подавно. Как там у Пушкина: «...Кто в двадцать лет был франт иль хват, а в тридцать выгодно женат...» Вот об этом, о выгоде своей, и подумай.

– Да мне до тридцати ещё три года, – вяло парировал я.

– Лермонтов в двадцать семь уже погиб на дуэли, – отрубил мой патрон, закрывая за собою дверь кабинета.

Немного постояв и словно не решив, что делать дальше, я снова уселся на широкий прохладный подоконник единственного в коридоре нашего отдела высокого окна и стал неотрывно смотреть на тревожную, коричневатую, неспешно несущую свои воды Неву, тоже припомнив Пушкина.

«Над омрачённым Петроградом дышал октябрь осенним хладом...»

И действительно, чувствовалось, что на улице холодно, ветрено, сыро. И послеобеденное время скорее походило на ранние, отнюдь не октябрьские, а декабрьские сумерки. Отчего казалось, что больше обычного в этой фиолетовой «жиже» призывно, янтарным светом, блистали и манили к себе окна Эрмитажа, где я сегодня в Рыцарском зале в пять часов вечера должен был встретиться с аспиранткой Ленинградского государственного университета Еленой Тучкиной. С ней я был знаком уже около года.

Обычно именно там время от времени я назначал свидания своей очередной девушке (большинство из которых тоже были аспирантами из различных городов и республик необъятной «империи» СССР). Знакомился я с ними или в нашем институте на какой-нибудь научной конференции, или в аспирантском общежитии. Рыцарский зал Эрмитажа привлекал меня своей необычностью, поэтому я любил в нем назначать

встречи. Словно на машине времени ты переносился вдруг на несколько веков назад и оказывался среди рыцарских доспехов и мечей, с помощью которых бесстрашные воины прокладывали себе путь к славе. В этом просторном гулком зале почти всегда бывало тихо, немногочленно, торжественно. И в то же время как-то протяжно одиноко, даже если ты был здесь не один, а с очаровательной спутницей. И это одиночество внутри тебя навевало некую элегическую грусть, отчего хотелось говорить только «высоким штилем». А при взгляде на конного рыцаря мечталось ускакать куда-то далеко, в жаркие страны. Пусть даже в Палестину, ко гробу Господню, дабы совершив сей подвиг, уверенно просить руки дамы сердца...

Елена Тучкина, в отличие от иных моих знакомых, являлась коренной петербурженкой и жила где-то недалеко от нашего института, тоже на Васильевском острове. И, думая о ней, я почему-то вспомнил Бродского.

«Ни креста, ни погоста – не хочу выбирать. На Васильевский остров я приду умирать», – так, кажется, у него.

Елена самозабвенно любила свой город, считая подарком судьбы появление на свет именно здесь, среди гранита набережных, изысканных зданий Растрелли и других великолепных архитекторов. Она была художавая, подвижна, мила, остроумна и очень интеллигентна, но я её, как, впрочем, и других моих нечастых мимолётных подруг, увы, не любил. Мне бывало с нею хорошо, спокойно, порою даже очень хорошо, совсем не скучно. Но не более того, поэтому представить её рядом с собой на всю жизнь я не мог. Не исключено, что приблизительно также о наших отношениях думала и Лена. Хотя одна фраза при нашей предыдущей встрече в кафе, кажется, выдала её: «...и запомни, что из Питера уехать я ни при каких обстоятельствах не смогу, да и не хочу. Впрочем, и ты вроде бы тоже здесь собираешься осесть? Так что особых разногласий у нас, надеюсь, на этот счёт не будет». Возможно, это была лишь оговорка, а не просчёт ситуации наперёд, как увиделось мне. А может быть, просто тогда было выпито много вина?..

Несомненно, Елена была лучшей из всех моих тогдашних знакомых девушек, но и в ней чего-то для меня недоставало. Вернее, не для меня, а для такого сумбурного непредсказуемого чувства как любовь, когда теряешь голову и не стыдишься делать глупости. Голова моя была, к счастью, несчастью ли, на месте, и делать прекрасные глупости я не спешил. А все эти предыдущие переборы с дамами, которые, как выяснилось, заметил даже мой шеф, в конечном счёте были не более чем экспериментом по выяснению совместимости двух абсолютно различных порою личностей.

Как правило, расставаться со своими знакомыми я старался без истерик и трагедий, если даже отношения наши заходили далеко...

К тому же, мне тогда казалось, а может быть, так оно и было на самом деле, что я уже был всерьёз влюблён в свою землячку, очаровательную девушку Маргариту Оленину. Ведь именно Олениной, правда, Анне Алексеевне, Пушкин в 1828 году посвятил чудесное стихотворение «Ты и Вы». Поэтому от одного только произнесения этой фамилии на меня, казалось, веяло нетленной патриархальностью славной старины, где предполагалась порядочность, и где «нравственность», если верить Неккеру, «была в природе вещей». А если ещё добавить, что Маргарита почти не умела грустить и была к тому ж непредсказуема, то очень приблизительный её портрет будет именно таков.

Я с нетерпением ждал от неё писем. И сам писал ей довольно часто. Гораздо чаще, чем она мне. Стараясь с юмором описывать моё житьё-бытьё здесь, в северной столице. И этот «почтовый роман» был моей сокровенной тайной – в неё никто не допускался. Хотя я чувствовал, вернее, понимал умом уже тогда, что вместе нам не быть, несмотря на то, что Маргарита отвечала мне взаимностью. Однако также легко она отвечала взаимностью, правда, до меня, и тем, о ком я знал, а возможно, и многим другим, о ком я не ведал. В народе это называется любвеобильностью. Действительно, угадывалась в ней какая-то предельность во всём. Словно она проживала всякий раз свой последний в жизни день. Ей постоянно не доставало веселья, карнавала, новых ощущений, чудес! Она всё время боялась чего-то не успеть. Наверное, девушку с такими задатками в полной мере мог бы устроить только волшебник, каковым я, увы, не являлся. И тем удивительнее было то, что из многочисленных своих поклонников она явно выделяла именно меня, порою даже в кругу знакомых, когда мы бывали вместе, нарочито подчёркивая это. Пожалуй, «безумно» было бы самым уместным словом в наших отношениях. Но, тем не менее, минуты с Ритой были самыми лучшими. И порою даже казалось, что мы составляем нечто единое, неразделимое, целое.

Надо отдать Маргарите должное – она всегда, при любых обстоятельствах, была со мной честна. И её горячие безудержные поцелуи, и слёзы раскаяния, когда она рефреном повторяла лишь: «Прости меня... Только теперь я поняла, что, кроме тебя, мне никто не нужен...» – всегда исходили, казалось, из самого сердца.

И я прощал её, потому что любил. Однако в глубине души всё-таки представлял семейную жизнь не как постоянно извергающийся вулкан, и не как бушующий океан, а как спокойную гавань, в которой можно укрыться от житейских бурь. И когда после двух месяцев пребывания в

родном городе я улетаю в Ленинград, то испытывал по большей части некоторое облегчение. Ибо в таком накале, в котором жила моя подруга, я жить не мог. Порою мне казалось, что мы просто испепеляем друг друга. Рита всегда провожала меня до аэропорта и бывала в такие минуты тиха, молчалива, говорила негромким голосом и, не отпуская мою руку, просила только об одном: «Возвращайся как можно скорее. Я буду тебя ждать и стану с радостью зачеркивать в календаре каждый прожитый без тебя день. Ты же сможешь прилететь на Новый год, как в прошлый раз?..»

В такие минуты я понимал, что по темпераменту мы абсолютно разные люди. Я, например, не особо страстный человек. И мне нередко доставляло гораздо большее удовольствие, скажем, играть в футбол, чем «играть в любовь». Ибо в первом случае я испытывал чисто физическую, ничем незамутнённую радость, а во втором – к приятным ощущениям отчего-то добавлялись и угрызения совести, когда говоришь самому себе: «Не то я делаю, не то...» Ведь я, пусть даже ненароком, не давая никому никаких обещаний, всё-таки обманывал кого-то (и в первую очередь, может быть, самого себя) иллюзией любви. И мог ли я требовать верности от Риты, когда и сам порой бывал неверен ей? В своих рассуждениях я, в конце концов, запутывался и приходил к одному бесспорному выводу, что моим идеалом являются отнюдь не Ромео и Джульетта Шекспира с их безумной молодой и безудержной страстью, а старосветские помещики Николая Васильевича Гоголя с их размеренной неспешной жизнью. И в этом случае мне, конечно же, больше подходила Елена Тучкина – потомок славного рода мелкопоместных дворян. Однако меня, увы, как мотылька к огню, неудержимо тянуло к Маргарите – этой яркой, взбалмошной, всегда неожиданной девушке, прогуливаясь с которой я нередко ловил завистливые взгляды проходящих мимо мужчин на себе и восторженные – на ней.

В её последнем довольно сухом и почти лишённом присущих ей эмоций письме «о делах, заботах, учёбе в университете, погоде» в самом конце вдруг прорвались такие строки: «Я устала тебя всё время ждать. Я устала всё время быть без тебя. Я не знаю, что я могу без тебя натворить... Пожалуйста, скорее приезжай. Ведь я старею, меняюсь ежеминутно. И такой, какая я сегодня, уже никогда не смогу быть. Когда ты получишь это письмо, я стану старше, минимум, дня на три, а то и на неделю. А я не хочу проживать дни без тебя... До-свидания. Пока ещё твоя. Марго-Рита».

Именно так, через дефис иногда, перед принятием каких-то важных для неё решений, она писала своё имя. Выходило и Марго, как я иногда в шутку называл её, и Рита, словно это были два разных человека. Впрочем, все мы в себе нередко носим таких разных людей. Недаром

же Фёдор Михайлович Достоевский говорил: «Широк русский человек. Слишком даже широк. Я бы сузил».

Воспоминание о Маргарите, желание как можно скорее увидеть её больше всего сейчас занимало меня, сидящего с вытянутыми ногами, почти во всю длину подоконника, прохладу которого я ощущал, как холод безнадежности. Даже выкрашенная, как и подоконник, белой краской стена в нише окна, о которую опирался спиной, казалась чуть теплее дерева.

Дело в том, что каникулы мои закончились чуть больше месяца назад, а следующие предполагались только будущим летом, да и то навряд ли. Ведь надо будет заниматься доведением до логического конца диссертации. А значит, уехать из Питера я, скорее всего, не смогу, поскольку нужен будет прямой и достаточно частый контакт с шефом.

И тут передо мной вставал простой, на первый взгляд вопрос, порождающий, в свою очередь, череду других вопросов: «А надо ли мне вообще защищать кандидатскую диссертацию? Надо ли мне заниматься наукой? Моё ли это дело? Хочу ли я служению ей посвятить всю свою жизнь?..» Утвердительных, уверенных ответов на все эти вопросы я не знал. Более того, смутно угадывал в себе иную потребность – мне всё чаще и всё больше хотелось заниматься литературным трудом, попытавшись перенести на бумагу всю неповторимую полноту жизни, присущую каждому человеку с живою душой.

Мои многочисленные наброски, сотканные из самых разнообразных эпизодов: таёжных, морских, а то и из необычных житейских ситуаций – всё это настойчиво просилось стать чем-то более самостоятельным, чем просто дневниковыми записями, которые я вёл, и которые теперь мне представлялись лишь пунктиром, вешками, штрихами, увы, не отражающими до конца всю полноту событий... Наверное, вот также опытный энтомолог «фиксирует», прищипывая булавкой к картону очередной редкий экземпляр бабочки с необычайно красивым узором на крыльях, превращая живое в неживое – в экспонат, в часть своей коллекции. Но этот экспонат не может объяснить, как жила бабочка, где она летала, какие любила цветы. Поэтому и мне виделась совсем иная задача, диаметрально противоположная: из мёртвого, вернее, уже минувшего, создать живое. И чистый лист бумаги манил, но и страшил меня. Ибо его белую девственную свежесть я должен был заполнить чёрными знаками, знаками судьбы, жизни. И ответственность за качество этой новой жизни, за новую сотворённую реальность будет впоследствии нести единственное существо в мире – автор. То есть я сам, поскольку в данном вопросе помочь никто не может. Помощи не докличешься ниоткуда. Ведь цель творчества

до конца неясна. Я стоял у Рубикона, но перейти его, как это в одночасье, несмотря на запрет римского сената, сделал Юлий Цезарь, не решался. И очень часто белый лист обычного формата, вещь совершенно безобидная, вызывал у меня неотвратимую боязнь, так и оставаясь «белым безмолвием». Порою даже более опасным, чем приполярная тундра где-нибудь на Таймыре. Где я бывал и где так явственно ощутимы беспомощность и одиночество любого человека. Особенно в предчувствии пурги. Когда с сосущей сердце тоской осознаёшь, что вся надежда теперь только на собак. На их выносливость и ум, на их врождённое чутьё, на их и свою волю к жизни... Они и согреют под снегом в случае чего и вывезут потом к становищу аборигенов, к их конусообразным ярангам из оленьих шкур, от которых сверху отделяется дымок, быстро тающий в низком сером небе.

Я понимал, конечно, что материализация порою весьма хаотичных мыслей, превращение их в литературный текст и есть самое сложное, сродни волшебству – из ничего создающему Нечто, и что без дара Божия здесь не обойтись. Но именно писать, создавать образы мне больше всего в глубине души и хотелось. Пусть даже постоянно ощущая неподатливость Слова – «сопротивление материала», порою более стойкого, чем гранит, противящийся скульптору в превращении глыбы в изящную статую. И, в конце концов, хотелось увидеть свои преобразованные мысли и чувства, ставшие художественным текстом.

Одним словом, я не был до конца уверен, что у меня в этом деле хоть что-то получится. И фактически изменением судьбы, в случае неудачи, готов был расплатиться за своё непростое решение.

«Ну что ж, попробую, рискну! Пока ещё не поздно. Пока ещё не засосала окончательно «трясина науки». Пока я ещё относительно молод. Пока ещё мое желание не перетёрлось в пыль, не стало трухой прошлогодней листвы. А вдруг да получится!.. Ведь, в конечном итоге, воплощённое в жизнь призвание и есть настоящее счастье. Ибо работа – это единственное, что тебе никогда не изменит. Тем более что жизнь так скоротечна. И не стоит её разменивать на мелкую монету, на пустяки».

На следующий день, прямо с утра, чтобы не передумать, я написал заявление с просьбой об отчислении меня из аспирантуры по собственному желанию. Весь день затем отражал «атаки» увещевающих меня, предлагавших не пороть горячку и закончить аспирантуру, доказывающих и аргументирующих свои доказательства, что я поступаю глупо. И что, если я не полный идиот, то должен заявление своё из канцелярии побыстрее, пока ему ещё не дали ход, забрать и забыть о нём, как о страшном сне...

Вечером, в половине седьмого, мы встретились с Еленой у театра.

Уже на дальних подступах к нему толпа любителей театрального действия, к которым я себя не причисляю, с горящими глазами «стреляла» у прохожих,двигающихся в направлении БДТ, лишние билетки. Несмотря на моё скептическое отношение к театру, к его какой-то, на мой взгляд, ненатуральности, спектакль действительно был хорош. Однако восторги Елены, перехлёстывающие прямо-таки через край, казались мне всё же чрезмерными. И чтобы не портить вечер ни ей, ни себе, я не стал говорить о принятом мною сегодняшним утром решении. Тем более что в конце недели я был зван на родительскую дачу Елены – «на закрытие сезона», «отжимки» с домашним вином из черноплодной рябины «производства отца» и «очень вкусными мамиными голубцами».

– Ты только торт какой-нибудь купи или цветок. Тогда ты им сто-процентно понравишься, – проговорила Лена, и я окончательно понял, что мне пора возвращаться домой, в Сибирь.

Смотрины в мои планы не входили. Я очень хорошо относился к Лене, тем более что человеком на самом деле она была славным, но всё-таки я не любил её. И это было главным.

В конце недели в аэропорту Пулково ожидая посадки в самолёт, я написал ей – не то короткое письмо, не то пространную записку. В которой извинился за невозможность, в связи со срочным отъездом, побывать у них на даче и познакомиться с её родителями, а также попытался объяснить свой нелогичный с точки зрения «здравого смысла» поступок с аспирантурой. В конце подсластив «пилюлю» фразой, в которую тогда почти что верил: «Лена, ты замечательный человек, и я тебя почти люблю. Но я тебя, поверь, не стою. До свидания, а может быть, прощай».

В родном городе я оказался никому не нужен. Вернее, не нужен я стал советской науке. А ещё точнее – родному институту, который направлял меня в аспирантуру и который ожидал меня лишь через три года остепенённым специалистом. Без учёной же степени мне могли предоставить только должность лаборанта или, в лучшем случае, инженера...

Почти полгода я промышкался в поисках работы по академическим учреждениям. Где-то сразу получал отказ: «Тема работы не по нашему профилю». Где-то – предложение, на которое я после двух лет аспирантуры в Питере так же, как и в родном институте, согласиться не мог – не позволяла гордость. «У нас вакантно место лаборанта», – обычно слышал я ответ в очередном отделе кадров. А на мой вопрос: «В чём заключаются его обязанности?» получал исчерпывающую информацию: «Пробирки мыть. Причём, очень тщательно. Оклад, конечно, небольшой – зато есть

перспектива роста...»

В свободное от хождения по институтам время, которого у меня теперь было предостаточно, я успел перечитать массу книг из домашней библиотеки и ясно понял, что никакого триумфального въезда на белом коне в литературу у меня в ближайшее время, по-видимому, не предвидится. Более того, может быть, это «ближайшее время» будет отодвинуто от сегодняшнего дня на многие-многие годы. Через шесть месяцев, почти постоянно ощущая свою незначительность и ненужность, испытывая угрызения совести по поводу того, что в двадцать семь лет (Лермонтов к этому времени уже на дуэли погиб, успев стать классиком русской литературы. Прав был мой шеф!) сижу на шее у родителей, я заработал язву двенадцатиперстной кишки и наконец-то понял, что работу мне надо искать в иных, ненаучных, а более грубых сферах. Это во-первых. И, во-вторых, не стоит постоянно поддаваться унынию. Жизнь, несмотря ни на что, всё-таки продолжается.

Стоит сказать, что родители не докучали мне своими советами и за безделье не корили, видимо, понимая, что с их сыном происходит что-то необычное, судьбоносное. Хотя, конечно же, вздыхали украдкой – я это замечал – от моей непутёвости, в глубине души наверняка жалея, что я бросил аспирантуру, где у меня всё складывалось так удачно. Да мне и самому теперь поступок мой казался странным, необъяснимым, лишённым смысла.

С Маргаритой, о которой я так часто думал перед возвращением домой, отношения стали какими-то постными, будто мы внезапно впали в летаргический сон и никак не можем проснуться, а встречи – редкими. Возможно, это происходило оттого, что я, казалось, навсегда утратил свой природный оптимизм и веру в неизбежную удачу. Мой внутренний стержень, так долго до того удерживающий независимую гордую осанку, теперь как будто бы слегка прогнулся, не выдержав тяжести неразрешённых житейских проблем, свалившихся на мои плечи.

Порою, особенно во время весёлой дружеской пирушки, мне начинало казаться, что я всё тот же, прежний. Что, вот ещё немного, и я смогу распутать этот гордиев узел. Но, заглядывая в глубину своего сердца, я видел там ужасающую разруху и чувствовал безмерную тоску. Я признавал, что потерял себя, но как себя снова найти – не знал. Может быть, оттого, что перспективы впереди вырисовывались теперь весьма туманные, в отличие от чётких и прямых (как его проспекты), имеющих в Питере. И, самое главное, я начинал осознавать, что становлюсь неинтересным даже самому себе.

В конце концов, я устроился в СМУ «Водстрой» буровиком.

– Работа у нас не из лёгких. Особенно зимой. Но зато и заработки – будь здоров! – подбадривал меня мастер участка Судаков после прохождения всех формальностей, намереваясь отправить в недоукомплектованную бригаду, работающую на какой-то отдалённой кошаре в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе.

На этой забытой богом и пустующей зимой степной кошаре требовалось пробурить почти двухсотметровую скважину, чтобы добыть необходимое количество воды для стад овец, пасущихся там летом.

– Значит так, – продолжал инструктировать меня мастер, – до Олоя с автостанции доедешь рейсовым автобусом. А там километров пять-шесть в сторону Хазаргая, или на попутках, или пешком. Метрах в двухстах от дороги увидишь буровую вышку и синего цвета балок. Там твоя бригада и стоит. Бригадир – Мельник Михаил Сергеевич. Мужик основательный. Один из лучших в нашем управлении. По три скважины в месяц, если не сильно глубоких, даёт. Оттого и заработка у них высокие. Хотя, конечно, контингент разный бывает, – счёл нужным Судаков уведомить меня о наболевшем, – текучесть кадров на буровых страшная. Но ты, паря, не унывай, – вновь подбодрил он. – В бригаде Мельника ты за один месяц столько получишь, сколько за два года в своей аспирантуре не видал. Одевайся только потеплее. Вишь, февраль-то свирепый какой нынче выдался. Ватные штаны, телогрейку, валенки получил? – спросил он.

Критически осмотрел мою зимнюю куртку на синтепоне, в которой я «гарцевал» в Питере.

– Куртёшки там такие – на тараканьем меху – не спасут, – сделал он категорический вывод и, ещё раз оглядев меня, добавил: – Чё-то не нравится мне твой кислый вид. Давай-ка, вот что лучше сделаем. Через пару дней в эту бригаду пойдёт машина с соляжкой. Она тебя к месту и доставит. Ничего, вчетвером пока поработают – не впервой! – возвысил он голос. – А то мне тебя одного пока отпускать страшновато. Не дай бог околеешь ещё где, в степи. СМУ мне этого не простит. Из тебя, может быть, – криво улыбнулся он, – при твоей-то учёности, глядишь, в скором времени хороший мастер участка образуется. Подучишься на курсах буровых мастеров в Ростове и сам будешь бригадами командовать, – не веря самому себе, закончил мастер.

И, уходя уже куда-то по делам, добавил: – Значит, седьмого, через два дня, жду тебя в конторе к восьми утра.

Шофёр, с которым мы выехали в бригаду, был под стать погоде – сумрачен и неразговорчив. И только, когда мы миновали неприглядные

пригороды, он разжал зубы, спросив:

– Снизу не сильно дует?

– Всё нормально, – попробовал я быть оптимистом, чувствуя себя в ватных штанах и телогрейке неуклюже и как-то раздуто.

Шофёр мельком взглянул на меня и, видимо, не поверив моему мажорному тону, заговорил раздражённо.

– Сколько раз говорил я им – надо утеплить к зиме кабину! А, впрочем, как ни утеплий – толку мало. Ездим на старье, которое давно пора менять! Не дай бог, где на трассе заглохнешь – пропадёшь. У нас, так вот, один в прошлом году, тоже в феврале, тормознулся в степи... Пытался паяльной лампой в кабине греться, да, видно, заснул. Ну, вместе с машиной и сторел.

Снова плотно сомкнув губы, он стал неотрывно смотреть на уходящую за дальние холмы дорогу, чёрный асфальт которой белыми языками вылизывала бегущая впереди машины быстрая позёмка.

– А ты чё всё молчишь? Рассказал бы чего интересенького, – не поворачивая головы в мою сторону, произнёс шофёр.

– В этот день, пятьдесят восемь лет назад, в Иркутске без суда и следствия большевики расстреляли адмирала Колчака. А тело сбросили в прорубь на Ангаре, недалеко от Знаменского монастыря, который мы часа полтора назад проехали, – озвучил я свои мысли.

Шофёр с любопытством взглянул на меня и, отвернувшись, опять замолчал.

В вагончике было жарко, а запах в нём стоял настолько специфический, что меня в первые минуты чуть не стошнило. Угадывалось, что настоян он был на какой-то слежавшейся, с прелью уже, материи, солярке, развешенных на проволоке около трубы отнюдь не первой свежести портянках и рабочей одежде, давно, по-видимому, скисшем супце, водочном перегаре, табачном дыме и ещё на чем-то таком, для чего в моём словарном багаже слов не находилось...

Представив, что именно здесь мне предстоит жить, я почувствовал слабость в ногах. И мне тут же захотелось осесть, прямо на грязный, давно неметённый пол, крепко обхватив голову руками – чтобы уже больше ничего не видеть и не слышать – и завывать, как воют бабы навзрыд от безысходного горя.

– Вот, пополнение вам привёз, – указал водитель на меня, окаменело стоявшего у двери. – Принимайте солярку по-быстрому. Мне ещё надо в дальнюю бригаду успеть, да назад к вечеру в Иркутск вернуться.

В этот момент шофёр вдруг представился мне единственным спа-

сителем. И если бы он не ехал дальше, а сразу возвращался в город, я уговорил бы его взять меня с собой, не оставлять здесь. Мне казалось, я клещом готов был вцепиться в рукав его телогрейки и не выпускать его до самого города...

С какой-то нежностью я вспомнил широкую мраморную лестницу Зоологического института, ведущую наверх в наши кабинеты, и улыбающихся научных сотрудников в белых халатах, встречающихся на ней и приветливо здоровающихся с тобой. Увы, теперь всё это было для меня недостижимо...

«Для чего и на что я всё это променял?! Ради чего – фактически, изменив судьбу – решился на такой шаг?! Ведь не исключено, что я никогда не стану писателем. Ничего же путного пока ещё мной не написано. Так, лишь намётки, заготовки чего-то неясного, неопределённого даже для самого себя. Зарисовки предчувствий или «бред надежд», как я называл это нечто, просящееся на листы бумаги, а иногда и на случайные листки, когда воспоминания из глубин памяти настойчиво требовали выхода. Но ведь ни одного настоящего рассказа у меня ещё нет. Да, есть несколько удачных стихотворений, с десятков – не более. Однако удачными-то они представляются только мне да некоторым моим знакомым. Но ведь знакомые мои приятели в большинстве своём не литераторы. В лучшем случае – биологи... На что я надеялся? На свою непреклонную волю, которой в глубине души всегда так гордился? Так нет её уже, видно, этой непреклонной воли! Она могла произрастать, как выяснилось не так давно, только в тепличных условиях... Зачем я собственными руками, своим глупым бездумным поступком сломал собственную жизнь?!»

Я чувствовал, что близок к истерике. И все эти горькие, отрезвляющие мысли о реальном положении дел с невероятной быстротой пробежали передо мной, не оставляя теперь даже слабого лучика надежды на что-то хорошее там, впереди.

«Только не раскисать. Не размазываться зелёной соплёй по стенке. Надо уметь держать удар. Надо переупрямить судьбу».

– Где бригадир? – вывел меня из ступора громкий, какой-то упругий голос шофёра.

– В город уехал – наряды сдавать за пробуренные скважины, – всё ещё сидя на верхней полке и беспечно болтая ногами, ответил верховой мужик, почти касаясь своей чёрной пяткой, видимой в дыре носка, лица сидящего ниже здоровяка, безучастно наблюдавшего за всем происходящим и время от времени всей пятернёй скребущего голову.

– А чё дрыхнете, не работаете? – уже как-то лениво спросил шофёр.

– Дак, бригаду надо пополнить! Недокомплект, – зычным голосом вдруг встрял в разговор здоровяк, неспешно вставая со своего рундука и в одних трусах и майке подходя к печке, бок которой был раскалён докрасна. Поставив на неё железный закопчённый чайник, продолжил: – Один от нас сбёг. Трудностей испугался. (Как я тогда завидовал этому неизвестному!) Вот бригадир и отправился в управление, чтобы заодно ещё и человека два-три добыть. Нас с мастером оставил шурф копать, да забуриваться здесь на новом месте.

– Ты, значит, мастер? – уточнил шофёр у сидящего на своём «на-сесте» мужика.

– Ну, я, – нехотя ответил худощавый, неожиданно легко спрыгнув с верхней полки.

На его впалой костлявой груди с сероватой кожей, в глубоком вырезе, видимо, большой для него и далеко несвежей майки виднелись наколотые синеватые купола собора Василия Блаженного во всей их витиеватой красе. А на предплечьях, когда он подошёл поближе, я успел разобрать две «классические» надписи для людей, которые не разминулись с зоной: «Нет в жизни счастья» и «Не забуду мать родную».

Первую надпись я готов был сделать у себя немедленно, причём на самом видном месте, например, на лбу. Подобно тому, как каторжанам ставили на нём клеймо.

– Костя! – неожиданно игриво выбросил он в мою сторону жилистую, судя по всему, сильную руку, пальцы которой были все в наколотых перстнях.

От неожиданности я непроизвольно отступил на полшага назад.

– Да не бойсь ты, мы интеллигенцию не обижаем, правда? – весело улыбнувшись почерневшими зубами, подмигнул он напарнику, не опуская руку.

– Игорьь, – ответил я, придя в себя, и ощутил, как и предполагал, сильное и цепкое рукопожатие.

– Нам тут сорока на хвосте принесла – ты вроде как большим учёным был, – с задором ухмыльнулся мастер. – Небось, тяжелее авторучки давненько ничего не держал? Мы тебя тоже сильно напрягать не станем. Сёдня шурф начнём долбить. Тебе, как особо грамотному, доверим наиболее тонкие и точные приборы: кувалдометр и ломперметр. Ими будешь работать, – весело рассмеялся он, сверкнув золотой фиксой. А здоровяк, одевающийся у рундука, отчего-то нахмурился.

– Ну, ладно, хватит лясы точить, – вдруг устрожился шофёр. – Давай, кажи, мастер, куда соляру сливать. И парня без нужды не задирай, – добавил он.

– Ща, один момент, – мгновенно свернув улыбку, ответил Костя, возраст которого определить было сложно. Ему могло быть и тридцать, и пятьдесят. – Только вот парадный клифт надёрну, – продолжал скомо-рошничать он теперь перед шофёром, набрасывая на плечи, прямо поверх майки, засаленную телогрейку и погружая ноги в просторные валенки, стоящие у печи.

– Меня Николаем Ивановичем кличут, – рокотнул от печки уже одетый здоровяк, снимая с неё закипевший чайник и на мгновение переводя взгляд на хлопнувшую дверь, за которой скрылись шофёр и мастер. – Чайку, супца горохового не желаешь? – раздвигая на столе грязную посуду и ставя на него чайник, спросил он добродушно.

– Спасибо, я не голоден, – соврал я. – Мне бы какую-нибудь работу.

Я полагал в тот миг, что лишь работа – изнурительная, до полного изнеможения и отупения; до истребления в себе почти всех желаний, кроме поесть и поспать, – способна заглушить во мне сосущую душу тоску по прошлой, утраченной, возможно, навсегда прекрасной жизни и отвращение к жизни нынешней.

– Наломаетесь ещё, успеешь, – рассудительно ответил Николай Иванович, которому, на первый взгляд, было не меньше пятидесяти. – Соляра теперь есть. После обеда начнём горбыль жечь – землю отогревать, а то она, как каменюга, твердющая. Аж звенит, когда ломом по ней вдаришь. Сердится, должно быть, что спать ей до весны мешаем. А без соляры горбыль не горит ни в какую, сырой. А как земелька маленько оттаёт – шурф копать начнём. У нас процесс бурения с водой идёт. Вот и нужна для неё ямина. Два на два, да метра полтора в глубину, чтобы в неё водовозки три воды можно было вылить. Так что наработаешься ещё до отрыжки. Садись лучше, ешь, – снова предложил он. – А на мастера внимания не обращай. Он мужик, конечно, кручёный, но, в общем-то, не вредный.

Николай Иванович говорил степенно, и как-то угадывалось, что за его плечами стоит недюжинный житейский опыт.

– Давай, разболакайся да садись к столу, – снова попытался он подстегнуть меня к какому-либо действию, ставя на стол большую сковороду с жареной картошкой.

– Перекусить надо. Силы нам скоро понадобятся, – словно уговаривая самого себя, негромко произнёс он и, обернувшись ко мне, всё ещё стоящему у дверей, уже громче сказал: – Да, не журишь ты так, паря, жизнь ведь не кончается сегодня! А как говорили древние и очень мудрые китайцы: «Если ты не потерял жизнь – ты ничего не потерял». А заробей, загрусти – курица обидит! – улыбнувшись открытой улыбкой, закончил

он.

Снимая у вешалки возле входной двери телогрейку, ватные штаны и ощущая себя отчего-то в этом одеянии не то Чуком, не то Геком, собравшимся на Северный полюс, я вдруг почувствовал, что уже не так остро ощущаю запахи, вначале чуть было не отправившие меня в нокаут. «Да, быстро человек привыкает к плохому», – грустно подумал я. «Однако к хорошему он привыкает ещё быстрее», – припомнил я Питер.

На улице послышался шум отъезжающего бензовоза, и через мгновение в телогрейке нараспашку в балок с мороза пулей влетел Костя.

– Ну что, Иваныч, змеиный супчик готов? – довольно потирая руки, спросил он. – А где у нас вчерашние пирожки с гноем? – подмигнул он напарнику, спокойно хлебавшему какую-то баланду.

В этот момент я вновь почувствовал удушливый спазм подступающей к горлу тошноты и понял, что ничего съесть уже не смогу.

– Никак нам плохо? – обернулся ко мне Костя, наливая себе в довольно чистую эмалированную чашку супец, преуший в кастрюле на кирпичках возле боковины раскалённой печки. – Ах, какие мы нежные, – заговорил он с издёвкой и неожиданно крепко хлопнул меня по плечу. Судя по всему, мастер был неисправимый весельчак.

– Ну, чего ты, Костя, к человеку вяжешься? Угомонись. Он в твоих бедах не виноват, – подал голос Николай Иваныч, споласкивая в тазу заляпанную алюминиевую кружку, чтобы налить себе чая. – Парень и так в непривычной для него обстановке. А тут ещё ты зудишь, задираешь его. Силы что ли некуда девать? Иди тогда вон землю долби без прогрета, шурф рой.

– Ничего, пусть привыкает. Знал чтобы, как трудовая копейка достаётся. Вот он у меня после обеда и пойдёт шурф долбить. Сразу небо с овчинку покажется, – не унимался Костя.

– Все будем рыть после оттайки грунта. По очереди, – вставил Николай Иванович.

– Вот и ройте вдвоём, «по очереди», – передразнил Костя. – А я – мастер. Моя задача – за технологическим процессом следить, чтобы он не нарушался. Я, если хотите знать, – он какое-то время подыскивал слова, – человек ненавязчивой идеи, вот! – веско закончил он.

– Ох, доизгаляешься ты над людьми, Костик, – снова рокотнул Николай Иванович от уже почти чисто прибранного стола, расположенного под сплошным, немаленьким, окошком. – Вот приедет Миша, он тебе перцу-то задаст!

Николай Иванович ушёл. Костя забрался к себе на верхотуру и затих, а я начал генеральную уборку, для начала перемыл горячей водой из большого чайника всю имеющуюся посуду.

Часа через полтора в вагончике стало даже как будто уютно.

Раза два, пока я прибирался, приходил погреться Николай Иванович. Одобрительно глядя на мои действия, он садился на табуретку возле двери, не подходя к печке, стоявшей посередине вагончика, «чтобы не марать пол». От него пахло соляжкой, дымом и как будто бы пронзительным февральским ветром. Не знаю почему, но мне это было приятно, точно человек пришёл от таёжного костра.

– Вы теперь ещё тапочки заведите, – свесив голову со своей полки и глядя на подметённый пол, миролюбиво проговорил Костя.

– И заведём, – улыбнувшись, ответил Николай и, обратившись ко мне, сказал: – Закончишь здесь – можешь меня сменить...

Горбыль, облитый из ведра соляжкой, горел неохотно. Огонь, словно слизывая языками пламени приятную ему соляру, скручивал доски, будто отжимая из них влагу, которая, злобно шипя, поглощалась ленивым костром. В грустное, серое, уже предвечернее небо поднимались тёмные, беспросветные, как мои нынешние мысли, клубы дыма...

В конце концов, огонь одолевал воду и начинал резвиться веселее, а подложенные в костёр новые доски занимались быстрее. Отчего-то эти наблюдения – победа упрямой стихии огня над холодной, всё замораживающей стихией воды – вселили надежду и в меня. «Ничего, всё перетрётся, перемелется, переплавится... Не всё ещё потеряно... – размышлял я, глядя на завораживающий весёлый огонь огромного, будто в пионерском лагере в конце лета, когда всем грустно расставаться и друг с другом, и с кончающимся летом, костра. – Из всего этого всё равно выкуется, вызреет что-то хорошее, цельное...»

Вырыв что-то вроде неглубокого, но весьма объёмного «корыта», с чёрными от сажи лицами, уставшие, мы снова заложили в это углубление горбыль, облили его соляжкой и подожгли.

– Всю ночь придётся жечь, – неровно дыша, проговорил Николай Иванович. – Гляди, как земля нынче промёрзла. Прямо какой-то непробиваемый панцирь на себя надела. Ничё, завтра полегше пойдёт, – успокоил он меня. – Нам, главное дело, самый верхний, промёрзший слой убрать...

Сняв верхонку, он стёр с лица капли пота, катящегося из-под шапки, чем ещё больше размазал по лицу сажу.

«Я, конечно, тоже выгляжу не лучше, – подумал я про себя. – Ви-

дели бы меня сейчас знакомые аспирантки. Наверняка бы не узнали. Или сделали вид, что не знают».

– Ладно, пойдём ужинать. Костя кашку обещал сварганить, – вывел меня из раздумий голос Николая Ивановича.

Всё тело у меня гудело, как высоковольтные провода на ветру. Звенело комариным гудом отчего-то и в голове. И сейчас я готов был съесть глубокую чашку даже и «змеиною супчика».

«Стремительно деградируешь, Ветров, – мысленно пожурил я себя и, едва переставляя ноги в ставших вдруг такими тяжелыми валенках с колошами, потащился к вагончику, на стене которого в отсветах пляшущего за моей спиной огня проявилась огромная, неуклюжая, такая непохожая на меня прежнего, тень. – А, может быть, это уже не только моя тень, но и моя сущность?» – невесело подумал я, припомнив снова Питер и знакомых аспиранток, и начинающих актрис, с которыми меня знакомила Елена, заядлая театралка, завсегдатай премьер, особенно в любимом ею БДТ. Но даже заплакать в этот миг от осознания того, что что-то очень светлое и теперь такое нереально далёкое, может быть, навсегда утрачено, сил у меня уже не было.

В бригаде Мельника – очень хорошей, кстати, бригаде, костяк которой был постоянным, – я проработал чуть меньше года обычным буровиком. То есть человеком, выполняющим все подручные – самые трудные и грязные – работы. И за это время, действительно, «особо точные приборы – ломперметр и кувалдометр», лом и кувалда стали моими привычными инструментами.

Обычно (и это, в первую очередь, благодаря бригадиру – спокойному, отлично знающему своё дело человеку) мы успевали пробурить две-три не очень глубокие, метров по пятьдесят-семьдесят, скважины в месяц. И заработки у нас поэтому были одними из самых высоких в управлении. Но всё это, в том числе и появившийся не без помощи родителей автомобиль, как-то не очень радовало меня. Мне всё время казалось, что я утратил что-то гораздо большее, чем обрёл. Да и друзья мои, как будто они были теперь из какой-то полузабытой, прошлой, давней жизни, – я чувствовал это, – всё больше отдалялись от меня. А может быть, я – от них. Что в принципе одно и то же. Скорее всего, это происходило оттого, что общих интересов у нас оставалось всё меньше. Ведь так различна теперь была наша жизнь. К тому же я бывал в постоянных разъездах, колеса по необъятно нашей области, на территории которой спокойно могли уместиться несколько европейских, причём немаленьких, государств. И

перемещаться по этим «государствам», в большинстве своём неказистым, со всем бутором, буровой установкой, вагончиком, водовозкой, да и работать тоже, приятнее всего было всё же летом, чем зимой, когда морозяка, кажется, готов достать тебя повсюду. А если ещё скважина бурится в лютые морозы не в какой-нибудь деревеньке, а в степи, на кошаре, да работа идёт в две смены: и днём, и ночью, то и подавно загрустишь, пригорюнишься, затоскуешь о неудавшейся своей судьбе. И никакие деньги тут твою печаль заглушить не могут.

Промозглой серой осенью, когда нудный, сеющий всё время дождик нередко пробрасывает быстрым колючим снегом, бурили в маленьком бурятском улусе Зум-Булуг, в котором, тем не менее, были почта и хороший книжный магазин, где я покупал редкие книги и с удовольствием потом читал их всякую свободную минуту. Скважина по проектной документации была в этом месте глубокая. Больше двухсот метров. Породы – тоже непростые, поэтому быстрого завершения работ не ожидалось. Минимум – полмесяца, а то и дольше провозимся. Да еще бригадир, как на грех, застрял в управлении с отчётом за третий квартал. А без него многие вопросы не решались. А если и решались, то не так быстро, как хотелось бы, как было при нём.

А тут ещё, как назло, «сдох» дизель буровой, и мастер решил отправиться в управление за запчастями. Но, скорее всего, по моим размышлениям, за бригадиром, при котором работы отчего-то всегда шли более спокойно и ритмично.

– Из улуса – никуда! – напутствовал он нас перед отъездом, обращаясь в основном к Николаю Ивановичу, как к самому опытному и старшему по возрасту. – Я на водовозке, с Серёгой, стогняю махом туда и обратно. Через день, крайний срок – через два, вернусь. Привезу новые долотья с алмазами и запчасти для дизеля. Может, и Миша уже будет свободен. Вместе тогда прикатим. Хотя и при нём мы, я чувствую, весь октябрь здесь проторчим...

Я был рад вынужденному безделью, поскольку мог вволю читать, трижды в день только прогуливаясь в малюсенькую деревенскую столовую с четырьмя столами на шестнадцать посадочных мест, где нас кормили по распоряжению директора совхоза очень хорошо и, в основном, вкуснейшими, сочными бурятскими позами. Иногда, лёжа на запровленной серым суконным одеялом постели, я прерывал чтение и смотрел в окно: на жёлтый простор степи, на мелко сеющий дождь, шуршащий за стенами дома, стоящего на краю улуса. Слушал мерное гудение печи от

сгорающих в ней сухих поленьев, заготовленных бывшими хозяевами этого добротного жилья, в поисках лучшей доли покинувших сии пустынные и бедные края. Оставив в доме почти всё, как было при них: кровати, шифоньер, стол, стулья, табуретки и даже старинный комод с пустыми выдвижными ящиками.

Я попеременно читал две новые книжки: «Подорожник» Николая Рубцова и «Во сне ты горько плакал» Юрия Казакова. И был в восторге от них. От грустной искренности стихов Рубцова и от изысканно прозрачной, проникновенной прозы Казакова. После чтения я какое-то время пребывал в состоянии некой элегической, светлой печали. В глубине души, мечтая об искренней, чистой любви и о том, что, может быть, и мне когда-нибудь удастся написать о пережитом также хорошо.

– Игорь, к тебе, – показался в дверном проёме, почти полностью заслонив его, Николай Иванович, загадочно чему-то улыбающийся.

– Кто? – не без усилия возвращаясь к действительности от приятных мечтаний, спросил я, положив книгу на подоконник над кроватью, вставая с постели.

– Девушка, – ещё шире заулыбался Николай Иванович, уловив моё недоумение и пропуская в комнату местную почтальоншу – очень молоденькую девушку.

– Ветров? – для порядка осведомилась она, желая придать себе, при малом росте и щедрости телосложения, больше значимости.

– Да.

– Вам телеграмма. Распишитесь, вот здесь – в получении.

– Разве у вас на почте есть телеграф, милая фея? – изумился я, заметив, что своим комплиментом окончательно смутил бедную девушку, которой на вид было лет шестнадцать, не более.

– Нет, – серьёзно пояснила она. – Нам их из райцентра привозят, с молоковозом, который от нас каждый день молочную продукцию забирает. Вот, возьмите, – протянула она свёрнутый вдвое серый листок бумаги.

Телеграмма была следующего содержания: «Ветрову И.В. срочно явиться управление. Задумов».

Задумов был начальником нашего СМУ «Водстрой».

«И чего я ему понадобился, да ещё срочно?» – размышлял я, добираясь на попутных машинах до города и прибыв в управление только к концу рабочего дня.

В кабинете начальника застал и нашего бригадира.

– Молодец! Оперативно отреагировал на телеграмму, – похвалил начальник. – Проходи, садись, – царственным жестом указал он на два

ряда стульев, стоящих вдоль длинного стола, торцом примыкающего к его обширному рабочему столу.

– Мы тут с Михаилом Сергеевичем как раз обсуждаем, кем тебя в бригаде заменить... Ты парень грамотный, с высшим образованием. Весь буровой процесс, по словам бригадира, освоил. Одним словом, расти тебе надо, Сергей.

– Игорь, – поправил я.

– Так вот, – кажется, совсем не обратив внимания на мою поправку, продолжил Задумов: – Решили мы отправить тебя подучиться по нашей специальности. Поедешь в город Батайск. Это рядом с Ростовом-на-Дону, только на левом берегу реки. Пройдёшь там необходимый полугодовой курс, сдашь, как положено, квалификационные экзамены, получишь, если всё будет хорошо, – каким-то своим мыслям улыбнулся он, – удостоверение мастера. Рости тебе надо, – повторился он и на мгновение задумался, прервав торжественный ход своей речи, – в смысле карьерного строительства, – закончил он свой блистательный монолог.

И совсем уже радостно, поражаясь, по-видимому, собственному благодушию, добавил:

– А там, глядишь, из обычных мастеров станешь бригадиром или мастером участка. А со временем, – веско подытожил он, хмелея от собственной дерзости и великодушия, – может быть, и меня на посту сменишь.

И, явно не веря своим словам, весело, но скромно хохотнул.

– Короче, Юрий (я не стал его вторично поправлять), к пятнадцатому октября ты должен быть в Батайске. Иди в бухгалтерию – там тебе выпишут необходимые документы. В кассе получишь расчёт, аванс и – вперёд, к своему индивидуальному светлому будущему. Мастер участка расскажет, что к чему, как и куда. Ну вот, один вопрос порешали, – удовлетворённо потёр он руки и, повернувшись к Мельнику, заговорил уже с ним, не дав нам с бригадиром перекинуться и парой фраз.

В своём кабинетике под лестницей, ведущей на второй этаж управления, где обычно толклись бригадиры Усть-Ордынского участка, Судачков оказался один.

– Значит, покидаешь нас, – приветствовал он меня, приподнимаясь из-за стола и указывая на стул, стоящий напротив. – Читал я давеча приказ, читал. Ну что ж, всё правильно, расти тебе надо, Игорёк. Чё на одном месте-то топтаться.

«И чего они все заладили: «Рости тебе надо», будто я лилипут какой-то», – отчего-то раздражённо подумал я, усаживаясь на стул.

В числе прочего мастер участка поведал, что со всего управления

на учёбу направляют только меня одного. Что там, где мне предстоит учиться, централизованно готовят буровых мастеров со всей страны. И что по окончании необходимого курса я, скорее всего, буду переведён на Тулунский участок, так сказать, для кадрового его укрепления. Ибо там, невесело заметил Судаков, «полный разброд и шатание».

– Вернёшься из Батайска, мастером участка у тебя Галемба Василий Исаевич будет. Он тамошний, тулунский. В управлении поэтому редко бывает, далеко... Ну, прощевай, что ли, – протянул он мне свою сухую мозолистую руку.

– Лучше до свидания, – проговорил я в ответ на его крепкое рукопожатие.

– Как скажешь – пусть так и будет, – он встал и проводил меня до двери кабинета.

И вот, вновь осенью, правда, не сырой и серой, как моя последняя осень в Питере два года назад. А сухой, солнечной, прозрачной, во всём своём великолепном разноцветье – одним словом, такой, какой она ещё нередко бывает в наших неужных широтах в сентябре, – я должен был уже в который раз после окончания полугодовых курсов в Батайске отправляться за четыреста километров в Тулун.

Стационар наш состоял из голубого вагончика на восемь спальных мест – по четыре, в два яруса, с двух его сторон, с крохотной кухонькой посередине, разделяющей «спальные отделения». Умывальник и удобства, естественно, на улице. Довольно обширный, заросший бурьяном пустырь, на котором располагался вагончик, как и усадьба Галембы, был обнесён сплошным забором, только из горбыля. Судя по всему, у Василия Исаевича была страсть к высоким «непроходимым» заборам. В одном месте этого сооружения, правда, можно было, отодвинув доску, держащуюся на единственном верхнем гвозде, выйти к заболоченному лугу у небольшой, неспешно журчащей, плавной речушки, за которой открывался прекрасный раздольный вид с далёкими предгорьями, теряющимися в неясной дымке.

Я почистил и нажарил целую сковороду картошки, обнаруженной в ведре на полу кухни. Открыл банку сайры, купленную днём. Разрезал кружочками луковицу, также найденную в ведре с картошкой. Заварил покрепче чай и, сидя на чистом, с прогретыми за день досками, крыльце, с удовольствием поел, с грустью глядя на вечернюю зарю, малиновым цветом сгорающую там, вдалеке, за речкой, у неведомых мне таинствен-

ных предгорий, припомнив Есенинское: «О, верю, верю – счастье есть! Ещё и солнце не погасло. Заря, молитвенником красным, пророчит нам благую весть»... «Да, вся разница здесь только в том, что Есенин видел зарю, то есть начало чего-то. А я вижу закат...» – посетила меня не очень-то весёлая мысль.

Размышляя, куда бы направить свои стопы, я решил направить их в редакцию местной газеты «Сибирский уголёк».

Я вошёл в полутёмный длинный коридор редакции, освещённый одиноко висящей на проводе под потолком тусклой лампой и единственным окном в торце этой половины дома. Если привыкнуть к полумраку, то можно было разглядеть немногочисленные двери кабинетов сотрудников сего печатного органа, призванного быть рупором и недрёмным оком городской администрации и управления угольного разреза, находящегося недалеко за городом.

Последовательно прочитав на всех четырёх дверях таблички, разъясняющие, кто есть кто, решил зайти в «Корреспондентскую».

Ею оказалась просторная светлая комната, в которой ощущался настрой кипучей деятельности вкупе с рабочим беспорядком. Бумаги лежали не только на столах, но и возле них. Отдельные листы бесхозно валялись на полу. Остывший стакан недопитого чая покоился на чьей-то рукописи... Над каждым из четырёх располагавшихся в этом помещении столов висел какой-нибудь шуточный лозунг или рисунок. И всё это как-то сразу настраивало на мажорный лад! Казалось, что журналистам, работающим здесь, нравится их дело, и занимаются они им с удовольствием! И мне вдруг, оттого что я тут ощутил, стало так завидно и тоскливо одновременно, что я невольно громко вздохнул, обратив на себя внимание единственного находящегося в комнате человека, с трудом оторвавшегося от листа с текстом, который он читал, держа в вытянутых руках.

– Вам кого? – спросил он глухим голосом. И чувствовалось, что весь он ещё там, в том, о чём только что прочел. Очки у него съехали на кончик курносого носа. Был он сухощав, с вьющимися тёмными волосами, смуглой кожей и бурятской раскосинкой глаз. На вид ему было лет тридцать. Указав на мою чёрную папку под мышкой, в которой я обычно хранил наряды, а на сей раз несколько рукописных и отпечатанных дома на машинке стихотворений, добавил: – Материал принесли?

– Не знаю, – немного растерявшись отчего-то, ответил я.

– Ну, что у вас? Очерк, зарисовка, репортаж?

– Да я стихи хотел показать...

– Это не ко мне. Вам надо отдать их ответсекретарю. От входа по-

следняя дверь налево. Она у нас определяет, что, куда и когда ставить. Удачи вам, ибо тётка она вредная.

Он вновь склонился над столом и бегло застучал по клавишам допотопной пишущей машинки, то и дело передвигая скрипучую каретку с отпечатанной на стандартном листе бумаги новой строкой. Возможно, будущего фельетона или передовицы, которую надо срочно ставить на первую полосу сдающегося номера.

Выйдя из корреспондентской, я направился в кабинет с табличкой «Ответственный секретарь Занудина Ольга Петровна».

В крохотной комнатке, где едва помещался большой двухтумбовый письменный стол, покрытый сверху зелёным сукном, заляпанным во многих местах тушью и чернилами, лицом к двери за ним сидела грузная дама в очках, с дымящейся в углу ярко накрашенных губ папиросой.

– Вы ко мне? – спросила она резко, оторвав взгляд от текста, который, по-видимому, правила, на очень небольшом свободном пространстве стола, отвоёванном у множества папок, громоздящихся на его поверхности.

– Да, – стараясь говорить непринуждённо, ответил я.

– Давайте, – протянула она руку, одновременно пыхнув в мою сторону дымом.

– Что?

– Ну, материал, как я понимаю, – нетерпеливо проговорила она.

– У меня стихи.

– Давайте, – снова проговорила она, но уже не так нетерпеливо и вновь протянула руку.

Я заметил, что ногти у неё на пальцах были подстрижены неровно, но, так же, как и губы, ярко окрашены в красный цвет. Я достал из папки несколько листов и протянул даме.

– Всё?! – вновь пыхнула она папиросой, с неким интересом разглядывая меня. – А где же поэмы, баллады, романы в стихах?

– У меня есть ещё несколько, только они не отпечатаны.

– Давайте всё. Из большего всегда проще выбрать. Да, адрес или телефон оставьте, чтобы, в случае чего, с вами связаться и знать, куда выслать гонорар, если что-то появится в нашей газете. Ветров – это псевдоним? – взглянув на отпечатанный листок, спросила она.

– Нет, – ответил я, на весу дописывая на одном из листов, положенном на свою папку, домашний адрес. Покончив с этим, я передал все листки, которых набралось, наверное, не больше десятка.

Ольга Петровна открыла одну из пухлых папок, от крышки которой, когда её потревожили, отделилось серое облачко пыли. Бегло напи-

сав сверху в углу на первом листке: «Игорь Ветров, г. Ангарск», она закрепила их скрепкой и положила сверху. Завязать тесёмки папки из-за её перегруженности материалами даме не удалось, и она в прямом смысле слова махнула на это рукой, одновременно разгоняя «пыль веков», вновь поднявшуюся над столом.

«Прямо-таки братская могила какая-то», – подумал я о папке, почувствовав вдруг всю безнадёгу моего предприятия.

«Да, явно не заладился у меня сегодня денёк», – подытожил я с лёгкой грустью, но уже без отчаянья.

– Вы из другого города, где очень много различных газет, к нам-то вас какие ветры занесли? – погасив в переполненной пепельнице папиросу, спросила Ольга Петровна, видимо, решив устроить себе небольшой перерыв.

Я объяснил, что являюсь буровым мастером в одной из бригад Тулунского района, и что мы бурим скважины на воду везде, где в этом есть необходимость.

– Интересно, – хмыкнула она и, закулив новую папиросу, достала из папки мои стихи. Вставив под скрепку небольшой листок, она что-то написала на нём и положила мою стопку уже в другую, тоненькую и совсем непыльную папку. По-видимому, ею она пользовалась гораздо чаще, чем предыдущей.

– А стихи пишете давно?

– Рифмую лет с четырнадцати, а собственно стихи пишу лет с двадцати.

– Понимаете, значит, разницу между рифмоплётством и стихами?

– Кажется, понимаю.

– Ну-ну... – неопределённо проговорила Ольга Петровна, и взгляд её сделался задумчивым и томным, как будто она вспомнила о чём-то очень давнем, хорошем, дорогом для неё, но, увы, навсегда утраченном.

– Да вы присаживайтесь, – спохватилась она. – Вон с того стула в углу папки на пол уберите и садитесь.

– А кто из поэтов в любимчиках ходит? – спросила она, когда я уселся на единственный, кроме её кресла, стул в этой крохотной комнатке. – Блок, Пушкин, Есенин?

– Лермонтов – если говорить о самом любимом.

Ольга Петровна о чём-то вновь задумалась. По-видимому, она что-то ещё хотела сказать, но, уронив взгляд на лежащие перед ней листы с текстом, вздохнула и спросила только: – У вас что-нибудь ещё?

– Нет, – как учёный попугай, выучивший одно лишь слово, опять ответил я.

– Тогда – довидзенья, как говорят мои дальние предки, поляки. То есть до свидания, друг мой. Труба звёт! Срочно, впрочем, как всегда, материал надо на первую полосу сдавать, а он до конца ещё не готов, – пояснила она, с тоскою глядя на лежащие перед нею бумаги.

– До свидания, – ответил я и, сделав пару шагов, закрыл дверь уже за собой.

Возвращаться на стационар не хотелось, и я отправился на почту, решив вдруг написать письмо Елене Тучкиной в туманный Петербург «из одного провинциального города...» Письмо, как мне представлялось, должно было быть написано в духе записей из «журнала» Григория Александровича Печорина: «И вот, теперь здесь, в этой скучной крепости, я часто, пробегая мыслию прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ждали тихие радости и спокойствие душевное?..»

Я люблю маленькие провинциальные почтовые отделения. Мне всегда так уютно и спокойно в них, среди этой сонной тишины, неспешного размеренного хода жизни, когда никуда не спешишь и когда можно, примостившись где-нибудь в укромном уголке, написать письмо другу, или любимой девушке, или домой. А может быть, даже – о чудо! – и получить откуда-то весточку в небольшом овальном оконце: «До востребования», почти не веря в это, не ожидая этой нечаянной радости.

Я пробыл на почте минут сорок. И, отправив письмо, часа два ещё потом просидел на берегу реки, наслаждаясь журчанием воды и ласковым послеобеденным прощальным солнцем, согревающим этот уходящий осенний светлый день. Время от времени с близкого к реке автовокзала из громкоговорителя доносились объявления об отправлении местных и междугородных автобусов... И мне вдруг так нестерпимо захотелось уехать куда-нибудь далеко-далеко... А может быть, услышать объявление: «Граждане пассажиры, через пять минут отправляется автобус по маршруту: «Тулун – Санкт-Петербург», просим отъезжающих занять свои места». И как было бы здорово, если бы в нём нашлось местечко для меня, да ещё у окошка... И ехать бы и ехать по этому маршруту, все те тысячи километров, разделяющие эти города, ни о чём не думая... Вернее, не думая ни о чём плохом. То есть о нынешней моей жизни.

У воды стало прохладно, и я, поднявшись от реки, непроизвольно подошёл к ДК, где на 18.30 должен был демонстрироваться фильм, снятый недавним выпускник ВГИКа югославом Владимиром Павловичем.

Прочитав на цветной афише в фойе, где было и окошечко кассы, краткую аннотацию к картине с названием «Школьный вальс», я купил билет и вошёл в зал. Однако лучше было бы мне этот фильм в тот день

не смотреть. Он был пронзительно грустный. Играли в нём прекрасные молодые и ещё малоизвестные тогда широкой публике актёры. С некоторыми я был знаком, там, в Петербурге, а кажется как будто бы в другой, такой далёкой жизни, когда уже почти не верится, что это была твоя жизнь...

Сюжет картины был о том, как рассыпаются порою в прах наши дерзкие юношеские мечты. И предстоящая жизнь, видевшаяся чудесной сказкой, превращается в серенькие, скучные будни, когда не спасает даже любовь... И когда любимчики Судьбы, «зацелованные» ею, кажется, с самого раннего детства, вдруг «ломаются» от первых соприкосновений с примитивными житейскими трудностями, теряя себя и своё лицо. А те, кто ничем, кроме своей непреклонной, никому невидимой до поры до времени воли не выделялся, становятся хозяевами жизни.

«Как точно о подобном сказано у Гоголя: «Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом...»

Я шёл по слабоосвещённым редкими фонарями улицам на стационар совершенно один, стараясь шагать как можно медленнее. И мне, в вечерний этот час, было также тоскливо и одиноко, как некоторым героям только что просмотренной картины. Вдруг с невероятной ясностью осознавшим: «Что наши лучшие желанья, что наши свежие мечтанья истлели быстрой чередой, как листья осенью гнилой».

Да, действительно, «несносно думать, что напрасно была нам молодость дана, что изменяли ей всечасно, что обманула нас она...», – повторял я пушкинские строки, будто нарочно растравляя свою рану, словно ставя жирный крест на моей неудавшейся жизни. Хотя где-то там, в глубине души, противился этому «окончательному диагнозу»: «Неудавшаяся жизнь». Настойчиво вгоняя в своё, разъедающее мою волю настроение, как вгоняют клин в чурку, не желающую раскалываться, иные мысли. «Нет, ничего ещё окончательно не потеряно. У меня ещё есть время и воля. Я сумею переупрямить Судьбу...»

Именно с этим настроением (переупрямить Судьбу во что бы то ни стало) я и отправился на следующий день вместе с бригадой и бригадиром на буровую.

Через неделю мы закончили бурить одну неглубокую, в семьдесят метров, скважину на ферме и перебрались на новое место к пруду на окраине села. После навозных куч с их специфическим запахом, среди

которых стояла наша буровая все эти дни, место у пруда с высокой искусственной дамбой, ровно заросшей травой, показалось нам просто идиллическим. Вообще же в Решётах, а именно так называлась эта аккуратенькая деревенька, мы должны были пробурить ещё две скважины. Что по времени (в зависимости от грунтов) на все скважины могло составить недели три, а то и более.

Устанавливая буровую, мы наслаждались не только чудесным окрестным видом с плавающими в пруду гусями и небольшим тёмным ельником на другом берегу, но и чистым, влажноватым воздухом.

Уже под вечер, когда все работы по установке буровой и её устройству были закончены, а дежурный приступил к готовке ужина, я примостился на дамбе отдохнуть. А заодно и полюбоваться окрестным видом. Вода в большом пруду отливала красноватыми отблесками и казалась масляничной и тяжёлой. И по этой «плотной» воде, как по льду, неспешно скользили похожие на небольшие сугробы гуси, то и дело погружая в воду недалеко от берега свои небольшие головы на гибких сильных шеях.

На красных лапках гусь тяжёлый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лёд,
Скользит и падает; весёлый
Мелькает, вьётся первый снег,
Звездами падает на брег...

Припомнилось мне из «Евгения Онегина», словно и сам я находился сейчас не на буровой, а в родовом имении. И ещё мне подумалось, как должно быть хорошо на этом пруду зимой ребятам. И снова припомнился Пушкин: «Мальчишек радостный народ коньками звучно режет лёд».

Погружённый в свои мысли я и не заметил, как ко мне подошёл бригадир.

– Чего харчиться не идёшь? Святым духом сыт, что ли? – грубовато спросил он.

– Иду, – неохотно отозвался я, поднимаясь с ещё не пожухшей до конца травы.

– Я на день-два в Тулун отлучусь. Наряды Галембе сдам, чтоб в управлении успели нам в расчет этого месяца включить пробуренные метры, – продолжил он. – А вы тут пока обустраивайтесь и, если что, (это – «если что» мне совсем не понравилось, да и то, что не я, а мастер участка повезёт наряды в Иркутск – тоже), забуривайтесь без меня. Ты уже спо-

койно можешь работать самостоятельно, – подбодрил он. – Да и грунты тут повсюду несложные. До конца месяца нам надо все три скважины здесь в Решётах пробурить...

Бригадир не оправдал моих опасений о том, что скважину нам придётся бурить без него. Он вернулся уже на второй день, под вечер. До его приезда мы, правда, уже успели забуриться и пройти почти полторы штанги.

– Молодцы! – крикнул он, подойдя к буровой. – Глуши мотор! – стараясь перекрыть шум ротора, закричал он уже мне, с ног до головы заляпанному красноватой глиной.

– Айда в балок. На сегодня хватит, – проговорил он, уже не напрягая голоса, когда шум двигателя стих. – Я рыбки хорошей привёз, пивка. Отдохнём маленько.

Бригада оживлённо приводила себя в порядок. Пофыркивая, умывались на вольном воздухе, поливая на руки друг другу воду, расчёсывали мокрые волосы, переодевались в чистое.

Для полноты ощущений вынесли небольшой раскладной стол на дамбу – благо, что вечер был по-летнему тёплым – и уселись вокруг него на табуретках.

Бригадир с видом факира извлёк из своего необъятного портфеля нечто, завернутое в промасленную газету. Развернув её, он выложил на стол большую копчёную красную рыбину в золотистой корочке.

– Режь, – обратился он к Кириллу, сидящему рядом с ним, – да нормальными, не сиротскими кусками. Ещё одна есть.

Вновь нагнувшись к своему портфелю, он извлёк несколько бутылок пива.

– А кроме пива у тебя там ничего покрепше не затерялось? – с лукавинкой спросил Иннокентий.

– Нет, мужики, – отрезал бригадир. – Разгоняться нам не можно. Работать надо. Да и Галемба мне передал, что жаловался ему на нас сбёгший из бригады Карандин. Пьянь, говорит, там одна. Работать по-настоящему не с кем... Так что по пивку и – баиньки. Завтра чуть свет бурить начнём.

Чтобы газету, брошенную у стола, низовым ветерком не отнесло в пруд, я нагнулся и прижал её к земле камешком. «Сожжём потом, чтобы не мусорить», – решил я и уже непроизвольно нагнулся второй раз. Ибо за что-то в ней мой взгляд зацепился.

Подняв газету, аккуратно расправил на краешке стола увиденную

рассеянным взглядом последнюю «Литературную страницу» (за этот крупный шрифт и зацепился мой взгляд), обнаружив на ней стройные столбцы стихов, помещённых в этом субботнем номере за 17 сентября. То есть всего два дня назад. Стихи были мои!

– Чё, буквы знакомые ищешь, мастер? – гоготнул Иннокентий, заканчивая резать чёрный хлеб.

Я промолчал, поскольку «шутка» эта произносилась всякий раз, когда я в свободное время, например, читал книгу.

– Улыбаешься, словно в лотерею выиграл миллион? – поинтересовался уже бригадир, разливая пенящееся пиво по эмалированным кружкам.

– Больше, гораздо больше, – ответил я не в силах скрыть счастливую улыбку. А про себя подумал: «Я выиграл изменение судьбы».

Это была моя первая, да ещё такая большая – больше десяти стихотворений – публикация в небольшой четырёхстраничной газете одного маленького провинциального городка. Но я уже тогда поверил, почувствовал, что далеко не последняя. Что будут публикации и в областных, и в столичных журналах. И не только стихов, но и прозы.

Опубликованные стихи были большей частью о любви, порою придуманной, воображаемой, такой, как, например, в стихотворении почти двухгодичной давности, написанном в бурятском улусе, откуда меня вызвали в управление.

Я ждал письма в улусе Зум-Булуг...

Оно не шло, не шло, и вдруг

Приходит телеграмма:

«Скорее приезжай. Я жду.

Не только я. И – мама».

А утром я проснулся и узнал,

Что телеграфа нет на почте маленькой.

И сор сгоняя в трещины в полу,

Его метёт почтарка в мягких валенках.

Телеграфа в Зум-Булуге действительно не было. А вот телеграмма всё-таки была. Правда, не от любимой девушки, сотканной в моём воображении из множества знакомых лиц, а от начальника управления... Но об этом, дорогой читатель, ты уже знаешь.

Ответа же на своё письмо из Тулуна в Питер я так и не дождался ни осенью, ни зимой...

Зато весной, кажется, в апреле, пришло письмо из Москвы. Из Ли-

тературного института, в котором говорилось: «Ваши рассказы прошли творческий конкурс (сорок человек на место!). Вступительные экзамены начнутся 1 августа. Перед экзаменами необходимо собеседование, поэтому просим прибыть в Москву по адресу: Тверской бульвар, 25, заблаговременно».

В декабре следующего года, вернувшись после сессии и таких насыщенных всевозможными, в основном приятными, событиями дней домой, я совершенно неожиданно получил новогоднюю открытку – «раскрывашку» от Тучкиной Елены («И как она только узнала новый адрес?»), в которой та поздравляла меня с Новым годом! И сообщала, что «Успешно защитила диссертацию и ещё более успешно, по мнению всех знакомых, вышла замуж за... да ты его наверняка помнишь, занудный такой, с вашей биостанции на Белом море – Виктора Бергера», молодого, талантливого, очень перспективного учёного, доктора наук. Последних слов в открытке не было, их мысленно дописал я, потому что знал Бергера, работал с ним в своей, теперь уже такой далёкой питерской поре. Открытка же заканчивалась словами: «У меня всё хорошо. Как ты? По-прежнему ли меришь километры необъятной своей Сибири, как ты писал мне из городка с чудным названием, кажется, Тулон?.. Где ты мотаешься теперь? Каковы твои планы? Навестил бы как-нибудь нас в нашей северной столице. Тем более с супругом вы знакомы. Больше нет места для слов, а чувства на бумаге не передашь... Всего тебе доброго. Вспоминай меня, хоть иногда... До свидания».

До свидания, в данном случае, скорее всего, означало: «Прощай». «И, если навсегда, то навсегда прощай», – додумал я. Понимая, что этой пространной открыткой-письмецом была поставлена жирная точка, и прочерчена не менее жирная черта, отделяющая мою прошлую, питерскую, и нынешнюю, такую же, впрочем, как и прежде, неопределённую в перспективе жизнь.

Прочитав весточку от Елены, я улыбнулся – не столько этому запоздалому посланию, сколько тому, что я предугадал его появление в том стихотворении, написанном в улусе Зум-Булуг.

Только в стихотворении вместо Питера была Москва. И эта московская девушка любила героя. И он её любил. И всё у них складывалось хорошо. Так хорошо, как редко бывает в реальной жизни...

Впрочем, «в молодые наши лета» пораженья предпочтительней побед.

2007 – 2008 г. Иркутск – Порт Байкал – Иркутск

ДМИТРИЙ МАКСИМОВ, 1980 г.р., Иркутск

Родился 21 декабря 1980 года в Ангарске. Окончил Международный факультет Иркутского государственного университета. Занял первое место в номинации «Проза» в конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2004». Печатался в журналах и альманахах: «Первоцвет», «Иркутский потребитель», «Белая радуга», «Сибирь».

МОРЕ И ПАЛЬМЫ

Рассказ

Николай Петрович не запомнил нападавших. Помнил только, что сдал смену, закрыл тяжелую складскую дверь и неторопливо зашагал в сторону остановки, минуя обшарпанный пивной ларек. И тут сбоку, со стороны старых бараков, от грязной темноты подтаявшего переуллка отделились двое.

Первым в палату заглянул молодой, подтянутый сотрудник в штатском. Внимательно выслушал Николая Петровича, чиркая в планшете, и быстрыми шагами удалился, чтобы никогда не возвращаться. Потом приходила полноватая женщина с усталым лицом, приносила апельсины и яблоки. Врачи сказали, что это его, Николая Петровича, жена.

– Коля, ты меня совсем не помнишь? – спрашивала она, вечерами раскрывая пыльный, покрытый коричневым бархатом альбом. – Это мы с тобой. Это наша свадьба.

С бледной, бумажной фотографии на Николая Петровича смотрела ярко накрашенная девушка в чересчур пышном платье. Николай Петрович не помнил.

– Это Катя, это Леша.

Ребятишки на фото сидели на карусели, серьезно смотрели в камеру и ели мороженое. Николай Петрович не помнил.

Жена вздыхала, убирала альбом на верхнюю полку шкафа и уходила спать. Николай Петрович некоторое время смотрел телевизор и укладывался в гостиной, на длинном диване.

Ему снились свободное падение, океан воздуха, синее небо и люди в яркой одежде. Они держатся за руки, а приближающаяся земля кружится и мелькает лоскутами зеленого и черного. Снилось, как он скользит по волне, а доска норовит вырваться из-под ног и сбросить в соленую воду, подняв россыпь брызг, которые заиграют миллионами оттенков. Снились ласковый бриз и смерч, окутанный молниями, извивающимися и кусающими землю, будто гигантские змеи. Снились сверкающие вывески вместе с тысячами огней и фар, рассеивающих ночь над большим городом, в котором бесконечно идет игра. Снились пустыня и одинокая телефонная будка у шоссе. Россыпи звезд, теплая крыша машины и горячий кофе из термоса. Снились джунгли и вечная мерзлота.

-Знаешь, я помню, – произнес однажды Николай Петрович, сидя на кухне за маленьким столиком у окна.

-Что, что помнишь, Коля? – встрепенулась жена.

-Море. Прозрачное, теплое. Я тогда маску еще купил. И плавал-плавал. Рыбки такие яркие, красивые. И пальмы. Выныриваешь, и пальмы. Мы потом там еще были?

-Коленька, – испуганно вздохнула женщина. – Мы никогда на море не были.

Но Николай Петрович уже не слышал ее, как и звука бьющейся чашки.

-Коля! – послышалось ему во внезапном, угасающем порыве ветра.

В прозрачной, теплой воде ткало яркую сеть солнце. Он нырнул. Рядом красноватыми и серебристыми струйками замелькали рыбки.

ВАСЬКА

Рассказ

Все дети мира плачут на одном языке

Холодным, осенним утром Ваську разбудили рано. Только что он бегал и играл во сне – не помня себя от радости, носился взад-вперед вместе с братом и сестричкой, – а сейчас, сидя в холодном вагоне, моргает спросонья большими и удивленными глазами.

Высоко вверху бледными пятнами проступают из серой полутьмы серьезные лица больших людей, которые совсем не обращают на Ваську внимания. Он плотнее прижимается к знакомым коленям и зарывается носом в теплую кофту.

Гремят колеса. Ваське хоть и страшно, но любопытно. Высунув голову из укрытия, он с интересом озирается.

– На рынке выходите? – слышится рядом голос. – Какой симпатичный.

Ваську гладят по голове.

Невнятно хрипит коробочка на стене, двери открываются, и на Ваську обрушивается холодный воздух. Вверху переговариваются большие люди и шуршат бумажки. Ему хочется, как дома, цапнуть их и носиться, пока не поймают, а потом понарошку яростно отбиваться, но Васька побаивается.

Улица встречает водопадом звуков и запахов. Солнце прогревает воздух, красиво сверкая в лужах и стеклах домов. Отвлекаясь на все вокруг, Васька не сразу замечает, что знакомых коленей рядом нет.

Такое с ним впервые. Он еще маленький и раньше никогда не оставался один, да еще в незнакомом месте. Мама всегда была рядом, стоило Ваське позвать. Вот и сейчас, наверное, надо просто позвать. Васька громко кричит, но его голосок тонет в гуле и шуме торопливого города. Конечно, его не слышат. Озираясь по сторонам, Васька пытается угадать, в какой стороне искать. Мокрый асфальт неприятно холодит ноги. Бежать получается совсем не так быстро, как дома. Перед Васькой мельтешат сапоги и ботинки, едва не наступая на него и безразлично проносясь мимо. Приткнувшись в уголок, он несколько раз кричит что есть силы. Наверняка его уже ищут и сейчас придут на помощь. Но стена ног катится мимо, обдавая Ваську холодом и брызгами из луж.

Ему становится страшно. Васька вдруг понимает, что проголодался и замерз. Не в силах больше сдерживаться, он начинает громко плакать и звать маму.

Наконец, около него останавливаются большие ботинки. Васька замолкает и с надеждой смотрит вверх.

– Это что? – слышит он. – Я сколько раз тебе говорил? Чтобы не было этого на территории!

Ваську поднимают и несут. Рыча и жужжа, мимо проносятся огромные, сверкающие пятна. Что-то огромное и зеленое гудит, подгоняя людей.

Ваську ставят на землю. Он оборачивается и пытается догнать человека в ботинках, но тот удаляется слишком быстро. К тому же, Васька не понимает, надо ли за ним бежать. Васька растерян и испуган.

Вдруг он, кажется, слышит знакомый голос. Сейчас он догонит его, и все будет, как раньше! Не разбирая дороги, Васька бежит как можно быстрее. Но внезапно видит яркую вспышку и чувствует сильную боль. Васька хочет позвать на помощь, но почему-то не слышит себя. Он пытается понять, что произошло – в чем он провинился на этот раз и почему так больно? Но на него уже накатывается милосердная темнота.

Поэзия

ЛИДИЯ ШАРКУНОВА, 1989 г.р., Старая Ангасолка – Иркутск

Родилась в Череповце Вологодской области. Поэт, художник. Окончила факультет истории и теории искусств СпбГАИЖСА им. Репина. Во время учёбы в Академии также занималась рисунком на факультете скульптуры. Участница Форума молодых писателей России, стран СНГ и Зарубежья (2017). Стипендиат Министерства культуры (2017). Лонг-лист премии «Лицей» (2019). Публиковалась в альманахах «Первоцвет», «Иркутское время», на сайте rolutona.ru, в сборниках «Антология молодёжной поэзии» (Калининград), «Новые писатели» (Москва) и др. Живёт в деревне Старая Ангасолка на Кругобайкальской железной дороге и в Иркутске.

Город Иркутск напоминает мне Череповец,
Город Красноярск напоминает мне Череповец,
Город Ангарск напоминает мне Череповец.
В каждом российском городе есть частичка
Моего родного города.
Каждый раз, когда я оказываюсь в типовом спальном районе,
застроенном хрущёвками,

У меня сжимается сердце,
и я вспоминаю детство,
Как я шла в гости к бабушке с дедушкой
после школы или какого-нибудь кружка...

Наверно, у хороших девочек
Хорошие правильные воспоминания о своей малой Родине –
Они не запоминают всякую чернуху или чепуху,
Они помнят школу, достопримечательности,
Церкви, музеи, парки, фонтаны, памятники...
И я тоже всё это прекрасно помню,

Но почему-то когда заходит речь о детстве,
Я помню только трубы, трубы,
хмурое металлическое небо
и самые прекрасные закаты
над металлургическим заводом,
шершавую бетонную стену,
на которой я писала свои первые стихи,
И путь через всё это к бабушке с дедушкой –
от одной хрущёвки к другой.

Иногда мне кажется, что все мои путешествия
из одного провинциального города в другой –
Это мой детский путь от одной хрущёвки к другой,
А все мои детские воспоминания о Родине могут поместиться
в маленькой кухне три на четыре метра.

Там сидит мой дедушка,
смотрит в окно,
курит и сплёвывает,
курит и сплёвывает.

Пепел смешивается с плевочками и собирается в маленькие островки
в старенькой фарфоровой пепельнице,
За окном как в тумане проплывают крошечные, практически неразличи-
мые, лёгкие люди,
Хочется верить, что все их помысли, воспоминания и деяния –
Только правильные и хорошие,
Настолько прозрачен и невесом их звенящий, струящийся, плавный полёт
От одной хрущёвки к другой...

В СУПЕРМАРКЕТЕ

В супермаркете вечером, потерянный слегонца
Выбираешь крем, убирающий ороговевшую кожу с лица,
Выбираешь гель, убирающий с унитаза налёт,
Но куда-то уводит тебя твоих мыслей полёт.

И зовёт, и ведёт на крыши, в небесные дали,
Я ещё стихи сочинять умею, видали?
Но спускает на землю супермаркета разнообразие.
Кто придумал столько кремов для всего, безобразия!

А вокруг суета какая-то, суматоха.
Люди спрашивают: «Девушка, неужели вам плохо?»
Собираешься с мыслями, покуда приход не ушёл...
Отвечаешь уверенно: «Как же мне хорошо!»

В отношениях с человеком
Важно быть за чертой.
Можно жалеть человека,
Можно держать его за руку,
Можно смотреть на него,
Можно доверить важное,
Можно иметь
общие тайны,
общих друзей, общих знакомых.
Можно обнять человека,
но ощущать его тело,
но погружаться в тепло
слишком долго не стоит...
Потому что это черта,
Потому что там, за чертой
Начинается что-то другое,
что-то другое,
что-то другое...

Встретились два человека,
Встретились – заговорили:

– Пожалуйста, пойми меня правильно.
– Пожалуйста, пойми меня правильно.
– Нет, ты пойми меня правильно.
– Ты тоже пойми меня правильно.
Речь отделилась от них,
Речь перестала быть главным,
Превратилась в бурлящий поток
Переливов звучания, пауз,
Повышения и понижения,
Погружения вглубь себя,
Полного растворения...
Речь растворилась совсем.

Так важно оставаться тем, кто ты...
Вытаскивать себя из темноты,
Из немоты, невежества и мрака,
Осознавать, что мир не одинаков.

Идти, идти куда-то с фонарём,
Искать себя всё время днём с огнём.

Идти к себе без страха и без стука,
Протягивая дружескую руку...
И вдруг услышать, кто-то шепчет в ухо:
«Ау, ау! Как слышите? Приём!»

У многих людей проблема в том, чтобы открыться,
Моя проблема в том, чтобы закрыться –
Мой огромный внутренний мир
наполняет собой всё пространство,
заполняет собой всё пространство,
Мой чертовски огромный внутренний мир...

– я открываюсь тебе
– ты открываешься мне

Где-то здесь находится точка,
После которой

Люди обычно говорят:
«Нафига ты всё это рассказываешь?»
Где-то здесь пульсирует точка,
после которой
Люди обычно говорят:
«Нафига ты вываливаешь своё грязное бельё наружу?»
Где, где эта точка,
после которой
нужно говорить
«Нафига ты всё это рассказываешь?»
Где, где эта точка,
после которой
твоя искренность – это вываливание грязного белья наружу...

– я открываюсь тебе
– ты открываешься мне

Я открываюсь тебе
Сотый, тысячный раз я открываюсь тебе...
Моя искренность похожа на глупость...
Моё тело похоже на дерево,
Руки-ветви вырастают, переплетаются,
Сплетаясь с твоими,
Больше нет никаких границ...

Я открываюсь тебе,
Сотый, тысячный раз я открываюсь тебе...
И я больше не знаю, где начинаюсь я, и где продолжаешься ты.

Хочешь сказать, поэтому всё время не договариваешь...
Боишься, что прочитает мама,
Боишься, что прочитает папа,
Боишься, что прочитает брат,
Боишься, что прочитает кто-то из близких,
Боишься, что прочитает кто-то из бывших –
Людей, бывших когда-то где-то с тобой,
А теперь только читающих твои слова...

Кто из них воспримет это на собственный счёт?
Кто из них подумает, что это о нём?

Вот так и носишься со словами...

Слова мучают поэта –
Бродят, бродят, колобродят,
Перекисают,
Перегнивают,
Шатают и без того непрочный
поэтический, эфемерный остов.

И так до тех пор,
Пока не дашь видимость воли словам,
Пока не поймёшь, как сказать –
Вернее, недосказать.
Пока не найдешь нужные правильные слова
– эфемизмы, уменьшительно-ласкательные, иносказательные –
Позволяющие умолчать о главном,
Позволяющие заменить
Самую главную суть.

У меня есть страх –
Быть слишком понятной и быть непонятой.
Мои слова располагаются где-то между.

Где-то на кончике языка
Между
правильным и неправильным,
истинным и ошибочным
находятся мои слова –
запуганные, потерянные.

Чтобы дать выйти наружу этим словам,
запустив естественный ход вещей,
нужно обнаружить тончайший как волос просвет
где-то между.

Когда начинаешь писать верлибры,
Возникает ощущение –
Всё, что угодно

может стать поэтическим высказыванием,
Но самое странное даже не это...

Постепенно происходит профессиональная деформация,
Мысли больше не пребывают в творческом беспорядке
Мысли перестают идти
Стремительным, хаотичным потоком сознания...

Они организуются ритмически
В аккуратные строчки, объединяются в строфы...
Мысль, мысль, пауза, мысль...

Если я подумала больше восьми слов за одну мысль,
Мне обязательно нужно сделать вдох
и перепрыгнуть на следующую строчку.
Мысль, пауза, мысль.

Если бы кто-то слышал, как я думаю...
Как жаль, что никто не слышит, как я думаю!
Если бы люди услышали, они бы сказали:
«Как красиво!
Она даже думает, как поэт!»

ВДОХНОВЕНИЕ

Вот нечто выплывает изнутри,
Само себе там что-то говорит,
Чего-то там под нос себе бормочет.

Я чувствую, внутри меня горит,
Внутри переизбыток, безлимит.
Но я не знаю, как мне с этим быть...

И комкаю исписанный листочек.

Себя в себе не слышу отчего я?
Пространство тут совсем безречевое –
Без окон, без дверей и без начала,
И потому я тоже замолчала...

Чужие мысли рядом проплывали,

Но вглубь меня они не проникали.
Ни отзвук, ни вибрации, ни шёпот...
И я перенимала этот опыт.

Становишься невидимым, прозрачным,
Как черновой набросок неудачным,
Внезапно обнаруженным во сне
И непонятым в этой новизне.
Становишься как будто меньше точки,
По буквам уползают эти строчки.
Меня уносит с ними заодно...
Весь мир похож на чёрное пятно.

Тексты, тексты,
слова и тексты,
Понимаемые только
внутри контекста...
Но контекста не было,
И никто их не понимал.
Каждый, как мог,
усилия прилагал,
Применяя способности и таланты
Примеря прочтения, варианты...

Ибо каждый старался, живота своего не жалея,
Расцветали тексты новыми красками и тяжелели,
Зубы острые в самое сердце вонзали,
Как Дамоклов меч пугающе нависали,
Становились глубокими, мудрыми, ценными,
Оставаясь по сути своей неизменными...

И в этом есть
какой-то свой прикол —
смотреть в себя
и видеть свой раскол,
и слышать шум,

шуршание и шелест.
Смотреть туда,
Смотреть куда-то через.
Как часть меня
В себя не попадает.
Не совпадает,
блин,
не совпадает!
Всегда на стыке
Маленький зазор.
И сквозь него
сочится всякий вздор.

Ни эти мысли, ни стихи, ни это всё,
Ни эти непрочитанные книги...
Ни то, что разум в черепушке пересёк,
Остановив на подступах, на сдвиге,
Не остаётся после ничего –
А если даже что-то остаётся...

Какие-то слова,
обрывки слов
На ощупь изучают ремесло

Пристраиваться в вечность,
Как придётся...

МАРГАРИТА СНЕГУР, 1997 г.р., Иркутск

Окончила лицей № 3, обучалась в ИРНИТУ по специальности «Графический дизайнер, искусствовед». Работала аранжировщиком в студии GROOVEBOX.

«МЕЖДУСТРОЧЬЕ»

Цикл стихотворений

цветом моря с палитрою сердца
рисовала его портрет. целовала
образа в красном углу, до слёз
верила в общность душ,
в реальность прикосновенья рук,
да сказать не успела.
случайный выстрел – так
оборвала мойра нить его, и по стылой земле
в чаще леса, разлившись рекой-ручейком,
алая кровь напитала корни деревьев,
обернувшись водой.
прикрыло холодное тело снегов
саваном, лишь лапа воронья

ветку пихты небрежно бросила
на сугроб.
в этот миг на краю
между былью и небылью
встретились двое – фарфоровая Ассоль –
по воздуху бегом
в синеву неба,
крутыми ступенями
к звёздам ближе и ближе.
земных сфер ногами босыми едва коснувшись, бежит
прямо в космос – и дальше, и выше –
в пустоту.
в белое,
зонами световых лет позади оставив сонных домов крыши.
и он – меньше, чем призрак,
больше, чем сгусток материи,
говорит чётко, ясно, без слов:
«милая, слышишь,
не лей слёз. что должно – то случилось.
о том, что свершилось, тщета горевать,
обо мне можешь помнить, сама – держись.
тебе рано ещё умирать.
встретимся лет через семьдесят там».
годы проходят скоро,
что для Земли миг – нам целая жизнь.
сидит на скамье в парке старушка,
сухую ладонью от солнца глаза прикрывши.
подходит мальчонок, за край платья дёргает.
– что, малыш?
– бабушка,
говорит он,
бабушка, вы не поверите,
там дядя с неба
передаёт привет
для Ассоль

можно задохнуться всеобъемлющим небом,
плюясь сигаретным дымом в недостижимые звёзды.
можно спрыгнуть с ума, обнаружив себя

младенцем
в колыбели Бытия,
улыбаться запахам хвои, сыроватой земли,
просыпающейся от зимней спячки Природы...
сердце расцветёт нахлынувших чувств снопом,
эпилепсия красок сменит
кататонически-зауспокойный
паралич воли
прыг-скоком –
из могилы до Чистой Земли –
автостопом
по всем измерениям –
так передвигаются коты
на мягких подушечках лап,
как шаманы,
и бьют в барабаны глашатаи Новой Весны.
на другом краю
бесконечной нашей страны
мне будешь сниться
ты
и твои мечты,
ставшие явью.

хоть серебряной пылью рассыпья
в сотнях и тысячах извинений
за – содеянное,
со-замысленное,
вы-страданное
ду-шат, давят тяжкие карамысли, лежат на плечах, как
лучи ра,
ши-рятся по воде круги, множатся – и нет и не будет им
конца.
за(клин)ание – уроненное на стол Слово,
кры – разбившееся на квантиллионы осколков
ты – не Кай, тебя оно не коснётся.
живи, радуйся,
твори.
бьются мерно сердца,
звуками джаза

заполняя пустоты.

путаясь в бесчисленных реальностях от недостатка сна
спотыкаешься о звонки,
(не)случайные разговоры – событийная череда
душит однообразием,
превращаясь в монотонность речи, мысли, стихо
Творение –
наступает затишье пред бурей
всенепрерывно.
я слышу слово,
Суть
его будто теряется в городском шуме, оно будит
меня посреди этого
дикого сна,
Смысл
которого
силюсь найти в каждом
витке, кульбите и повороте
Жизни.

день пахнет ладаном.
цепь замкнулась – короткое замыкание –
искры треск. свечи
пламя очистит всё,
обнажённой оставив подпалённой душу.
последнее издыхание
от-житого –
от-пусти.
от-ставь боль
на колена, гнев – пепел
на котором растут
кровоточащие цветы,
изживи,
только больше не бей –
словом можно лечить,
а можно и

искалечить.
верь.
и пусть тебе будет легче.

«всё ещё переменится»
всё уже изменилось. Слышится –
утро солнцем над крышами высится,
только боль не уходит – дичится.
воздух птичится песней,
ширятся горизонты,
внутренний демон лыбится,
предчувствуя свой уход
в не-бытиё –
поделом ему,
поделом. Останутся лишь
набившие оскомину
глагольные рифмы,
скованные
бледным листом.
лист станет пеплом,
пепел развеется над землёй,
осядет на холм,
а холм разродится деревом.
дерево даёт плод,
что в почве схоронит семя –
и далее – далее –
вот – цикл замкнут
и он бесконечен.
знаешь... слово «вечность»
выложено костями,
на которых растут хрупкие, как слеза,
цветы
белой весны

падает с головы волос долог –
ум короток,
нараспашку окна.

стены полупустого дома исторгнут
марево вместо живого – настолько сильно
желание выйти вон из себя,
стать мороком,
в поле полынь-травой.

небо, месяцем вспорото,
просыпало звёзды.
воздух исколот звуками острыми,
топорными –
это рубят покой на корню
страхом вместе с могильной землёй вскормленные,
призывают на землю войну.

больно
больно
боль, но –

от боли до воли долго ли?
не единым днём жить –
дальше идти,
собирать и разбрасывать камни,
приносить дань морю.
избави, Боже, тебя от пути
бессмысленной
вражды
и горя.

ТССЖ

путаясь в бесчисленных реальностях от недостатка сна
спотыкаешься о звонки, неслучайные разговоры – событийная череда
душит однообразием,
морфируя в монотонность речи, мысли, стихо
Творение –
наступает затишье пред бурей
всенепреренно
я слышу слово
Суть
его теряется в городском шуме, оно
будит меня посреди этого

дикого сна
Смысл
которого
силюсь найти в каждом
витке, кульбите и повороте
Жизни.

ОТ РЭЯ СМИТА

в цвет восходящего солнца
и капель росы
облачённые,
шествуют по пустынной дороге
Бродяги Дхармы,
приветствуя утро и горы
– Хо-о!
тропою случайно заезжих машин.
братья во Сангхе
проповедуют:
мы, этот мир, лист травы – всё одно,
Пустотою рождённое,
к Пустоте устремлённое.
будьте ж счастливы, милые,
делая доброе,
каждый свой миг в безвременьи проживая
в полную силу.

К ПОЭТУ

я вижу рубины – алое – на чёрном песке,
россыпью – жемчуг из уст полубога –
так славят живое и вечное,
то, что на всех одно,
что раздроблено на кусочки,
что учителями мира сего
завещано склеить –
что с рождения дано
и что нами потеряно
для обретения наново
и осознания ценности
сокровенного.

наваждение-сон где никак не проснуться
нечто сродни шизофрении
когда среди шестисот тысяч лиц
в каждом пятом ты видишь одно
отдалённо знакомое
время, куда уже не вернуться
потому что бежать от себя
настоящего – тщетно
посреди чужим ставшего города
хочу очнуться где-то
между «сейчас» и «послезавтра»
вписать пару-тройку-десяток и сотню имён
близких далёких
за здравие
за мир в их мирах
и покой

на чужбине как дома – дом стал осколком,
инородным телом – вынь – умру от кровопотери.
сотрясает священную землю так, как трясёт от гнева,
когда по-старому – неумогу,
а по новому – не умеем.

ещё открыты настежь все двери,
покуда есть свет и дышит теплом Москва –
прыгать вверх, пробивать дно,
ползти на поверхность –
мне ли
Тебе говорить, каково –
нет, не мне –
другим,
по следам чьим шли,
переводили путей стрелки
часов жизни без счёту продав задарма,
как здесь продают воздух или идеи
о красивом завтра
и о безвозмездном вчера –

между нами 5219 километров
и одна стена,
проломить которую не в силах ни Бог, ни работники ЖКХ –
я смогла раствориться в твоём голосе, но не в словах,
и могла отдавать, не умеючи принимать
по сто грамм
сладко-горькой любви твоей
святая вода
дороже злата,
да грош мне цена –
в глаза за глаза
скажи, что я не сошла с ума,
променяв нежный,
миражно-счастливый плен
на злую, искреннюю
свободу
и настоящий
голос,
умноженный
на два

АВТОСТОПНОЕ ОКОЛОХОККУ

Чёрные буквы на белом
зачёркнуты красным.
Дорога...

Приступ тупой, как дрова, русской тоски за стаканчиком водки без закуси.

забавно потеряться в многоликости Вселенной,
не приняв опостылые «право» и «лево», при этом
боясь копнуть глубже – все кроличьи норы мира наверно
ведут в одну точку – *infinitem*,
а блуждать – увы,
времени нет.
ты найдёшь свой путь, это точно,
мы видели –

там особенно яркий свет,
за ширмой шипов проволок, розовых лент,
энтропичных троп
и дыма, будто б от сигарет,
иль от кальяна Оракула,
сложившего мир, как салфетку,
и расправившего его обратно.
«ничто не проходит бесследно» –
да,
эти сгибы сказали правду,
напомнив,
что любое «сейчас» – капля в море,
формирующее океан.

ИСКРЕННОСТИ

каждый день стою на перепутье
в необходимости выбора –
рассинхрон тела, мысли и чувства как
причина физической боли.
каждый день – шаг в семнадцать лет назад, где я снова
учусь танцевать,
зубрю текст своей роли,
каждый день – тренировка
слуха – в беседе
и ритма – жизни... на сколе
твоей, моей, нашей правды
балансирую,
как на острие ножа.
Господи, может подскажешь, где моя сторона,
а то, кажется, я немного ошиблась дверью,
сделала поворот не туда?
но небо безмолвно.
ему не нужны слова,
чтобы кто-то в него поверил.
небо смеётся солнцем
и плачет дождём и снегом,
а мы прячемся за дифирамбами,
уклоняемся от ответов,
вместо «нет» говорим «да»,

защищая дутое эго,
только смысла в этом, ни на грамм нету,
правда всегда одна –
для одного,
и говоря всё это
я смотрю в глаза,
в поисках ответов.
неприязнь ли, любовь, осуждение,
пусть будут – от чистого сердца.
взгляды не лгут.
не солжёт и твой,
гуаро..

ПАВЕЛ СЕМЕНЕНКО, 1983 г.р., Усть-Илимск

Родился в посёлке Железнодорожном, Усть-Илимского района. Пишет с 6 лет. В 12-летнем возрасте выпустил самиздатом книжку рассказов, которую сам проиллюстрировал. Окончил Байкальский государственный университет экономики и права по направлению «Маркетинг». Предприниматель. Подрабатывал внештатным корреспондентом газеты «Усть-Илимская ПРАВДА». Дважды участник Областной молодежной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность», на одной из них награжден дипломом за дерзость в начале творческого пути.

ЗАПЕРТЫЙ В СИБИРИ

Рассказ

Михайло проснулся, почуввав, что сильно зябнут ноги. Потянулся, потёр заросшее лицо и спрыгнул с печи. Остывший дощатый пол обжёг ступни холодом. Взглянув на электронный термометр, заклинивший от грандиозного минуса, Миша засуетился. Ухая и эхая, присел пару раз, помахал руками, размялся. Убрал заслонку печи, дунул, прикрыв глаза от золы. Где-то глубоко в печи ещё алели угольки. Михайло обрадовался –

не придётся тратить спичку.

Перетаптываясь на холодном полу, Мишаня перекрестился и прошептал обычную свою молитву: «Господи Всевышний, молю тебя, приведи ко мне 732-ой экипаж космолайнера «Свобода», туристического космофлота России. Дай мне, Господи, удавить гада проклятого Клима Андрейкина, а потом меня хоть в пекло сунь, а его на райскую поляну. Боле не прошу ничего. Спасибо тебе, Господи».

Натянув штаны, Мишаня нацепил грубо сшитые меховые шлёпанцы, накинул шубу и нажал на кнопку. Вжикнув механизмом, электродверь отворилась. Михайло каким-то чёртом умудрился открутить её от спасательной капсулы и присобачить к избе. С улицы окатило таким лютым холодом, что Миша, громко ухнув, скрючился. Набрал с поленницы под навесом охапку дров и юркнул обратно в избу. С треском переломил об колено несколько лучин. Бросил на тлеющие угольки щепотку «берестушки» и поддержал вспыхнувший огонёк лучиной. Через несколько минут печка гудела и потрескивала не хуже китайского микроядерного движка на больших оборотах.

Михайло влез в кальсоны и через голову напялил свитер. Натянул унты, накинул волчью шубу с капюшоном. Это называлось «одеться наскоро», когда собираешься ненадолго выйти на мороз. Взял кастрюлю, топорик и пошёл в «холодильник». Холодильником назывался большой ящик, сколоченный из самопильных досок, крышка которого была придавлена двумя мешками, набитыми крошеным льдом. Михайло скинул мешки на землю и отодвинул крышку. Отдолбил топориком несколько кусков смёрзшегося оленьего мяса и бросил их в кастрюлю. Закинув мешки на место, он пошёл обратно. Снег хрустел под ногами, вкусно пахло дымом. Мороз так беспощадно драл ноздри и глотку, что вышибало слёзы.

На Эдем улетело 99% населения земного шара. Планета Земля, подарившая жизнь человечеству, была травмирована и в итоге – брошена. В столицах остались остатки чиновичьей касты, по одному человеку на страну. Их назначили управляющими. Что-то типа смотрителя сельского музея, который и директор, и сторож, и все сотрудники в одном лице. На Эдем улетели даже бомжи. «Пассатный климат, отсутствие плотоядных хищников, живописные просторы». Правительства взахлёб пели, как там хорошо, раздавая гражданство налево и направо, а на деле просто заманивали рабочую силу для сборки дроидов.

Михайло бросил большой кусок мяса в деревянную миску и поставил на подпечек. Зачерпнул из бочки в кастрюлю воды и сунул её ухватом в печь. Вынул из подпола мешок с картошкой, принялся чистить, срезая тоненькие-тоненькие спиралевидные очистки. Пока чистил кар-

тошку, напевал отчего-то вспомнившийся гимн России. Во сне ль чего привиделось?

Михайло не понимал, в какой стране он находится. Территориально, конечно, в России, в Сибири, в тайге по течению Тункуски, 400 км от Ванавары. 6000 км до Москвы. Но прежние границы остались только в старых атласах, гниющих в заброшенных школах. Нынешняя Россия – это несколько сот миллионов квадратных километров на карте Эдема. А здесь осталось не пойми что. Даже как-то совестно за то, что Родина великих русских предков ныне зарастает и разрушается. На улицах Петербурга, по которым прогуливался Пушкин, ныне сор, бардак и запустение. В домах-музеях, где жили и творили великие умы, ныне пируют мыши.

В кастрюльке заклокотал кипяток. По избе поплыл запах мясного навару. На печи пошевелился старый тулупчик, из-под него сначала показалась пятнистая голова с кисточками на ушах. Крепкая, упитанная рысь выгнулась коромыслом, зевнула, посмотрела на Михайло сонным взглядом. Спрыгнула с печи и, рыкнув, потёрлась мордой о его колено.

– Не оттаяли ещё харчи твои, – отпихнул он зверюгу, помяв пальцами кусок мяса в деревянной миске. – Ну, не рычи! Уйди, кому говорю, зараза такая, ошпарюсь ведь!

Михайло вынул кастрюльку и аккуратно ссыпал в неё с дощечки нашинкованную картошку, морковку и луковицу. Достал с полки мешочек, распустил вязки и сыпанул горсть сушеных трав-приправ. После чего кастрюлька была отправлена обратно в печь. Рысь сидела и недовольно сверкала жёлтыми глазами. Миша нашёл её года три назад, совсем еще котёнком: наткнулся у озера. Видимо, тавенские подростки забили её мамку, истощённую родами. С тех пор Лиза, он назвал зверя в честь своей кошки, отъелась не по-детски. На мощных боках её блестела и лоснилась пятнистая шёрстка, а кисточки на ушках симпатично подвигались.

– Ну вот, другое дело. Теперь можно, – Михайло взял оттаявший кусок мяса и положил на разделочную доску.

Рысь, учуяв запах крови, поднялась на задние лапы и вцепилась когтями Михайлу в бедро, неотрывно наблюдая за его действиями.

– Куда?! Дай разрежу, а то подавишься, как вчера, – он разрезал мясо на куски, бросил их в миску и понёс к двери.

Рысь трусила рядом, и когда Михайло нагнулся, чтобы поставить миску на пол, она ударила его лапой по руке. Мясо рассыпалось по полу, рысь с голодным рычанием схватила первый упавший рядом кусок.

– Ах, ты ж, псина! – Михайло схватил её за ухо, выкрутил его и хотел вырвать кусок мяса из звериного рта, но ему это не удалось.

Лиза стиснула челюсти так, что хоть домкратъ. Михайло хлопнул

неистово рычавшего зверя по морде и ещё сильнее выкрутил ухо. Взревев, рысь вцепилась когтями ему в руку, забила задними лапами его по груди. Свитеру весьма и весьма досталось. Лиза разорвала двойную толстую шерсть, как бумажку. Но вовремя поняла, что чем больше она молотит лапами, тем сильнее Михайло выкручивает ей ухо.

– Психовать на меня будешь?! – он хлопнул её по морде и откинул к стене.

Рысь, увидев, как человек встал перед ней на ноги, прижалась к полу и, оскалившись, плаксиво заревела. В её взгляде читались и трусость, и ненависть, и любовь – всё сразу. Будто она думала: «Дай мне спокойно пожрать! Вот пристал-то!»

– Скотина! – рывкнул Михайло, осматривая изодранный свитер. – Психует она! Дрянь!

Он взял с полки моток капроновой нити с иглой, стянул свитер и принялся чинить, недобрым взглядом поглядывая на рысь и отпуская в её адрес матюки. Та, наевшись, будто бы с безразличием подошла к нему, села рядом, и, облизываясь, следила за его руками. Затем потерлась мордой об коленку.

– Что, гадина? Свитру мне кто порвал, а? – с обидой спросил Михайло, разглядывая шов на просвет. – Вон что! Дырка на дырке!

Рысь пободала головой его бедро и растянулась перед ним на полу. Будто бы говоря: «Ну, я порвала, но ведь женщина, и я жрать хотела! Зато сейчас смотри, какая я благодарная, какая к тебе дружелюбная!»

– Ай, ты, – с улыбкой потянул Михайло, потрепав рысь под подбородком. – Ай ты, хитрюга!

Та, в знак покорности, зажмурилась, замурлыкала.

– Ладно, иди-ка. На работу тебе пора. Вставай-вставай. Сработай хоть бы зайчика, – Михайло выпустил рысь на улицу и захлопнул дверь.

Лиза прошлась по двору, обнюхала свои владения, в два прыжка перемахнула через забор, обнесённый частоколом, и бесшумно скрылась среди заснеженных елей.

Михайло завтракал в полной тишине, разглядывая узоры на окне, тронутым морозом. На стене рядом с окном на ржавом гвозде висел космопропуск третьего уровня. На нём чисто выбритый, улыбающийся парень на фото и надпись «Яров Михайло Прокопьевич, бортинженер, к-л «Свобода» ГТРФ». Совсем непохожий на этого густо заросшего мужика с перепачканными смолой руками.

Миша хлебал мясной суп, заедая драниками. Пока ел суп, поспел чаёк. Михайло сначала наполнил термос. Затем, плеснув себе немного в кружку, он взял с полки книжку, нацепил очки и прокашлялся.

Попив чайку, он поднялся и отправился в подсобку, пристроенную к избе. Брага бодро побулькивала во флягах. Скоро Оська приведёт «делегацию» из тавенской деревеньки. Надо обязательно выгнать самогон на этой неделе. Если самогона не будет, тавенцы рассердятся. Избу подпалить могут. Мишаня проверил брагу, попробовал на вкус, устремив взгляд в потолок, причмокнул языком. Брага вызрела, можно на днях варить самогон.

Миша снял с подставки плазменное ружьё, щелкнул предохранителем. Раздался звук, похожий на звук фотовспышки – пи-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и-и. Давление в плазмобаллоне упало до 0,1 кроны, всего-то на десяток выстрелов. Михайло вздохнул. Это ружьё было единственным его цивилизованным оружием. За пару свеженьких плазмобаллонов он готов был отдать все меха и украшения, которые тавенцы иногда меняли на «горячую воду».

Михайло надел шерстяной воротник, душегрейку на заячьем меху. Вторые штаны, теплые носки, унты. Напялил шубу с высоким воротом, на груди которой было прилеплено замызганное старое удостоверение члена экипажа космолайнера. Завязал под подбородком уши соболиной шапки. Закинул на плечо лом в чехле, взял рюкзак со снастями и плазменное ружьё.

Снежок приветливо захрустел под ногами, когда Миша вышел за ворота, подперев их бревном. Не спеша направился к озеру, размышляя о Маугли. Он прочитал эту книгу раз сто. В избе было примерно два десятка бумажных книг, около тысячи аудиокниг и примерно тысяч двести электронных книг на ридере. Аккумулятор ридера сдох давным-давно, электричество, вырабатываемое темперезонансной «зарядкой», пришлось ему не по вкусу. Вместе с ридером сдохло и разнообразное чтение. Остался лишь десяток бумажных книжек, которые Михайло прочитал месяца за два и знал все наизусть.

Добравшись натоптанной тропкой до озера, Мишаня пошёл к проруби. Она была накрыта бурой блестящей плёнкой – «грелкой» на солнечных батареях. Грелка, видимо, не знала, что день через день температура будет падать до пятидесяти ниже нуля, а то и ниже. Поэтому кое-какая корка льда, сантиметров десять, всё же намерзала.

Михайло снял варежки, сбросил рюкзак, убрал грелку, расчехлил лом и принялся долбить прозрачный, словно хрусталь, лёд. Затем выловил сачком осколки, чтоб не мешали. Достал из рюкзака удочки: древнюю кивковую с трескучей катушкой и вполне цивилизованную, на магнитной тяге, похожую на сковороду. «Магнитку» Михайло не любил и называл её бессовестной вещью. А простую, кивковую, уважал. На такую ещё его дед

удил. Мишаня вынул складной стульчик и установил его на краю проруби. Затем обнёс сидалище по кругу слаженной из пихтовых лап и веток защитой от ветра. Насадил мучного червяка, плюнул на мормышку по древней рыбацкой традиции и опустил крючок в прорубь.

Рыбе зимой не хватает кислорода, и некоторые окуньки нет-нет, да всплывали поздороваться. Мишаня смотрел на их круглые рты, осторожно потягивающие, будто кипятки, воздух с поверхности. Поверхность проруби из-за маленьких льдинок выглядела, словно бы шершавое зеркало, в котором отражались плывущие по синему небу облака. Окунь клевали облака, высывая рты, будто из зазеркалья.

Кивок задрожал. Михайло затаил дыхание и прищурился. Раз... два... три! Он резко подсёк и затрещал катушкой. Спустя мгновение у его ног барахтался упитанный краснохвостый окунёк. Вскоре клёнул такой же королевич в красных сапогах.

Больше двадцати минут кивок не шелохнулся ни разу. Михайло осторожно положил удочку, прижал её ногой, чтоб рыба в воду не утащила, и достал термос. Стянул зубами варежку, отвинтил крышку-кружку и поставил на снег, затем с характерным чпоком вынул пробку и налил в крышку-кружку горячего чая. Попивая чай с привкусом термосовой пробки, Мишаня улыбался и ахал. Пить горячий чай на морозе просто сказочное удовольствие, только делать это нужно поспешно, иначе он быстро остывает.

Неподалёку послышался чей-то рык, и Мишаня, бросив кружку, вскинул ружьё и щёлкнул предохранителем, а уж потом только посмотрел сквозь прицел на причину шума. К его рыболовному сидалищу бежала Лиза. Вернее, пятилась и волокла за собой пушистую белую тушку.

«Ай, моя ты девонька! Зайчика сработала!» – Михайло поднялся, поставил ружьё, взял окуня и пошёл навстречу рыси.

– На, на, моя хорошая, – Мишаня бросил рыбку, и Лиза поймала её на лету. – Дай-ка мне. Погоди-ка... Да это... никак песец?!

Михайло держал Лизкину добычу на вытянутых руках и с восхищением рассматривал. Ай да добыча. Шапку с такого зверя сшить – тавенским царём сразу станешь! Луноликие ниц падут! Да-а-а, песец – гость из заполярья. Редкий гость. Первый песец за десять лет. Ничего не поделаешь, надо на «магнитку» быстренько рыбы надёргать и идти свежевать Лизкину «работу».

Михайло сложил кивковую удочку в рюкзак, взял «магнитку». Покрутил генератор сверху, щёлкнул включателем, в прорубь тут же булькнули три кристаллических риппера-виброхвоста. Маленькие, медленнодвигающиеся приманки с вибрирующим хвостом. Мишаня установил

глубину четыре метра. На такой глубине хорошо берёт, видать, виброхвост бликует хорошо, заметно. За такую добычу окуни дерутся.

Немудрено, что клюнуло почти сразу. Миша установил глубину на ноль, и магнит потянул криталл на поверхность. Криталлические наживки поднялись вместе с окунями, которые их проглотили. Выловив рыбу сачком, Мишаня принялся собирать снасти. Лиза, пользуясь моментом, слямзила одного окуня вместе с криталлической наживкой и незаметно от Мишани сожрала его. Миша пошёл в избу, неся песка под мышкой и слегка придерживая его второй рукой.

– Ну, пошла вон! Что делаешь?! Дура совсем?! – прикрикивал он на рысь, трусящую рядом и хватающую зубами песка за болтающийся хвост.

Пришедши в избу, Михайло первым делом подбросил дров в печь. Ещё раз сходил к озеру, принёс два ведра воды и вылил их в бочку в углу. Разделся, положил унты и варежки сушиться на подпечек. Верхнюю одежду бросил на печку. Набрал ковшом теплой воды из припечного бачка и помыл руки. Ослабивши пояс на штанах, пошёл в подсобку, прихватив с собой таз тёплой воды. Подвесив тушку за задние лапы, освежевал песка с большой осторожностью, поминутно ополаскивая руки, чтобы не повредить меха. Растянув шкуру на сушилке, натёр её хорошенько крупной тавенской солью. Затем вымыл руки и вернулся в дом. Рысь, разлегшаяся на печи, зарычала, подняв голову – из подсобки пахло псиной. Такое мясо Лиза будет есть только с большой голодухи. Провозившись с песцом, Мишаня позабыл об обеде.

– Ну не рычи, не рычи, – Михайло гладил рысь, а та, чуя песка, хватала за руки зубами, порой довольно больно. – У, как дам кулаком-то в морду! Чего это у тебя, ну-ка покажи? Цапнул он тебя за брылу что ли?!

Миша хотел было рассмотреть рану, но Лиза больно куснула его за запястье, ударила лапой по руке и зарычала.

– Опять ремнём тебя вязать? – он отошёл от рыси и, почесав голову, потянулся. – Ладно, поужинаем, и мазью намажу. Стареешь, что ли? Эх, ты! В следующий раз сядут на тебя верхом глухарь да ворона и поедут по лесу хвастаться.

Мишаня пододвинул баночку со смоляной мазью глубже к огню, а сам накинул шубу и пошёл в баню. Печь в бане стояла всегда готовая к топке. Затопив печку, он проверил чан под горячую воду, не пуст ли? Банька протопится нескоро, часов через шесть. Миша взял из «холодильника» кусок оленьего мяса для Лизы и, перекидывая его из руки в руку, вернулся в избу.

Лизка лежала на печи, лизала лапу и утирала морду. Брыла её пра-

вая вспухла, и рысь непрестанно облизывала её языком изнутри и снаружи и тихонько ворчала. Миша выхлебал миску супа, съев пару крупных ломтей мяса. Взял лавочку и прошёл к окошку, где стоял небольшой столик с выдвигаемым ящичком. Он сел за столик и извлёк из ящичка пухлую кожаную папку. Открыв её, достал пачку исписанных листов. Нацепив очки, Мишаня пробежал глазами по строчкам.

– Ага, – кивнул он, взял карандаш и не спеша начал царапать на бумаге строчку за строчкой.

«Таёжный атаман, скрипя зубами, продирался сквозь бурелом. И хищник зубастый, и мелюзга – убирались кто куда, ибо понимали, что зол атаман таёжный. Вышел он на опушку, упёр руки в бока. Солнце, бог знает как, пробило толщу серых облаков, чтобы одним глазком взглянуть на таёжного атамана, и упал луч солнца прямо на то место, где стоял атаман. Черкеска на нём была чёрная, как не бывает черно ни под землёй, ни на небе. Поверх её башлык. Газыри светились звёздным светом, будто одна из звёзд была расплавлена, и из её тела были отлиты они. Шаровары чёрные с огненным полулампасом. Папаха из меха зверя самого лютого, с солнечным верхом. Из кусков солнца выкованные погоны. Вышел таёжный атаман, выхватил саблю вострую, ледяную, и крикнул на весь мир:

– Где ты, Ворог, гадина ты?! Куда завёз ты мою любимую жену и сына моего малого?!

В ответ Ворогжирнопузый лишь захохотал с неба, куда таёжный атаман не мог забраться, и плюнул на него сверху...»

Михайло снял очки, положил их на стол, а сам выглянул в окошко. К избе шёл Оська, метис, родившийся от русского и тавенки. Когда некоторые стратегические ресурсы Земли истощились, а Эдем ещё не был открыт для всех, был в здешних местах геолог, производивший разведку. Как там было на самом деле никто не знает. У тавенской девки в семье, где он жил, родился Оська. Тавенцы народ очень суровый, раз случилась такая оказия – отец должен остаться в семье и воспитывать сына. Геолог, было, согласился, да через какое-то время наострил лыжи. Тавенцы его догнали и надрезали сухожилия, чтоб больше и не думал бежать. Три года он жил с тавенцами, пока не провалился под лёд по зиме. Кроме Оськи в тавенской деревушке русского языка больше никто не знал.

– Михаила, здравствуйте, – тавенец зашёл в избу.

– Здоров, Оська, – ответил Мишаня, вышедши к нему. – Озноб? Садись, чаю сейчас налью.

– Ты, Михаила, прав, – Оська стянул шапку с круглой чернявой своей головы. – Озноб я, да. Тайвэ спрашивал, когда горячая вода будет? Ты обещал на новую луну.

– Завтра вечером приводи своих алкашей, – с улыбкой ответил Миша. – Бутылки у всех целы? Не испортили?

– У Четке бутылку смотрели. Бежит. Четке смолу варил и замазывал. А у всех целые.

– Ну, смотрите мне, – Михайло подал Оське кружку брусничного чаю. – Как у вас дела там?

– Хорошо дела, – ответил чернобровый тавенец, громко цедя чай. – Очень хорошо. Через два дня твой праздник Новый год. Оська помнит. Оська тебе принесёт в мешке мечту, а ты Оське тоже, да? Оська помнит.

– Угу, – Михайло кивнул. – Не мечту, а подарок. Бабу мне подари. Бабу очень надо. А то притащишь опять рога оленьи – на кой хрен они мне?

– Нет, – замотал головой Оська. – Бабу нельзя, бабу Тайвэ не разрешит Михаиле дарить, да. Нельзя. Ваймак ты. Тайвэ сказал всем.

Когда Михайло только «поселился» в здешних краях, тавенцы даже убить его помышляли. Но как-то судьба распорядилась, что Оська услышал батькину речь и повадился в гости ходить. Раз выпил самогону и всё рассказал Мишане про затею своих сородичей. Накатив с литр «топлива», Михайло взял банку самогона, плазменное ружьё и пошёл к местному старосте Тайвэ на разборки. Показав в деревне силу своего оружия, которое, впрочем, тавенцы видели и раньше, он сказал, что убьёт любого, кто осмелится подойти к его избе без Оськи. Затем до утра пил самогон со старостой и тремя лучшими охотниками. Напившись, что называется, в дрова, тавенцы решили его не убивать. Но взамен он должен был каждый месяц снабжать их самогоном в количестве десяти литров в обмен на еду, меха и разные вещи. Тавенцы прозвали его меж собой «ваймаком», что ближе всего переводится с тавенского как «чёрт».

Оська спросил, с чем приходите его землякам для обмена. Михайло заказал перво-наперво вяленого и копчёного оленьего мяса, рыбы, мороженой, вяленой и копчёной, картошки, морковки, лука, ягод мороженных и сушеных. Всего этого было у тавенцев в большом достатке. Оська, прикрыв один глаз, вторым глядел в потолок и загибал пальцы, стараясь всё запомнить.

– Ну, давай. Иди. У меня ещё дел куча, – сказал Миша, вспомнив про баню. – Про Новый год не забыл, молодец. Вечером приходи, выпьем. Я и подарок тебе приготовил...

Михайло соврал. Он ещё не приготовил подарка, но про себя отметил, что надо бы серьёзно этим заняться. Оська как-никак единственный его друг. Лицо тавенца просияло. Он улыбнулся, сверкнув широкими белыми зубами.

– Хорошо, Михаила. Подарок! Праздник! – сказал он, нахлобучивая шапку и затягивая капюшон.

Оська ушёл, Михайло закрыл за ним ворота. Он посмотрел на свою избу и двор, на мощёные тонким бревном тротуарчики, на частокол, козлы от медведя и пужало от волков – на всё, что выстроил за долгих пятнадцать лет заточения в глухом сибирском краю. Вздыхнул глубоко, посмотрел на небо. Где-то там, на Эдеме, бегают сейчас босой по зелёному полю под двумя солнцами его сын... Какой там бегают – сыну сейчас уже двадцать три года. Стал он капитаном лайнера, как и мечтал в детстве?

Вернувшись в избу, Миша скинул на печь лишнюю одежду, накинул тулуп, сунул под мышку бутылку с холодным отваром шиповника и отправился в баню. Забрался по приставленной лестнице на крышу и снял с перекладки веник. Две трети берёзы и треть можжевельника. Только он отворил дверь, как его тут же окатило паром, и в нос ударил неповторимый запах русской бани. Аромат разопревшего дерева, смолы и берёзового веника.

Попарившись хорошенько, Мишаня выскочил на улицу и, осмотревшись, обтёрся снегом. Заскочив обратно, он поддал парку и пропарился так, что в глазах поплыло. Обмывшись, он наскоро вытерся, накинул тулуп и отправился в избу. Банный день, как говорится, он у русского человека в крови. На столе тут же появились солёные грузди и рыжики, копчёная рыба, два ломтя отварного мяса. Подкинув в печку дров, Михайло достал пойманных окуней, выпотрошил их, посолил, приправил лучком и травами и завернул в термоплёнку. Получившийся свёрток он положил в сковороду, покрошил туда картошки, дождался, когда прогорят дрова, и поставил сковороду на угли.

Переделав все мелкие дела, Миша глядел в окно и, качаясь на лавке, боролся с желанием выпить.

– Ну, ведь грех не выпить! Банный день как-никак, да депресняк какой-то, чую, наваливается, – говорил он сам себе. – А с другой стороны завтра самогон варить, встать до зари надо. Встану? Да встану! Будильник поставлю на двери.

Если на двери поставить таймер, то в назначенное время она откроется, и в доме будет такой дубак, что и мёртвый подскочит. Мишаня это смекнул и когда-то подтвердил догадку практическим путём. Даже если встанешь и закроешь дверь – уснуть в таком холоде уже невозможно.

На столе, будто царица среди придворной челяди, появилась двухлитровая бутылка рябиновки. Михайло полюбовался ею, вздохнул и, взяв королеву в руку, вывинтил берестяную её корону.

Выпив, тут же плеснул ещё полстакана, дыхнул, намахнул и заку-

сил хрустящим грездочком. Внутри будто взошло солнце, дыхание сделалось горячим, по венам побежала радость. Миша потянулся, снял со стены гитару. Играть толком он не умел, поэтому положил гитару на колени на манер гуслей. За долгие годы он наловчился играть, зажимая лады перегоревшей лампочкой, вода ею по дорожкам. И у него выходил такой своеобразный блюз. Немного грустный, немного обнадёживающий, и до боли живой. Смахнув слезу, Мишаня отложил гитару.

– Эх! – крикнул он и усмехнулся. – А по третьей, да, Лизка? Эх ты, кош-ш-шарка моя, а!

Как-то незаметно ушло чувство одиночества. Мишане казалось, что всё вокруг составляет ему компанию, всё веселится вместе с ним. Взять хоть прохудившийся сапог или морозные узоры на стекле, да любую вещь – казалось, все вещи в избе согласны с Мишей, разделяют его мнение и радуются, глядя на него. И будто за стенами избы не заглошшая таёжная опушка, а живое и многообразное общество. Миша радовался, но недолго. Вскоре будто очнулся. Тишина и тайга. Он ударил кулаком по столу.

– За что же?! – на глаза его навернулись слёзы, он уткнулся в ладонь, искривил губы и затрясся. – За что мне всё это?

После следующих двух стаканов, выпитых один за другим, последовал разговор с Богом. Михайло часто разговаривал с Богом, пьяный ли трезвый, начиная разговор словами: «Господи, вот объясни...» или «Господи, а послушай-ка вот что...» Мишаня беседовал с собственно нарисованными святыми образами, возле которых при разговоре зажигал махонький огарок свечи, будто от этого зависело, слышит его Бог или нет. В это время рысь спрыгнула с печи и поскребла лапой входную дверь, что означало на её языке – пойду-ка я прогуляюсь перед сном. Мишаня её заметил, но, как любой русский пьяный мужик, воспылал горячей любовью к ближнему существу и выпускать её на улицу не торопился. Вместо этого он взял бутылку и уселся на полу рядом с целью выпить и поговорить с единственной живой душой.

– Вот ты меня любишь, Лизка, а? – спросил Михайло, опустив голову. – Я ведь тебя котёнком нашёл, – он расплылся в улыбке и засопел, – ма-а-а-а-ахонькую, с руковичку.

Рысь смотрела с подозрением, с нарастающим беспокойством рычала и отодвигалась, поглядывая на дверь, царапая её вновь и вновь.

– Да любишь ведь, я знаю... – сказал Миша, осушив стакан. – Ведь у меня кроме тебя нет никого, и у тебя ж так, да? Ну, улыбнись! Ну!

Мишаня, улыбаясь, тербил звереющую рысь за загривок, за ухо, что-то там писал ей заплетающимся языком. Наконец, рысь не вытерпела

и с громким рыком ткнула зубами его за руку. Спьяну-сдуру позабыл совсем, что Лизку песец грызнул, и, видимо, он схватил её за раненую брылу.

– А-а-ах, ты дря-а-ань! – заорал Михайло, прижимая руку к груди.
– На кормильца кинулась!

Кровь хлестала красная-прекрасная. Миша больше испугался громкого и неожиданного рыка, чем укуса. Он вломился в подсобку, своротив по пути шкафчик с мелким инструментом, банки, горшки, разную хозяйскую утварь.

– Где ты, убью! – схватил плазменное ружьё и вернулся в избу. – Выла-а-а-азь, падлюка!

Лизке с детства частенько приходилось лицезреть пьяного Мишу, и прятаться она научилась отменно. Причём отыскивала такое укромное место, что и найти её нельзя было.

Михайло, однако, намахнув ещё стакан, вылез на улицу. Ругался матом, пел, стрелял во все стороны из ружья, орал что-то, грозя звёздному небу кулаком. Наконец, выбившись из сил, он зашёл домой и рухнул на пол, не добравшись до печки. Из проёма в полу за печкой вылезла Лизка. Она долго присматривалась, спит ли Мишаня или притворяется? Осторожно выбралась из убежища, изогнулась для прыжка, перетаптываясь задними лапами, приоткрыла рот. Прыгнула на печь, глянула сверху на хозяина и забралась под тулуп.

Мише снился тот роковой день. Обмывали начало нового сезона и капитальный ремонт космолайнера. Клим притащил раздобытый где-то литр текилы. Пили вдвоём, остальные уже разбрелись по своим рубкам. Лайнер на малом ходу парил над Сибирью. Клим сидел сам не свой; то внезапно становился агрессивным, то подолгу молчал. Но, когда Михайло собирался на боковую, Клим вдруг веселел, щебетал соловьём и наливал ещё по стакашке.

– Я люблю Олесю! – вдруг выпалил он, впившись взглядом в Михаила. – Не мешай нам быть вместе.

– Чего?! – опешил Мишаня, медленно поднимаясь на ноги. – Ты оборзел что ли?!

– Мы ещё с лётного встречаемся. Она думала, что сын вас сблизит, не хотела рушить семью, но другого выхода нет...

Михайло чувствовал себя так, будто ему в глотку вставили лом, и он пытается его проглотить. Ярость запульсировала в глазах, в висках, в носу. Кулаки сжались сами собой.

– Сука, да я тебе... – Миша схватил Клим за шкуру, но тот резким движением воткнул ему в ляжку заготовленный шприц.

– Тихо-тихо... – Клим подхватил обмякшего Михаила под руку. – Она сама всё это придумала, даже письмо тебе написала. Вот, – он сунул ему в карман сложенный вчетверо лист, – прочитаешь, когда время будет. Ты слишком крут, чтобы можно было переть против тебя в открытую. Передовик, кавалер ордена молодёжи, гордость нации. Да нас всех порвут за тебя!

Клим открыл дверь спасательной капсулы №2, которую использовали как склад разного барахла, что в России неудивительно. Затем это барахло весьма пригодилось Мише в таёжном краю. Пристегнув Михаила к вертикальному креслу, без чего капсула не отреагировала бы на сброс, он встал в дверях.

– Я сброшу тебя и подчищу хронику в бортовом журнале, – Клим вздохнул и хлопнул Мишу по плечу. – Ну, бывай.

Голова раскалывалась, страшно хотелось пить. Осмотревшись, он поднялся и сел на полу. Электронные часы показывали десять часов утра. Через пару часов тавенцы придут за «горячей водой», которую следовало начать варить ещё в пять утра. Миша вспомнил, что хотел завести будильник на двери, но забыл.

Михайло поднялся, подошёл к кадушке, зачерпнул ковш воды и выпил его, громко глотая. Поплескал себе на лицо и на шею. Увидел на полу плазменное ружьё с мигающей красной цифрой ноль на боемагазине.

– Ой, дура-ак, – простонал Миша, хватаясь за голову. – Дура-а-а-а-ак...

Пол, стены, стол – всё было в крови.

– Лиза?! Лиза! – закричал он, кидаясь из одного угла в другой.

Из-под тулупа показалась лапа, а затем и сонная морда рыси. Она зевнула и посмотрела на него с таким выражением, будто подумала: «Ну, что? Проспался, алкаш? Прощения, поди, просить будешь, как всегда?»

– Лизка! – Михайло потёрся щекой об морду рыси, и та нехотя его лизнула.

Миша перекрестился, накинул шубу, снял с бесполезного ружья бесполезную же магнитную гранату, сунул её в карман и отнёс ружьё в подсобку. Подкинул дров в печь. Тавенцы проволочек не любят, поэтому нужно идти и просить, чтобы подождали до завтра. Выпустив Лизку прогуляться, Мишаня оделся в дорогу, вынес из подсобки лыжи. Отталкиваясь палками, он медленно побежал по Оськиной лыжне в сторону тавенской деревни. Бежать сначала давалось с трудом, но с каждым ша-

гом, с каждым вздохом шестерёнки организма разогревались, и похмелье помаленьку отпускало.

Пробежав километра полтора, Михайло сбавил ход; до деревеньки оставалось не больше полукилометра. Взобравшись на холм, он увидел, что по лыжне навстречу ему двигаются несколько человек. «Что-то они рано», – подумал Миша, сплюнув.

К большому его удивлению, прозвучала «крякалка», похожая на полицейскую, и грубый мужской голос приказал: «Ни с места!» Первым бежал Оська, а за ним следом двое примитивных дроидов, неизвестно откуда взявшихся.

– Стой! – крикнул Миша, побежав навстречу.

Оська, увидев его, прибавил шаг и закричал: – Беги, Михаила! Беги!

– Стой, кому говорят! Не бойся их! – Миша, взволновавшись, прибавил шаг.

Оська, увидев, что Миша бежит к нему, развернулся, выхватил нож и с криком бросился на дроидов.

Сверкнула кривая дуга электрошокера, и Оська, содрогаясь всем телом, упал на снег.

– Стоять! Ш-ш-шк! Ни с места! – приказал дроид, приблизившись.

Дроиды выглядели, как старые заправочные автоматы на какой-нибудь древней бензоколонке. С латанной-перелатанной ржавой обшивкой, со сколами на сенсорах, с полопавшимися от громогласной военной «крякалки» спикерами. Было видно, что их перепрошили. Электрошокеры и «дыроколы» были прихвачены к конечностям дроидов лазерным припаем. А у одного даже шокер был примотан изолентой. Скорее всего, раньше эти бедолаги были туристическими гидами. У дроидов-гидов начинка смахивает на примитивную военную модель, и любой подпольщик при должном желании сможет поапгрейдить первые модели гида до солдата. Немудрено, что таких гидов больше не делают...

– Да стою уж теперь, – Миша приподнял руки.

– Язык идентифицирован. Предъявите документ с мультиграммой для идентификации вашей личности.

– Нету... Хотя, есть, – Миша протянул дроиду замызганное удостоверение члена экипажа, которое болталось у него на шубе. «Хорошо, что не выкинул», – подумал он.

Дроид отсканировал мультиграмму и отдал её со словами:

– Здравствуйте, Михайло Прокопьевич, ш-ш-шк! В случае вашего обнаружения, ш-ш-шк! пять директив. Вы хотите услышать, ш-ш-шк! пять директив?

– Нет. Идём к капитану, – сказал Михайло, поглядывая на Оську, которого второй дроид взял на руки.

Расспрашивать дроидов о том, зачем они гнались за Оськой – бесполезно. Они будут ссылаться на приказы, кодексы, директивы и всякую дребедень. Нужно идти за дроидом, чтобы он привёл к космическому судну, к которому приписан программой. А на судне окажется вполне себе человеческая команда.

По мере приближения к деревушке всё более отчётливо были слышны женские крики, плачь и стенания. Миша держался наготове. Спустившись с холма на прибрежную опушку, они вошли в деревеньку. Дроиды согноли тавенцев в центр деревни и проводили что-то вроде сортировки на мужчин, женщин и детей. Дроиды, не церемонясь, срывали с них одежду, оставляя, в чём мать родила. Рёв и стенания неслись со всех сторон. Неподдалёку высился похожий на самовар старенький космолёт «Прогресс» с российским флагом на обшарпанной обшивке. Работорговцы – к бабке не ходи, так и есть. Обычно рабов захватывают без шума с помощью наркоты и гипноза. Но эти, видать, экономят на всём.

Михайло понимал, что всё закончится в ближайшие минуты. Не эта история с пиратами-работорговцами, а закончится вообще всё это мгновение, длиною в жизнь.

На площадке возле трапа спиной к Мишане стоял, видимо, капитан судна. В стиранном-перестиранном вицмундире, с выцветшими нашивками и аксельбантами, похожими на какую-то паклю. Он кричал хриплым голосом в трубку телефона:

– Готовь бабло! На этот раз улов немалый! Отвечаю! Все долги разом отдам!

Михайло нащупал в кармане магнитную гранату. А ведь думал, что никогда в жизни не пригодится. Капитан повернулся к нему, и лицо его, заросшее и опухшее от алкоголизма, вытянулось от удивления. Мишаня нажал кнопку, бросил гранату под турбины «Прогресса».

– Яров? – прошептал работорговец, оторопев от неожиданности.

За секунду до взрыва Мишаня распознал в косматой опухшей роже когда-то миловидное лицо Климa Андрейкина. Магнитная вспышка вывела из строя часть систем космолёта. Дроиды обмякли и бухнулись на колени, тавенцы бросились кто куда. Сбитый с ног толпой перепуганных женщин, Миша почувствовал, что его что-то кольнуло в шею. И он обмяк в ту же секунду, подобно дроидам.

– Не поверишь, с тех самых пор всегда с собой ношу... – грустно улыбнулся Клим, отбросив пустой шприц.

Он посмотрел на уничтоженный корабль, на перепуганных до

смерти тавенцев, на хрипящего от отчаяния и ярости Михаила.

– Ничё... Ты выжил, и я как-нить проживу, – Клим взял у дроида «дырокол», утёр подмороженный нос. – А ты... Я-то думал, ты подох давно...

Миша обезумел от своей беспомощности перед самым лютым врагом во Вселенной. Об этой встрече он молил Бога целых пятнадцать лет. И что теперь?

– А меня после твоей пропажи попёрли из флота... Ну и ладно, рабами торговать выгоднее. А Олеся таблеток нажралась... – Андрейкин громко втянул в себя соплю и сплюнул. – Ну, – сказал он, взведя «дырокол», – видно, судьба твоя такая, от моей руки умереть...

Дырокол заклинило на морозе. Клим взял его за ствол и размахнулся прикладом, словно молотом. Миша закрыл глаза. «Господи, да славится Имя Твоё...» – пронеслась, было, в голове молитва. Клим вскрикнул, затем послышался звук упавшего тела, возня, отрывистое хищное рычание и хрип. Миша открыл глаза. Андрейкин дёргался на снегу и никак не мог отпихнуть от себя пятнистый комок, со зверской беспощадностью треплющий его за горло.

– Лизка... – прошептал одними губами Михайло. – Лизка, а ну домой...

Миша очнулся, лёжа на мягкой шкуре в тавенской юрте. Несколько пар рук втирали в его тело какую-то вонючую мазь, норовя задеть его за хозяйство. В костре, вокруг которого сидели старейшины и первые из первых тавенских охотников, плясало бойкое пламя. Было очень тепло. Облокотившись на ритуальный бубен, перед костром сидел Оська с перевязанным плечом. Очень-очень старьй тавенец что-то втолковывал ему ужасно хриплым голосом.

– Оська... – сказал Михайло, протягивая к нему руку.

– Ой, Михаила проснулся, – он взял его ладонь. – Как у тебя? Всё хорошо? Спи лучше. Тайвэ говорит, ты асани живой. Ты победил железных охотников, упавших с неба. Тебя защищает пятнистый зверь. Ты тоже пришёл с неба, оттуда, где живут асани, великие мёртвые. Ты живой асани. Тавенцы отныне твой народ, а ты первый среди нас. Тавенцы тебе дадут всё, что хочешь.

– А бабу дадут? – прошептал Миша, слабо ухмыльнувшись.

– Тайвэ говорит, у тебя будет три жены, чтобы рожать детей асани. «Если б я был султан, я б имел трёх жён...» – всплыла у Миши в памяти старая-старая песенка. – «Ладно, разберёмся...»

Зима Фантаста 2020

МАРИЯ БОРИСОВА, 1998 г.р., Иркутск

Училась в Иркутском колледже педагогического образования по специальности «Педагог дополнительного образования». Публиковалась в альманахе «Первоцвет». Участник Областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2018». В Областном литературном конкурсе «Лето поэта» заняла III место в номинации «Проза».

ЖИВОЙ

Участник Областного конкурса «Зима фантаста» в номинации «Волшебная сказка»

Не помню, в какой момент это началось. Сначала меня не было вовсе. Ну, это я так думаю – ведь если я этого не помню, откуда мне знать, был я или не был? Потом появились чувства. Я испытывал гнев, радость, удовольствие, отвращение, презрение и доверие. Безумные, яркие, потрясающие – нет таких слов, которыми я мог бы передать то, что чувствовал в тот момент. Потом появились мысли. Множество мыслей. Я слышал внутренний голос, произносящий эти мысли, но ничего не понимал – го-

лос шептал и кричал одновременно, говорил в одно и то же время сотни и тысячи разных слов, и даже по интонациям я не мог понять, какие из них каким эмоциям соответствуют. Тихие изначально, они становились всё более и более громкими, я даже думал, что в итоге оглохну от них, но со временем привык. Затем – резко и неожиданно – появились цвета. Словно кто-то свыше вылил на меня банку краски. Одну. Вторую. Третью. Мир засверкал цветами и оттенками. Я даже не знал их названий, но их были многие-многие тысячи.

Самой яркой моей эмоцией на тот момент было восхищение. Просто вдруг понял. Это всё берётся не из пустоты.

Меня кто-то создаёт.

Это была всего лишь мысль, выхваченная из шума других таких же мыслей, но она была до того чёткой и осознанной, что я зацепился за неё, словно за путеводную нить. Постепенно, шаг за шагом, миллиметр за миллиметром, я начал разматывать этот огромный клубок мыслей, эмоций, чувств, цветов. Всё вставало на свои места. Я стал понимать, кто я, где я, для чего придуман, что должен делать...

Так странно – знать, что ты – персонаж чьей-то книги. Плод чьего-то воображения. Жить среди таких же персонажей, но особо с ними не контактировать – не время. Ждать на страницах, под обложкой, когда кто-то возьмёт твою книгу, откроет её. Кто-то, кому ты расскажешь свою историю, покажешь свой мир...

Это было неизбежно. Я ждал этого момента. Я верил в него. Он был для меня одновременно судным днём и моментом чистейшего счастья. Секунда, когда мою книгу открыли. Я взглянул на тебя со своих страниц. Из глубины своего мира. Время пошло, и история началась.

Наблюдать за тем, как ты скользишь по строчкам взглядом. Видеть улыбку на твоих губах и слёзы в уголках глаз. Слышать смех – для персонажа книги он звучит совсем иначе, раздаётся в самой голове, а не в ушах, переполняет такими же чувствами и эмоциями, которые испытывал в самом начале, в моменты своего создания. Слышать твой тихий шёпот, когда ты просишь кого-то из персонажей что-то не делать или наоборот поступить так, как тебе кажется правильным. О, это было столь мило и наивно – хоть я и знаю, что твои просьбы ничего не изменят, и путь у нас всех один, но всё равно хотелось вдруг взять и поменять всю историю. Для тебя. Ради тебя...

Ужасно понимать, что можешь испытывать что-то, кроме того, что прописано в книге. И не менее ужасно понимать, что твои чувства никогда не будут услышаны. Понимать, что никогда не сделаешь то, что так хочется сделать. Не вырвешься из книги. Не узнаешь, каково быть настоящим. Не скажешь слов благодарности своему читателю и не расскажешь о том, какой он прекрасный, какое вызывает восхищение у того, чья жизнь, чья история прописаны один раз и навсегда.

Когда перевернётся последняя страница, мы расстанемся. Я не знаю, что будет. Возможно, я снова стану пустотой без чувств, эмоций и памяти – чистым листом для следующего создателя. Или умру, потому что моя история будет рассказана до конца, и смысла в моём существовании больше не будет. Ну почему, почему впервые я не могу получить ответы на свои вопросы?.. Одно я знаю точно – тебя в моей жизни больше не будет.

Страниц в книге всё меньше и меньше. Ты читаешь всё быстрее и быстрее. Хочешь узнать финал. Постой же! Подожди! Хочешь, я расскажу тебе, что там будет, а ты взамен никогда не перевернёшь последнюю страницу?! Остайся со мной, прошу, ещё ненадолго! Мне так нужно видеть тебя снова и снова! Слышать твой смех, видеть твою улыбку! Я жив, слышишь?! Я могу чувствовать, я могу!.. Могу любить. Тебя. И больше никого. И я не хочу уходить в пустоту и забывать тебя. Мне так нужно быть с тобой. Так нужно чувствовать себя свободным. Настоящим. Живым.

Пожалуйста... Не закрывай книгу... Я хочу быть с тобой! Я не хочу умирать!..

«Пожалуйста... Я не хочу умирать!»

Последняя строка расплылась перед глазами. Читатель недоумённо моргнул и отвёл взгляд от страницы, вытирая непонятно отчего выступившие слёзы. Почему-то в глубине души стало пусто и одиноко. Как странно – ведь конец был такой хороший!

Когда он снова взглянул на страницу, строки на прежнем месте больше не было.

ИСТОРИИ

Ветер вздымает пыль на черной выжженной земле, где ты сидишь, отдыхая и натачивая свой меч, готовый к будущим сражениям. В нём на

фоне серо-голубого неба отражается твоё измождённое лицо – ты вытираешь пот со лба и устало, но с чувством гордости и облегчения вздыхаешь. Битва была долгой и изнуряющей, но трехглавый дракон, сеявший разруху и хаос, сражён. Конечно же, ты не убивал его, однако смог показать грозному созданию, что у этой земли есть защитник. Ты выполнил свой долг, храбрый рыцарь, – спас своё королевство, освободил от страха граждан, и каждый благодарен тебе. Когда ты на своём гордом коне проедешь по городской площади, дети королевства будут смотреть на тебя с восхищением, а некоторые из них однажды тоже станут героями – такими же, как ты. Но сейчас ты улыбаешься, предвкушая отдых и будущие приключения – ведь столько ещё нужно спасти и защитить...

С чего же всё началось?

В почерневшем от частого нагревания котле бурлит вода, в которой плавают корешки, растения и что-то еще. В темной хижине, освещенной лишь свечами и огнем из-под котла, тени обретают собственный разум и, прячась в затаённых углах, шепчутся о чем-то своем. Лентой, сплетенной из цветов и трав, ты перевязываешь длинные волосы, закрывающие тебе книгу, в которую твоя бабка, старая и мудрая ведьма, записывала рецепты своих зелий. Твой шепот мешается с шепотом теней, и отличить их друг от друга невозможно – вы словно переговариваетесь, возможно, они даже отвечают тебе – но ты их не слушаешь и не знаешь об этом. Ты вернулась в эту старую пугающую хижину, потому что потерялся кто-то очень дорогой твоему сердцу, и теперь ты готова сварить любое зелье, которое поможет отыскать его.

Что было до того, как ты оказалась в этом месте?

Найти в этих горах трактир было непросто, ты даже не предполагал, что он может оказаться в таком безлюдном месте. Тем не менее, ты рад, что сегодня будешь ночевать не на улице, а небольшой камин в твоей комнате согревает лучше костра. Ты расслабленно лежишь на кровати, подложив под голову свою бесценную сумку, на которую наложено множество охранных заклинаний, и думаешь... обо всём. Конечно, комната в ночлежке посреди гор – не лучшее, что можно найти в этом мире, с твоей-то комнатой у тебя дома уж точно не сравнится. Но такова уж судьба искателя сокровищ – особенно, когда это твоя работа. Да, именно «искатель сокровищ» – звучит намного лучше, чем «вор», не так ли? Ты усмехаешься и закрываешь глаза, потирая шрам, пересекающий левый, а заостренные эльфийские уши коротко дергаются. Ты снова забыл о том, почему выбрал именно такую судьбу?

Можешь ли ты вспомнить, как ты появился здесь?

В старой библиотеке темно и пыльно. Вокруг книги. Горы книг. Старые, почти новые, тонкие и объёмные. Стоят на стеллажах, лежат на полу и столах, составлены стопками друг на друге. Ты тяжело дышишь, прислонившись к одному из стеллажей, и быстрым взглядом перебегаешь с одной книги на другую, не задерживаясь надолго на корешках и обложках. Бесценный опыт многих поколений, который ты и твои... люди? друзья? твоя семья? собирали столько лет. И всё это сейчас под угрозой уничтожения. Ты понимаешь, что не можешь прятаться здесь дольше. И, хотя в боку колет так, словно там застряла как минимум одна из тех пуль, которые в тебя выпускали металлической рекой еще несколько минут назад, ты всё равно встаёшь и двигаешься вперед. Ты знала с самого начала, что это однажды случится. Ты была готова. У тебя есть план. Ты продвигаешься к запасному выходу, и на губах застывает гордая ухмылка – то, что тебе дорого, ты спасешь даже ценой своей жизни. И речь не только о книгах.

История близится к завершению, и ты вспоминаешь треск горящих в камине поленьев. Мурчание теплого кота под боком. Мягкий плед укутывает тебя со всех сторон. Сидеть в старом, но уютном кресле так приятно, не так ли? И запах глинтвейна и печенья помогают не переживать о будущем, прошлом – о времени вообще...

И вот «однажды» ты возвращаешься в реальность, ведь книга в твоих руках раскрыта на последней странице. Но ты знаешь секрет, как вновь оказаться в том поразительно прекрасном, чарующем и завораживающем мире чудес, приключений и иногда даже волшебства.

«Давным-давно...»

И вот ты уже не тот, кем был раньше. Золотая чешуя сияет под потоками солнечного ветра, а четыре огромных крыла, равнодушные к законам физики, рассекают безвоздушное пространство. В янтарных глазах с узкими зрачками отражается свет далёких звёзд, к которым ты держишь путь.

Осмотри и забудь о том, что было когда-то давно.

В другом мире.

Ведь это только начало твоей долгой истории...

АННА ИЩЕНКО, 1997 г.р., Иркутск

Родилась в Иркутске. С детства сочиняет сказки, рисует к ним иллюстрации, пишет стихи. Училась в БГУ на факультете международной журналистики. Работала корреспондентом в медиахолдинге «АС Байкал ТВ», в «Комсомольской правде», на телекомпании «АИСТ». В свободное время занимается мелодекламацией, снимает и монтирует видео. В 2018 году начала работу над детской книгой. Публиковалась в альманахе для юношества «Первоцвет».

УКРАДЕННЫЕ ЗВЕЗДЫ

*Участник Областного конкурса «Зима фантаста» в номинации
«Волшебная сказка»*

Звезды... Эти сияющие, завораживающие огоньки... Каждого из нас они манили к себе. Манили узнать: а какие они на самом деле? Что же там, за атмосферой? На этом черном куполе, которому, кажется, нет конца? Одно за другим появляются они – небесные светила. Последовательно, послушно образуют вместе рисунки, так похожие на привычных земных существ, будь то медведица или прекрасный лебедь... Не это ли одновременно удивительно и прекрасно? Вот и Аделина, тоненькая девочка семи лет, больше всего любила наблюдать за звездами. Каждую ночь она садилась у окна, завернувшись в одеяло с любимой пушистой кошкой. Её большие, нежно-голубые глаза устремлялись в тёмную пучи-

ну неба, и она замирала от её таинства снова и снова.

– Эх, вот бы быть к ним настолько близко, насколько это возможно! – сказала однажды Аделина, глядя на мерцающие звездочки.

– Лина, ложись в кровать! Завтра очень важный день, помнишь? Первый раз в первый класс, – в очередной раз послышался мамин голос. Она перечисляла еще много того, что нужно сделать, но девочке это было неинтересно.

– Взрослые дела. Взрослые... Они только и заняты делами. Неужели нельзя просто посидеть и поглядеть на ночное небо, подумать о чем-то кроме школы, работы или списка покупок на завтра? А ведь там, на небе, все такое большое, неизведанное. Интересно, о чем думается там? Если бы взрослые только взглянули на одну секундочку! Если бы они только могли помечтать со мной... Тогда они перестали бы чувствовать себя такими деловыми, тогда они могли бы подумать о том, что есть что-то важнее и интереснее, чем школа, скучные цифры, химчистка и походы в торговый центр. Ведь оно, небо, такое огромное и черное, каждый кусочек его усыпан звездочками, и все разные, а ведь каждая из них просто невообразимо гигантская!.. А мы с тобой, Муська, очень маленькие, и нас не будет видно ни с одной из этих звезд, – полушепотом размышляла девочка, поглаживая пушистого молчаливого собеседника.

...Однако звезды она видела каждую ночь, а первый класс бывает лишь раз. Первый день в школе – очень ответственный.

– Ну вот, нужно спать! Что ж, доброй ночи, Муська!

Аделина нехотя побрела к кровати, выключила торшер и затем, как обычно, поцеловала на ночь уже старенькую, но всё ещё ласковую, словно котёнок, кошку. Муся всегда спала в ногах у Аделины. Ещё когда девочка была совсем крохой, кошка являлась для неё нянькой. Подбегала, когда девочка плакала, играла с ней, когда Аделина стала чуть постарше. Кошка была верным членом семьи. Под её урчание, укрывшись пуховым одеялом и, распустив золотистое облако волос на подушку, Аделина закрыла глаза. Но никак не получалось заснуть. То ли звёзды ей не давали покоя, то ли волнение перед школой (она тоже была большой тайной, как и звездное небо). Девочка села на кровати, а потом, почувствовав что-то неладное, подошла к окну. И вдруг... О нет! Долго всматривалась она в небо, прежде чем поняла, что ее любимые огоньки – звезды... они исчезли с небосвода!

– Как же это? Где звездочки? Муся! Что произошло? – воскликнула испуганная Аделина.

Муся, казалось, уловила страх девочки: в не меньшем испуге распушила хвост и, пригнув уши, начала грозно рычать, будто увидела ста-

рого соседского пса, а потом и вовсе спряталась под кровать.

Вдруг небо озарила яркая вспышка. Распахнулось окно, словно от сильного ветра, и в комнату потянулись лучи. Они были прекрасны! Они сверкали, как ёлочные игрушки, украшенные блёстками. Даже страх куда-то исчез, и девочка неотрывно наблюдала за происходящим. Казалось, и выбравшаяся из-под кровати Муся была в восторге, до того большими были её глаза! Хотя, скорее всего, такими они были от испуга.

– Здравствуй, девочка! – послышался очень красивый голос, а затем к нему присоединилось много других голосов, и все они были мелодичными, певучими.

– Кто здесь? – спросила Аделина. Голос ее дрожал.

– Это мы, звездочки.

Приглядевшись, она заметила, как маленькие мерцающие точки сливаются в единое целое, и получается невероятной красоты девушка.

Опережая мысли Аделины, она улыбнулась и продолжила:

– Вместе мы – созвездие Девы. Наверняка ты слышала о созвездиях? Я знаю, каждую ночь при ясном небе ты любишь изучать космос и нас, – девушка глубоко вздохнула, грустно опустила глаза. А когда снова их подняла, Аделина увидела, какие они добрые, бесконечно синие и... умные.

Девушка взяла Аделину за руки и добавила:

– Видишь ли, мои любимые братья и сестры, созвездия Козерога, Водолея, Единорога... все они исчезли. Кто-то похитил их!

Аделина увидела, как эти бесконечно синие глаза наливаются горькими, знакомыми ей земными слезами.

– Здравствуйте! Не плачьте, пожалуйста, вы ведь очень, очень красивая! Скажите, кто мог похитить ваших близких? А главное, зачем?

– Это какой-то неизвестный похититель! Осталось лишь немного звёзд, и они спешат на поиски. С Земли поступил сигнал от тебя! Я не знаю как, но именно ты можешь отправлять такие сигналы в виде энергии в космос. Мне нужен тот, кто может помочь вернуть звезды!

– Это очень грустно, мне очень жаль твоих братьев и сестер! Но чем же я могу помочь? Я же простой человек! Может, существа с других планет сильнее и достойнее меня?

– Несмотря на то, что ты простой человек, ты обладаешь очень доброй, сильной энергией, которая, я уверена, вернет звездочки. Ты готова отправиться в путешествие по космосу в поисках звезд? Нужно немедленно отправляться в путь!

Аделина, конечно, была рада, что, оказывается, способна на такое великое дело, как спасение звезд, но она очень боялась. Как же это? В кос-

мос – одной? А как же мама, папа, Муська? Да и космического скафандра у нее нет, она же просто девочка.

Немного подумав, обернувшись на кошку, будто ожидала ее совета, а потом взглянув на себя в зеркало, девочка посмотрела на лучи. Она поняла: лучи не исчезнут, потому что ждут ответа.

«Значит, я важна! – подумала она. – Значит, без меня не смогут!»

– В космос, Муська! – шепотом сказала Аделина кошке. – Как мы и хотели.

Кошка, будто сообразив, о чем говорит девочка, вопросительно мяукнула. Она уже не выглядела такой испуганной. Напротив, с интересом рассматривала космические лучи.

– А как же я без специальной одежды? Папа говорил, что в космосе очень холодно, поэтому космонавты надевают скафандры, которые защищают от любого мороза!

– Не волнуйся! Хотя в космосе и нет кислорода, который нужен людям для дыхания, я наделю тебя способностью там дышать! Ты будешь в своей одежде, просто в специальной оболочке. Которая к тому же ограждает тебя от вредного излучения Солнца.

– Ух ты! – Аделина обрадовалась, и вдруг ее взгляд упал на фото-рамку над кроватью, где мама и папа, радостные, держали на руках дочку. Она подумала: как им будет без нее?

– Но мои мама и папа...

– Они ничего не заметят. Ты вернешься на Землю вовремя. Не переживай о них, маленький человек, – голос девушки казался очень добрым, и Аделина чувствовала, что ему можно верить.

– Тогда в путь! – девочка подошла к лучику, а вспомнив про кошку, попросила ее: – Будь здесь, когда я вернусь! Хочу, чтобы ты была в порядке.

Она боялась неизвестности, но ощущала свою нужность, чувствовала, что может помочь. Ей всегда нравилось совершать добрые дела. Девочка вспомнила, как когда-то спасла котенка, вытащив его из зарослей шиповника, куда он упал с высокого дерева. Котенок жалобно мяукал, явно прося о помощи, но никто, кроме маленькой Аделины, не хотел помочь. Или хотел, но боялся. А она не испугалась и полезла за ним, до крови оцарапавшись о шипы и сухие ветки.

«Так ведь то котенок, а это целые звёзды!» – сомневалась Аделина. Но она понимала: раз согласилась помочь, назад пути нет.

– А на чем же я полечу в космос? – спросила она.

– Закрой глаза.

Девочка послушалась. Вдруг она почувствовала, что отрывается

от пола. Ей стало интересно, что же произошло, и она открыла глаза. Ее босые ноги парили в воздухе. Это было невероятно! Мысль о том, что она умеет летать, вдохновила ее на первый полет по комнате. Поначалу двигалась неуверенно, но вскоре научилась держать равновесие в воздухе.

– Ого! Здорово! – не смогла сдержать восторг Аделина.

– Я наделила тебя способностью, которой обладают мои частицы. Теперь ты сможешь летать вместе с другими звездами, которые отправятся на поиски их пропавших братьев и сестер. Теперь тебя нужно одеть в специальную оболочку!

И тотчас вокруг девочки вихрем закружились маленькие звездные частички. Её кожа заблестела, а сама она почувствовала себя защищённой.

– Вот ты и готова отправиться в космос. Через слои атмосферы я помогу тебе долететь до Солнца, оттуда и начнутся поиски звездочек. До Солнца полетишь на комете. Там тебя встретят оставшиеся звезды, с ними продолжишь путь. Теперь вставай ближе к окну.

Аделина так и сделала. Вскоре она почувствовала, как поднимается по лучику вверх все быстрее и быстрее, и вот... маленькая путешественница смотрела на то, как становятся маленькими её дом, город, озеро, которое прежде казалось ей таким большим, а теперь походило на ручеёк. Девочка скользила вверх все стремительнее, а потом... раз!.. Огромная вспышка ослепила глаза. А затем она увидела темное космическое пространство. Тут же её подхватила комета, а лучик и вовсе пропал. На хвосте кометы Аделина мгновенно долетела до Солнца. Она на миг замерла от восторга, ей оставалось только ущипнуть себя, чтобы проверить, не сон ли все это.

Это было Солнце! Раскаленный гигантский шар. Только часть его девочка могла видеть, настолько он был большим.

– Ух ты! – не удержалась Аделина.

– Да! Солнце – наше главное светило. Без него и жизни не будет! – послышался голос рядом. Это по очереди говорили маленькие звездочки, те самые сопроводители, с которыми собралась в полет Аделина. Они рассказали ей, что в Солнечной системе восемь планет, и поиски украденных звезд начнутся с Меркурия, первой от Солнца планеты.

Солнце тоже переживало о судьбе пропавших звёзд и обратилось к космическим путешественникам:

– Передайте мои лучики звёздочкам, с помощью них они отогреются, если вдруг перестанут светить!

– Спасибо, Солнце!

– Лина, нам пора в путь, впереди еще восемь планет! – поторапливали звездочки. Девочка помахала на прощание Солнышку, и они отпра-

вились на встречу с Меркурием.

Он оказался очень маленькой планеткой. То справа, то слева его атаковали космические тела, кометы и астероиды. Так активно, что девочке то и дело приходилось уворачиваться от них. На поверхности Меркурия было очень много кратеров, опять же из-за постоянных атак комет.

– Ух, как же здесь жарко, – сказала Лина, смахивая капельки пота со лба. А спустя какое-то время воскликнула: – А теперь холодно! Б-р-р! – и зубы ее быстро-быстро застучали, будто отбивали ритм.

– Да, и все потому, что на этой планете очень быстро меняется температура, поверхность то нагревается, то остывает. У каждой планеты есть свои интересные особенности. Впрочем, не буду тебе рассказывать, ты сама увидишь еще много любопытного! Кстати, одна из отличительных черт Меркурия – он движется быстрее остальных планет! – рассказала самая старшая звездочка. – Смотри!

И правда, девочка заметила, что Меркурий очень быстро вращается. Аделина решила начать разговор первой:

– Здравствуйте, Меркурий! Мы ищем пропавшие звездочки! Не у вас ли они?

– Кто это? Человек? Неужто люди прилетели меня заселять? Хо-хо! Сначала Марс, теперь я, – Меркурий был явно недоволен гостями.

– Про заселение мне неизвестно. Я Аделина, ищу пропавших звездочек!

– А! Звезды не брал. Ведь я настолько мал, что некоторые звезды будут больше меня. Да и времени у меня на похищение звездочек нету, ведь постоянно приходится отбиваться от комет. Поищите в другом месте! До свидания, искатели!

Меркурий определенно не настроен был общаться. И команда решила двигаться дальше.

– Придется улетать. Ну что же, до свидания! – звездочки подхватили девочку и отправились к следующей планете – Венере.

– Ой, что-то с ней не так! – Аделина заметила, что планета, которую она увидела, вертится в противоположную сторону.

– Да, действительно, Венера очень странная. Скорее всего, потому, что она совсем одна, ведь у нее нет спутника, поговорить не с кем. Вот и сходит с ума, – предположила одна из звездочек.

Аделина очень хотела познакомиться с новой планетой и опять решила заговорить первой:

– Здравствуйте, Венера! Мы ищем пропавшие звездочки.

– Да, да! Знаю. Но звезды не у меня. Мне нужно привести себя в порядок, ведь, как известно, каждое утро и вечер на Земле начинаются с

моего появления. Ведь я – первая красавица на небе для землян. Очень хочется выглядеть достойно. Мне на такие глупости, как воровство звезд, тратить время нет надобности. Всего доброго!

– Что ж, полетели!

Аделина вдруг увидела знакомую планету. Ну конечно! Следующей от Солнца была ее родная планета Земля.

– Ух ты! Это же Земля! – воскликнула девочка. Она узнала ее по фотографиям астронавтов в своей энциклопедии.

«Какая же это Земля? Это скорее Вода», – Аделина недоумевала из-за того, что на поверхности Земли видела больше океанов, морей и других источников воды, нежели материков с лесами и пустынями.

– Да, третья по счету планета – это Земля, та, с которой мы отправились в просторы космоса. Но на Земле точно не может быть звездочек, ведь некоторые из них попросту не поместятся на ее поверхности...

– А может быть, они там? – Аделина указала на Луну, единственный спутник Земли.

– Нет, там сейчас очень много луноходов, запущенных людьми, яблоку негде упасть, не то что звездам. Поэтому летим дальше, – с этими словами звездочки увлекли девочку к следующей планете.

– Я вижу ярко-красную планету! Как она называется? – спросила Аделина.

– Очень холодно и очень сильные бури... Мы на Марсе!

Разговор начали звездочки, предупредив девочку, что планета не любит гостей.

– Марс, не знаешь ли ты, кто похитил наших сестер и братьев?

– Ну уж точно не я. У меня своих забот хватает, – резко ответила Красная планета. – И кому только понадобились эти ненужные звезды?! Наверное, людям, – пробормотала она себе под нос. – Опять, поди, жизнь ищут... Хм. У себя бы сначала ее нашли!

– Какой неприветливый этот Марс, – расстроилась Аделина.

– Не обижайся на него. Это все из-за войны, которая была здесь очень много лет назад. Он не любит гостей. Ведь от прошлых жителей ему очень досталось, – наперебой объяснили звездочки. – И каждый раз, когда кто-то прилетает к нему, он боится снова приютить на себе гостей. Боится, что люди принесут с собой разрушения, которые они чинят на Земле.

Аделина заметила на поверхности Марса много-много кратеров, и стало понятно, что это не следы от комет, а результат чего-то более серьезного. Девочке стало очень жаль Красную планету. Она хотела объяснить, что люди не такие плохие, но потом вспомнила, как взрослые вре-

дят своей родной планете, поджигая леса, воюя и разрушая природу... И поняла, что ей просто нечего сказать в их защиту. Как ей хотелось помочь Марсу! Но Аделина ничего не могла сделать. Он потерял веру во что-либо хорошее.

Вдруг звёзды заметили, как дрожит девочка от холода. Они согрели её своими лучиками и решили скорее лететь к другой планете.

– До свидания, Марс!

– Уж лучше «прощайте», – ответил он, как отрезал. И с облегчением выдохнул.

Аделина была очень грустной после встречи с Марсом. Но при подлете к следующему небесному телу её грусть сменилась восторгом.

– Ух ты! Вот это здорово! – закричала она.

Перед девочкой и её спутниками в космическом приключении возникла огромная красивая планета. Она казалась крупнее остальных и называлась Юпитером. Он был самой большой планетой в Солнечной системе.

– Ребята, у нас гости! – объявил Юпитер, обращаясь к большому количеству маленьких планеток. Они тотчас засуетились и начали перешептываться.

– Что же это такое? – пролепетала Аделина. – Почему так много крохотных планет вокруг одной большой-пребольшой?

– Здравствуйте! Я Юпитер, а это мои друзья-спутники: Ганимед, Ио, Калисто...

Он перечислил еще много имен, но Аделина, к сожалению, запомнила только некоторые.

– Поздоровайтесь! – скомандовал Юпитер маленьким планетам.

Те хором поприветствовали звездочек и девочку.

– Какой он добрый и гостеприимный! – заметила Аделина.

– Да, я люблю гостей! – Юпитер демонстрировал дружелюбие.

– Но мы не в гости, хоть ты нас так тепло встречаешь, – заговорили звезды. – Вместе с земной девочкой мы ищем пропавших звездочек, которых украл неизвестный. Не видел ли ты их?

– Да уж, беда. Я люблю звездное сияние. Я и сам мечтаю стать одной из звезд, когда буду еще больше, чем сейчас. Так что я бы не стал их красть. Отправляйтесь дальше, надеюсь, вы их найдете! На обратном пути заглядывайте к нам! Я и мои спутники будем вам рады!

– Спасибо, Юпитер!

Расстроенные тем, что не нашли пропажу, но радостные от того, что познакомились с очень красивой и доброй планетой, звезды вместе с Аделиной полетели дальше.

– Сейчас ты увидишь одну из самых удивительных планет в Солнечной системе! Смотри, это Сатурн!

Аделина увидела планету, которая имела кольца невероятной красоты. Вокруг, так же как у Юпитера, кружило множество спутников – друзей планеты. На Сатурне девочка обнаружила то, чего не встречала нигде, даже на Земле. Это были волны света, быстро сменяющие друг друга. Они переливались то синим, то изумрудным, а то и желтым цветами! От такой красоты захватывало дух!

– Ого-о! – протянула удивленно Аделина. – Что это? – спросила она у звёзд.

– Это полярное сияние. Его, кстати, можно увидеть и на Земле. Оно происходит из-за того, что Солнце выбрасывает в космос очень много своих лучей. Через некоторое время они долетают до атмосферы Земли, где азот и кислород так рады встрече, что светятся от радости. Но видеть их может не все население прекрасной Земли, а лишь некоторые страны. В том числе и твоя!

– Ух ты! Я очень хочу там побывать и поделиться с мамой и папой этим красивым явлением!

Аделине хотелось вернуться на свою Родину, чтобы рассказать родителям о том, что она увидела. «Вот бы сейчас к ним! Я уже соскучилась!» На секунду она вспомнила свой дом, и кошку, и друзей. О, как ей хотелось к своим родным! Но девочка понимала, что нужно помочь звездочкам и что, чем быстрее она это сделает, тем скорее отправится домой.

– Здравствуйте, красивая планета! Какие прекрасные у вас кольца! – восхитилась Аделина.

– Здравствуйте, звезды. Здравствуй, девочка! Спасибо тебе за доброту!

– Подумаешь... У меня тоже есть кольца, разве что поменьше немного... – донесся до звездных путешественников голос откуда-то неподалеку. – А то, что твои кольца землянам лучше видно в телескоп, так это потому, что они состоят из маленьких льдинок, которые хорошо отражают свет, только и всего!

Аделина заметила рядом еще одну планету – она выглядела странной из-за того, что будто бы на боку «лежала». Это был Уран. Такая его особенность объяснялась очень просто. В отличие от остальных планет, он вертелся под углом 90 градусов. Отсюда и казалось, что он все время на боку. Об этом рассказали звездочки в ответ на удивленный взгляд девочки.

– В этом весь Уран, – объяснил Сатурн. – У него и правда есть кольца, но меньше моих, вот он и дуется. Он не любит гостей, а гости к

нему не прилетают оттого, что на его поверхности слишком холодно.

– А что такое телескоп? – Аделину заинтересовал тот факт, что, оказывается, с Земли можно увидеть кольца Сатурна. Она непременно хотела бы себе такой телескоп!

– Это специальный прибор, с помощью которого можно увидеть космические тела. Планеты, звезды, кометы и многое другое! – пояснили звездочки.

– Я могу увидеть кольца даже со своей планеты? – спросила Аделина.

Звездочки утвердительно закивали.

– Обязательно попрошу у родителей телескоп! Я узнала о многих интересных космических телах, которые можно увидеть в этот прибор! Буду изучать планеты, метеориты и созвездия!

– Это здорово! Будем передавать друг другу приветы сквозь Солнечную систему! – обрадовались звезды.

– Замечательно! – одобрил Сатурн. – Но что же ты делаешь здесь, на другом конце системы, так далеко от своей родной планеты? С какой же целью навестила нас, маленькая землянка?

– Пропали звездочки! Я очень хочу их вернуть. Не знаете ли, кто мог похитить прекрасные небесные светила?

– Нет, я не знаю, милая девочка, кто мог совершить такое злодеяние – украсть всеми любимые звезды.

– Ничего они не любимые! Своим светом только спать мешают, противные! – вмешался Уран.

– А может быть, они у вас? – заподозрили звезды, внимательно на него уставившись.

– Во-первых, я очень мал, они во много раз больше меня. Во-вторых, мне лениво, я сплю. Не мешайте мне! Спросите лучше у Нептуна, может, он вам подскажет.

– Что ж, – вздохнули звездочки. – Тогда не будем терять ни минуты! Летим искать дальше! А вам спасибо, друзья!

– Еще увидимся! – уже издали крикнула Аделина.

Они приблизились к небольшой планете. Девочка сразу заметила, что она очень похожа на Уран, такой же холодный и маленький. Неподалеку кружили уже знакомые ей космические объекты – друзья-спутники. Однако их было меньше, чем у Сатурна и Юпитера.

– И тут есть кольца... – прошептала Аделина.

– Да, между прочим, не хуже, чем у некоторых, – гордо ответил Нептун. – Здравствуйте, звездочки, здравствуй, человек. Что привело вас ко мне?

– Наши сестры и братья потерялись! Нам нужно отыскать их и вернуть назад, в космическое пространство! А еще передать лучики Солнца, чтобы звездочки согрелись и вновь могли светить ярким светом!

– М-м-м. Даже не знаю, чем помочь. У меня их нет, и того, кто похитил, я не видал... – задумался Нептун.

Он заметил, что девочка вмиг погрузилась. Да и звезды уже, казалось, перестали надеяться на спасение своих друзей. Перелетая с планеты на планету в поисках, они были близки к тому, чтобы потерять надежду, отправить Аделину на Землю и вернуться к себе, в глубины космоса.

Но нет! Они услышали то, что вернуло их веру в счастливый конец этого путешествия по Солнечной системе.

– Постойте, кажется, я знаю, кто может помочь вам, – промолвил Нептун. – Плутон!

– Плутон?

– Да, это карликовая планета! И хоть он в обиде на землян за то, что те не признают в нем полноценную планету, думаю, выяснив, с какой миссией ты прилетела к нему, Лина, он поможет! Он знаком с другими карликовыми планетами. Их очень много, и они узнают первыми все новости из космоса!

– Спасибо тебе большое, Нептун! Ты очень помог! Отправляемся на Плутон! – объявили звездочки.

Они полетели к следующему небесному телу. По дороге звездочки рассказали Аделине, почему Плутон на Земле не считают планетой.

– Ученые-земляне не относят Плутон к полноценным планетам из-за того, что он слишком мал. Но, чтобы его не обижать, его назвали карликовой планетой.

Вдруг вдалеке девочка увидела маленький шар, а рядом суетились планетки намного меньше, чем те, что Аделина уже видела.

– Здравствуйте, карликовые планеты!

– Здравствуйте, звезды! Здравствуй, девочка!

– Что же привело на такую маленькую планету такого большого человека? – съязвил Плутон. В его голосе чувствовалась явная обида, а мелкие планетки поблизости тотчас же захихикали.

– Плутон! Не обижайтесь на людей. Вы просто еще недостаточно подросли, не до конца сформировались. Не беда! Вы обязательно станете одной из больших планет! Зато у вас много друзей вокруг, которые тоже еще малыши, но все очень хорошие и дружные.

– Спасибо тебе, девочка. Ты очень добра ко мне! Чего же ты ищешь здесь, на самом краю Солнечной системы?

– Звездочки пропали! Я искала их на других планетах и даже на

Солнце, но никто не знает, куда они подевались! Уран посоветовал обратиться к вам...

– Хм. Кажется, я догадываюсь, кто мог их украсть.

Аделина и звезды затаили дыхание в ожидании разгадки.

– Говорят, это очень опасный космический объект, – продолжил Плутон. – Не хватало еще и вас лишиться, тогда совсем без звездочек останемся. И ты, Аделина, подвергаешь себя опасности! Ты очень храбрая, раз через всю Солнечную систему мчалась сюда на встречу со звездами! Будет очень плохо потерять такого добродушного и отважного землянина!

– Ну же, скажите, кто похититель! Я не боюсь ничего! Лишь бы звездочки были в порядке! – воскликнула Аделина.

– Ну что ж, я предупредил. Есть в нашей Вселенной такие объекты, называются «черные дыры». Они затягивают всё на своем пути, и, говорят, никто не может вернуться обратно, даже солнечный свет! Мои друзья-кометы знают, где могут быть черные дыры. Я помогу, если вы не боитесь исчезнуть навсегда.

Звездочки задрожали от страха за своих братьев и сестер. Некоторые тихо плакали, понимая, что не смогут вернуть их обратно. Расстроена была и Аделина.

– Что же мы, зря проделали такой путь? Я так хотела помочь звездочкам! – произнесла она. И вдруг поняла: куда бы ни пришлось ей двигаться дальше, она справится и поможет бедняжкам освободиться от злобной черной дыры, какой описал ее Плутон.

– Я хочу помочь, и я помогу! Куда бы ни пришлось лететь на этот раз!

Звездочки обрадовались такой ее храбрости. И сами поверили в то, что они спасут братьев и сестер.

– В путь! – крикнули звезды и вместе с Аделиной помчались по космическим координатам, которые дал им Плутон.

Они летели невероятно быстро, ведь все очень хотели вызволить звездочек из темной страшной дыры. Звезды чувствовали уверенность Аделины и сами становились увереннее. Чем ближе они были к месту назначения, тем страшнее становилось вокруг. Не было ни планет, ничего. Кромешная тьма. Лишь лучики, что взяли они с собой у Солнца, светились. И вот наконец они долетели. Что же они увидели? Большую черную воронку. Она выглядела очень пугающе, даже страшнее, чем описывал ее Плутон. Но Аделина не побоялась и начала разговор первой.

– Здравствуйте, черная дыра! – несмотря на дрожь в голосе, она старалась быть вежливой.

– Кто это? – глухо прозвучало в ответ. – Никто не приходил ко мне уже сотни лет! Обычно прихожу я сама, и тогда все меня боятся! Знаешь ли ты, кто я, отважная девочка? Я – главный ужас Солнечной системы. Та, что поглощает всё на своем пути!

Аделина на секунду испугалась: вспомнила о маме с папой, подумала, как будет им грустно, если она не вернется домой. Но девочка так любила созвездия, их прекрасный свет. Она вспомнила, как папа рассказывал ей о них, и как было здорово смотреть на ночное небо и подолгу не спать, отыскивая взглядом разные созвездия. Размышлять: где же на самом деле спрятался ковчег? А Млечный Путь! Это самое замечательное явление. Мир космоса уникален, восхитителен и полон тайн, которые ей хотелось разгадать! Но для начала нужно было спасти звездочки, и она решила действовать. Несмотря ни на что, вернуть звездочкам братьев и сестер, а себе и всем землянам – возможность наблюдать за звездами и изучать их.

– Я знаю, кто вы, и не боюсь вас, черная дыра! Скажите, зачем вам звездочки? Почему вы их украли?

– Потому что я – зло! Самое страшное зло во всей Солнечной системе! – и дыра издала жуткий звук, перепугав звездочек.

– Но почему вы – зло? – храбро продолжила разговор девочка. – Разве вам не нравился свет звезд? Разве они не казались вам прекрасными, когда вы смотрели на них?

Черная дыра помолчала, но потом все-таки решила признаться:

– Любой, кто видел, как там, где появляюсь я, исчезает свет, сразу же улетал далеко-далеко и больше не хотел ко мне приближаться. Боялся, – она сделала паузу. В голосе ее слышались печаль и обида.

– А звезды очень красивые, – продолжала дыра. – Их свет меня радовал. Я решила их забрать себе насовсем. Я думала, мы подружимся, и я буду ими любоваться. Только для меня они светили бы, понимаешь? Но они перестали излучать свет. И дружить со мной не хотят. Все меня боятся, теперь и звездочки – тоже.

– Вы же лишили их свободы и дома! Разве странно, что после этого с вами не хотят дружить? – воскликнула Аделина.

– Меня не любят, потому что я притягиваю свет. Но беда в том, что притягивается он насовсем. И выходит, что из-за того, что я черная-черная и поглощаю свет, все думают, что я плохая. Никто не хочет со мной дружить, как другие планеты – друг с другом. У меня нет даже спутника, как у многих небесных тел! Я хочу иметь друзей, но все меня ненавидят, – произнесла дыра и всхлипнула.

Звезды и девочка переглянулись. Кто бы мог подумать! Казалось,

черная дыра вот-вот расплатится.

Аделина вдруг поняла, что на самом деле дыра никакой не монстр, а просто очень одинока и обижена.

– У звездочек много друзей, а я совсем одна! Вот и решила забрать их себе, – добавила дыра виновато.

– Не расстраивайтесь, черная дыра! Просто поймите: никто настолько дружить не будет. Дружат, когда друг с другом хорошо, когда никто никого не обижает. Вы ведь можете дружить с другими, разговаривать на расстоянии! Просто будьте вежливой, не грубите и не ругайтесь на тех, кто вас обзывает. Они это делают от страха. Как и вы. Когда вам было больно, вы делали больно другим. Не источайте зло, а старайтесь со всеми быть вежливой и доброй. И тогда с вами будут обращаться также. А если отпустите звездочек – остальные космические обитатели поймут, что вы хорошая и с вами можно дружить, вот увидите! Только послушайте моего совета и отпустите звездочек, уж очень их все ждут обратно домой! А светить они будут, ведь Солнце передало свои лучики, они наделят звездочек светом!

Черная дыра немного подумала, посмотрела на испуганных звездочек, на девочку и снова на звездочки. Она поняла, что дружба бывает настоящей, только когда кто-то хочет с тобой дружить, и ей очень хотелось быть такой же доброй, как Аделина.

– Ты очень добрая, Лина. Со мной еще никто не был так добр. Спасибо тебе. А вы, звездочки, простите меня, что напугала. Мне так хотелось иметь друзей! Вы очень красивые, светите и радуйте своим светом землян и других обитателей планет!

С этими словами черная дыра отпустила звездочек, а Аделина подарила им заветные солнечные лучики. Небесные огоньки радостно бросились в объятия сестер. Все были рады такому исходу. Звезды снова были вместе, одной большой семьей.

– Спасибо тебе, девочка Аделина! Мы благодарны тебе, ты сделала большое, хорошее дело для всего космоса! А еще ты показала всем, какая на самом деле хорошая черная дыра! Нам нужно возвращаться, но мы летим в другую сторону. А тебя доставит на Землю комета.

Улетая, звезды заметили, как черная дыра загрустила из-за того, что все ее покидают, и она вновь будет бороздить просторы космоса в одиночку.

Одна из звезд подлетела на безопасное от дыры расстояние и рассказала, что недалеко есть место, где существуют такие же черные дыры. Она обещала показать дорогу, только если та перестанет грустить. Дыра обрадовалась такой новости и отправилась в путь к новым друзьям. Та-

ким же, как она.

– Ну что же, до встречи! Я рада, что черная дыра оказалась хорошей, и что все звездочки наконец вместе! Спасибо за то, что я о узнала очень много о космосе, планетах, Солнышке и о многом другом интересном! До свидания, до скорой встречи! – сказала девочка на прощание заездам и черной дыре.

Она ловко забралась комете на хвост, и они помчались сквозь глубины космоса домой, на Землю. Пролетая мимо планет, которые они посетили, Аделина думала о своем путешествии. О том, что доброта действительно всегда побеждает. И о том, что если бы она испугалась вида дыры, она бы не вернула звездочек и не узнала, что дыра на самом деле очень хорошая, просто ей нужно было немного теплоты. Девочка видела вихри на Нептуне, смешно наклонившегося сонного Урана, невероятные кольца Сатурна и то, как множество его спутников машут ей на прощание; она засмотрелась на огромное красное пятно на Юпитере и даже не заметила, как приблизилась к Марсу с его кратерами... И вот, наконец, Земля! Такая прекрасная, родная! Где мама с папой спят и не знают, что их дочка, подумать только, спасла звезды! Она сделала это, чтобы небо было не безжизненно черным, а усыпанным маленькими яркими точечками, вдохновляющими на размышления об огромной Вселенной.

– Прилетела со звездочками! – послышался тот самый мелодичный, невероятной красоты голос.

«Дева!» – вспыхнуло в голове у девочки. Она тотчас же бросилась к созвездию в объятия.

– Аделина, как мы все благодарны тебе! Космос не был бы космосом без звезд. Твоя удивительная доброта, храбрость и вера в то, что в каждом существе есть что-то хорошее, помогли всем! Звездам и созвездиям – вернуться домой, а черной дыре – понять смысл настоящей дружбы и все-таки найти друзей. Все вернулось на круги своя, спасибо за братьев и сестер. Жители космоса благодарят тебя, отважный житель Земли!

– До свидания, звездочки! Буду скучать и просить у родителей телескоп, чтобы изучать космос.

Аделина вглядывалась в чарующий космос. Она знала, что невозможно насмотреться впрок. Ведь это космос. Бесконечно завораживающий, хранящий еще много тайн, которые предстоит разгадать. Девочка почувствовала, как медленно спускается на Землю, как она летит, словно птица, как ускоряется ее падение. И чем ниже, тем сильнее ей хотелось к маме с папой. Хотелось все им рассказать! Вдруг – вспышка света, такого же, какой ослепил ее при первой встрече с лучиком.

...Кошка беззаботно спала, согревая своим телом ноги девочки;

было тепло и уютно, будто она и не покидала постель. Аделина встала, осторожно переложив Мусю, а та только повела ухом и снова свернулась клубком. Тихонько, боясь разбудить кошку, девочка на цыпочках подошла к окну. Распахнув шторы, она увидела ночное небо, полное звезд. Вспомнив свое путешествие, улыбнулась. Одна из звездочек сверкнула, словно подмигнув ей. И неожиданно...упала! Аделина знала: если загадать желание при виде падающей звезды, оно непременно сбудется. И она без раздумий загадала: «Вот бы еще раз побывать в космосе...» Уж очень ей хотелось навестить своих друзей и даже черную дыру.

– И черную дыру, – сонно пробормотала девочка. Уставшая от космического приключения, она легла обратно в кровать, на которую падал лунный свет – очередной привет из глубин Вселенной.

МИХАИЛ КРИВЕНОК, 1990 г.р., Иркутск

Родился в поселке Могзон Читинской области. Окончил Байкальский государственный университет экономики и права по специальности «Информатик-экономист». Вошел в лонг-лист литературного конкурса «ЛифФт-2020».

БУ-У-К И ПОТЕРЯННЫЕ СТРАНИЦЫ...

Участник Областного конкурса «Зима фантаста» в номинации «Волшебная сказка»

Ты веришь в сказки? Т-с-с, тише, слышишь? Кажется, это шелест страницы! О чём это я? Ах да, ты же ещё ничего не знаешь! Эта история началась очень давно, тогда я был ещё маленьким, как... как... апчхи. Прости, напугался? Не обращай внимания на старика, кажется, я что-то забыл, что-то важное...

Вспомнил! Где же мои манеры? Приятно познакомится, меня зовут Райт! Так, на чём я остановился. Когда я был маленьким, таким как ты, я совсем не любил читать книжки. Мне казалось, что это очень скучное и утомительное занятие. Когда начиналась новая глава, я всегда забежал вперёд, искал, где же она закончится, а когда находил, ставил туда закладку и читал только до неё. Но всё изменилось, когда я встретил Хра-ните-ля историй, мы зовём его Бу-у-к! Звучит немного грозно, но на самом

деле он невероятный добряк. Между прочим, он меня научил всему, что я сейчас умею. Но обо всём по порядку!

Мы встретились с ним при очень странных обстоятельствах. Дело в том, что мой Папа был писателем, мне было очень интересно с ним. Он мог придумать всё, что угодно. Папа писал медленно, продумывая каждого героя до мелочей. И всегда, когда это делал, улыбался.

Помню, со мной произошла одна забавная история! Пока Папы не было дома, я пробрался в его кабинет и перепачкал практически всё, до чего смог дотянуться чернилами, которые он забыл на столе. А сам я был похож на одно большое, чёрное пятно с невинными глазами и белоснежно-довольной улыбкой. Когда Папа вернулся и увидел всё это безобразие, то просто громко рассмеялся. Мы вместе смеялись!

– Кажется, у нас появился новый герой! – сказал он. – Назовём его Чернила? Думаю, ему очень подходит.

– Что он будет уметь? – спросил я.

– Ну, он умеет становиться невидимым в тени или на фоне чёрных предметов. А ещё умеет менять форму. Даже может превратиться в лужицу. Но самая главная его способность заключается в том, что он умеет дарить улыбки другим!

– Как это у него получается? Должно быть, ему тяжело! – удивился я.

– Просто Чернила попадает в разные нелепые ситуации, из которых получаются удивительные вещи, там волей не волей захочешь улыбнуться. Хочешь, расскажу одну историю про него!

– Да, да! Хочу!

– Однажды, гуляя по парку, Чернила встретил пса, белого, как снег. Он так сильно ему понравился, что Чернила решил во что бы то ни стало его погладить. Только наш четвероногий друг был с этим не согласен. Они играли в догонялки целый день! И вот, когда Чернила выбился из сил, он остановился и, рассердившись, топнул ногой так, что случайно обрызгал черными каплями нашего белого друга. Псу это очень не понравилось. Теперь в роли убегающего оказался Чернила: он так струсил, что в несколько прыжков добежал до ближайшего дерева и быстро долез до самой макушки. Так, благодаря ему, все прохожие в парке смеялись, а у нас теперь есть далматинцы и берёзы!

– Правда?! – восторженно спросил я.

– Конечно! Между прочим, зебры – это тоже его работа. Видел бы ты, как он их разукрашивал!

Уголки моих губ устремились вверх.

– Ну что я тебе говорил, теперь и ты улыбаешься!

– Это ты меня рассмешил! – возразил я.

– Разве? Это всё сделал Чернила, и я тут совсем ни при чём, – ответил Папа.

– А у него есть дом?

– Давай посмотрим, что бы ему могло подойти.

Мы стали смотреть по сторонам.

– Кажется, знаю, – радостно закричал я. И, подбежав к столу, схватил маленький предмет.

– И что же это? Давай посмотрим, где же будет жить Чернила!

– Ну, разве ты не видишь, Папа? Это стеклянная баночка.

Папа взял её в руки и, немного покрутив, сказал:

– Простая банка для того, кто дарит улыбки? Думаю, это слишком... Вот если бы это был фарфоровый дворец, переливающийся всеми цветами радуги... – Папа приподнял баночку повыше так, чтобы на неё попадали солнечные лучи, и от этого комната заиграла разными красками.

– Ну вот теперь совсем другое дело! Как думаешь, ему понравится? – спросил меня Папа.

– Да, обязательно понравится! Я бы и сам не отказался там жить! – прокричал я, быстро подпрыгивая на месте от переполнявших меня эмоций. Мы были по-настоящему счастливы, разжигая наше воображение! Папа продолжал и продолжал.

– Наверное, Черниле будет грустно одному в замке без друзей? Кто же это идёт к нему в гости? Такой важный и с длинным носом! Должно быть он очень умный, а какой красивый, но разве бывает, чтобы эти два качества уживались вместе? Позвольте представить: Мистер Перо. Сегодня он решил срезать путь и пройти через белые бумажные поля, за которыми ухаживали красивая девушка Пэйдж и её младший брат по имени Ластик. Чернила давно просил Перо познакомить его с ними. Так как он хотел сделать перед замком нарисованные сады! Для этого ему был необходим кусочек бумажного поля, и без разрешения Пэйдж тут было не обойтись, – на этой фразе Папа остановился.

– Что же было дальше? Я хочу знать!

Папа посмотрел в окно и сказал:

– По-моему, нас ждёт сюрприз!

И вправду, только он это произнёс, раздался звонок. Мы спустились вниз по лестнице и открыли дверь. На пороге стоял почтальон, а в руках у него была огромная коробка, по крайней мере, мне так показалось! Вот бы посмотреть, что там внутри. Папа и почтальон наполнили бумаги, поговорили о каких-то взрослых вещах, в которых я мало что понимал, после чего они попрощались, и эта странная, тяжёлая коробка

оказалась на столе в кабинете. Почему я решил, что она тяжёлая? Просто я видел, как пыхтел Папа, поднимая её на второй этаж.

– Что это? – спросил я.

– Ты даже не представляешь, с этим мы сможем писать наши истории гораздо быстрее и наконец-то напишем книгу.

Он распечатал коробку, и я в первый раз увидел это необычное устройство.

– Посмотри, Райт! – восторженно произнёс Папа. – Я так давно мечтал о печатной машинке. Давай попробуем что-нибудь написать.

Он вставил чистый лист в эту странную штуку и стал быстро нажимать на причудливые кругляшки, расположенные на разном уровне, раздался стук, и я увидел, как на листке бумаге появились буквы. Они мне сразу не понравились, потому что были не такие красивые, как те, что мы вместе с Папой выводили пером. С этого дня отец перестал рассказывать мне истории, всё своё время он проводил в обществе печатной машинки, а всё, что я слышал – это бесконечный стук из-за закрытых дверей кабинета. Но однажды стук прекратился...

Я решил проверить, в чём дело, поднялся по лестнице и остановился возле двери в кабинет. За дверью было темно.

– Пап! У тебя всё хорошо? – спросил я. Он не ответил мне. Собрав всю свою храбрость, я открыл дверь. Признаюсь честно, я был не готов к тому, что я увидел: это уже был не папин кабинет. Я увидел длинный, тёмный коридор с полом из деревянных досок, поскрипывавших от собственной старости. В самом конце виднелось окно, через которое проникал свет от луны, освещающей небольшой участок на полу, где одиноко стояла та самая печатная машинка. Будто кто-то специально так сделал. Мурашки пробежали по спине, но я всё равно решил подойти поближе. Осторожно, еле поскрипывая, я всё-таки дошёл до конца коридора и тихо опустился на пол возле машинки. Папа не разрешал её трогать, сейчас его не было рядом, и поэтому я решил попробовать что-нибудь напечатать. Но стоило только мне нажать на один из кругляшков, как в ту же минуту раздался сильный грохот, он был похож на эхо в пустой комнате. Может, мне показалось? Я нажал ещё раз, всё повторилось. «Интересно, что будет, если нажать две буквы одновременно!» – подумал я. Мои пальцы застыли на двух кругляшках...

– А ты любопытный! – сказал кто-то в темноте. От неожиданности я отскочил назад. Полоски, что печатали буквы, застыли на листке бумаги и не возвращались обратно.

– Кто здесь? – испуганно спросил я.

– Тебе лучше знать. Это ты меня позвал! – ответил голос из тем-

НОТЫ.

– Вы друг моего папы? – продолжил я.

– Не совсем, но когда-то давно мы действительно были друзьями,
– снова ответил незнакомый голос.

– Как тебя зовут? Папа ничего не рассказывал о тебе! – спросил я
чуть смелее.

– Думаешь? Ты ведь сам напечатал моё имя. Можешь прочитать,
там... на бумаге...

– Я не могу – там застряли буквы!

– Правда? – удивился голос из темноты. Я посмотрел ещё раз на
пишущую машинку. Полоски вернулись на место, а на листе красовалось
слово «Бу-у-к», так, словно его выводили пером, а не напечатали.

– Хорошо, теперь я знаю, как тебя зовут! Но кто ты?

– Я... Бу-у-к... Хранитель Историй!

– Хранитель историй? – переспросил я.

– Да!

– Меня зовут Райт.

– Рад знакомству, – ответил Бу-у-к.

– Почему ты пришёл именно к нам? – спросил я.

– Мне нужна помощь!

– Помощь? – удивился я.

– Да! Дело в том, что твой отец стал писать злые, скучные, завистливые и некрасивые истории. Тем самым, навёл беду на мир историй! Когда я попросил его оставить бездушную печатную машинку и всё переписать с помощью пера, он лишь рассмеялся, а потом и вовсе разбросал все страницы, и они разлетелись по всему миру историй. Я был рассержен таким поступком и заточил его в башне. Кажется, мы зашли в тупик. Теперь я не знаю, где искать страницы, а он ни за что не станет мне помогать. Ему придётся навсегда остаться в мире историй.

– Давай, я помогу тебе! – закричал я.

– И ты не боишься? – одёрнул меня Бу-у-к.

– Только при одном условии – ты должен отпустить моего папу! – не унимался я.

– Ну хорошо, Райт, твоя взяла! Мы встретим на своём пути скуку, зависть, уродство и злость. Поэтому я разрешаю взять тебе четыре вещицы, которые, на твой взгляд, смогут нам помочь в борьбе с ними. Подумай хорошо!

– Я всё решил! – снова прокричал я.

– Неужели? – удивился Бу-у-к. – И что это будет?

– Я хочу взять с собой чернила, перо, бумагу и ластик.

– А-а-а старые друзья! – воскликнул Бу-у-к. – Ну что ж хороший выбор. Как только он это произнёс, передо мной появились: чернильница, наполненная до краёв, красивое перо, несколько листов бумаги и небольшой ластик. – Ну если ты готов, отправляемся немедленно!

На свет вышел высокий, крепкий мужчина в костюме. На нём была шляпа в виде невысокого цилиндра. Плюс он был достаточно красив, этого не могли скрыть даже причудливые очки, из-за них он выглядел, как пилот самолёта и, кстати, довольно смешно. Бу-у-к протянул мне раскрытую книгу и сказал: «Подуй!» Я удивился, но сделал так, как он сказал. Стоило только мне дунуть на страницы, как они стали сами по себе перелистываться и шелестеть. От этого в комнате поднялся ветер, всё вокруг нас закружилось, и тёмный коридор сменился невероятно красивыми пейзажами, после чего Бу-у-к быстро захлопнул книгу и сказал:

– Прибыли! – он пошёл вперёд.

– Подожди! Не оставляй меня одного! Я же ничего здесь не знаю, – сказал я. Догнав его, я продолжил: – С чего начнём?

– Думаю, нам надо найти первую страницу. И у меня есть догадка, где её искать. Местные жители рассказали мне о странном чёрном козлёнке. Он появился здесь недавно. Кто знает, может быть это именно то, что мы ищем.

– А что может быть странного в обычном козлёнке? – спросил я.

– Это нам и предстоит выяснить, – ответил Бу-у-к.

– Как мы его найдём?

– Это не составит труда, жители сумели поймать его и посадить в загон. Мы как раз туда направляемся. Не думай об этом, лучше пока оглядись вокруг.

Дальше мы продолжили идти молча, Бу-у-к был прав: посмотреть здесь определённо было на что. Цветочные поля, переливающиеся разными красками. Птицы невероятной красоты. Вдали виднелись замки, величественные и горделивые, ещё я заметил, как горы двигались сами по себе, а по их спинам бежали реки, падая вниз водопадами. Я не выдержал и спросил:

– Что это?

– Голлем, – спокойно ответил Бу-у-к. – Мир историй – невероятное место, удивительные вещи и существа здесь практически на каждом шагу. Смотри внимательно под ноги, ты чуть не наступил на фею.

Из-под моего ботинка вылетела маленькая девочка с крылышками и пригрозила мне кулаком.

– Простите, я вас не заметил! – извинился я! Но она продолжала звенеть в мою сторону, видно сильно рассердилась.

– Не упрямясь, прости его, он здесь впервые, – обратился Бу-у-к к фее. Она недовольно посмотрела на меня, поклонилась Бу-у-ку, он ответил ей тем же, после чего она улетела прочь. – Всё хорошо, не расстраивайся, – подбодрил он меня. Так незаметно для меня мы добрались до небольшой деревушки. Проходя по её улочкам, я увидел маленького мальчика, что сидел отдельно от всех детей с листочком в руках. Он просто смотрел, как другие дети играют и веселятся вместе, но смотрел он так, словно завидовал им. «Станный», – подумал я.

– Бу-у-к, далеко ещё?

– Нет, мы почти пришли. Сразу за деревней мы увидели загон, в котором одиноко пощипывал траву чёрный козлёнок. А на шее у него болтался... не колокольчик.

– Кажется, эта наша страница! – крикнул я радостно.

– Очень на это похоже, – ответил Бу-у-к. – Думаю, тебе надо её забрать!

– Мне? – переспросил я.

– Да, переписать её сможешь только ты!

С этими словами он поднял меня, и, пронеся прямо над ограждением, поставил меня прямо в загон. Козлёнок, заметив это, бросился в мою сторону и стал без остановки бодать меня. Я начал носиться по кругу и во всё горло кричать.

– Бу-у-к, что я должен делать, я не понимаю! Почему он пытается меня забодать? Я ведь ничего ему не сделал! Бу-у-у-у-у-к, а-а-а!

– Я уверен, ты что-нибудь придумаешь, – ответил Бу-у-к. – Может, стоит воспользоваться одной из вещей, которые ты прихватил с собой?

Я остановился на месте, как вкопанный, от неожиданности козлёнок отбежал подальше. Хорошо, теперь можно подумать. Почему-то мне сразу вспомнилась история про Чернилу, и как часто он попадал в нелепые ситуации. То, что происходило со мной сейчас, было очень на это похоже.

– Бу-у-к, мне нужны чернила.

Он улыбнулся и бросил в мою сторону чернильницу со словами: «Лови!» Поймав её, я измазал лицо и руки в чёрный цвет и, встав на четвереньки, сказал козлёнку:

– Ну хорошо, раз ты так хочешь, давай сыграем в эту игру! – Бу-у-к расхохотался.

– У каждой игры должно быть название, – сказал он.

– Боду-боду! Подойдёт? – он расхохотался ещё сильнее.

– Вполне!

Мы начали бодаться с козлёнком, но я всё равно проигрывал. Ведь

чем сильнее бодался я, тем сильнее он мне отвечал. Никак не пойму, в чём секрет? Изрядно извалявшись в грязи и набив кучу шишек, я уже был готов сбежать из загона. Бу-у-к, видимо, это почувствовал. И неожиданно дал мне подсказку.

– Райт, ты же сам сказал, что это игра! Разве так важно победить, во что бы то ни стало?

– Кажется, понял!

Когда козлёнок разогнался, чтобы очередной раз меня боднуть, я опустил голову ближе к земле так, словно кланялся ему. Вдруг цоканье копыт прекратилось, я приготовился очередной раз сильно получить по голове. Но ничего не происходило, тогда я поднял голову... На меня смотрела чёрная мордочка с рожками. Я осторожно поднял руку и погладил его по голове, в ответ он лизнул меня в нос.

– Ну что ж, кажется, вы подружились! – подметил Бу-у-к.

– Похоже на то... Я аккуратно снял страницу с чёрной шеи, и, развернув её, увидел в конце истории рисунок, где грязный, но весёлый мальчик обнимает того самого чёрного козлёнка.

– Поздравляю, тебе удалось победить скуку и переписать одну историю, но это только начало. Бу-у-к открыл книгу, и страница заняла своё место. После чего он добавил: – Осталось ещё три.

Уставший, но довольный вместе с Бу-у-ком я вернулся в деревню, в надежде отдохнуть.

– Тебе не мешало бы умыться, – сказал Бу-у-к. – Замарашек нигде не любят. Кажется, я видел колодец вон за тем домом.

И вправду, память не подвела Бу-у-ка. Мы набрали ведро воды, чтобы я мог умыться. Когда все чернила были смыты, то я не узнал собственное отражение: на меня смотрел юноша, хотя ещё недавно там был двенадцатилетний мальчик, а теперь на вид мне было лет семнадцать.

– Что-то случилось? – сказал Бу-у-к.

– Кто это? – спросил я, указывая на своё отражение.

– Ты не узнаешь себя?

– Нет!

– Ну да, ты немного подрос с нашей первой встречи, – произнёс Бу-у-к.

– Ты называешь это немного? Да я совсем большой. Как это понимать, Бу-у-к?

– Видишь ли, Райт, здесь всё устроено по-другому. Твоё первое осознанное и ответственное решение победить скуку привело к тому, что ты повзрослел.

– Теперь так будет каждый раз? – спросил я.

– Не уверен, – ответил Бу-у-к. – Ладно, нам пора отдохнуть. Он открыл книгу и перед нами вырос огромный дом, он был похож на старинный особняк.

– Ты здесь живешь?

– Да, – сказал Бу-у-к, открывая дверь. – Добро пожаловать в моё жилище. Без лишних удобств, зато здесь мы в полной безопасности.

– Кого ты боишься, Бу-у-к? Ты же Хранитель историй!

– Не все истории мне подвластны. По ночам легко можно напороться на неприятности, поэтому, как только стемнеет, я советую всем отправляться домой. А теперь спи.

Я провалился в сон. Может, мне это приснилось?

– Райт, пора вставать!

Я открыл глаза – оказалось, что мы лежали посреди улицы. Все прохожие над нами смеялись. Тогда я вскочил и закричал.

– Когда ты успел убрать дом?

– Дом? Какой дом? – удивлённо переспросил он.

– БУ-У-К! Это опять твои шалости!

– Подумай, сколько было веселья! Ты так забавно храпел, до последнего не хотелось тебя будить. – Я покраснел от стыда. – Ладно, нам пора идти!

– Но куда? Мы не знаем, где искать другие страницы, – сказал я.

– Главное, идти, дорога обязательно к ним приведёт! – ответил Бу-у-к.

И мы опять отправились на поиски потерянных страниц. По пути я снова увидел мальчика, теперь мне стало понятно, что было в его взгляде: он смотрел с завистью на играющих детей.

– Бу-у-к, напомни мне, какие истории нам осталось переписать?

– Зависть, уродство и злость, – ответил он.

– Я нашёл вторую страницу.

– Где? – удивлённо спросил Бу-у-к.

– Вон там, – сказал я. И указал на мальчика, что сидел на скамейке, вдали от всех детей с листочком в руках.

– Вижу! – ответил Бу-у-к. Я направился в его сторону. Дойдя до скамейки, присел рядом и завёл разговор.

– Почему ты один?

– Просто мне так нравится! – буркнул мальчик.

– Но ведь играть с друзьями гораздо веселее, – подметил я.

– Они никогда не возьмут меня к себе!

– Почему? – спросил я.

– Потому что у меня нет игрушек, мне нечего им предложить.

– Разве это важно?

– Да! – ответил мальчик, вытирая слёзы. – Я уже пробовал, они только и делали, что смеялись надо мной и называли бедняком. Теперь я сижу здесь каждый день и с завистью смотрю, как они играют все вместе.

– Давай, я тебе помогу! – предложил я.

– Как ты можешь мне помочь? Ты же взрослый.

– Верно, но я не всегда был таким, когда-то я был маленьким, совсем как ты сейчас. Поэтому я точно знаю, что нужно делать.

– И что же это? – оживился мальчик. Я достал из кармана четыре белых листа бумаги.

– Это всего лишь бумага, – разочаровано сказал мальчуган. – Все вы взрослые так делаете, обманывать нехорошо!

– Но ты ещё ничего не видел! Это не просто бумага, она волшебная! – возразил я.

– У меня тоже такая есть, – сказал он, показывая мне заветную страницу.

– Смотри, что мы с тобой сделаем! – я принялся мастерить игрушки. Сначала я сделал кораблик, потом лягушку, затем журавля. Мальчик с восхищением наблюдал за мной. – Остался последний лист, и у тебя тоже есть лист. Делай, как я! И всё непременно получится.

Мы положили листки бумаги перед собой и начали сворачивать. Я командовал, как настоящий взрослый: – Сначала я, потом ты. Снова я, и опять ты. Вот так, у тебя здорово получается.

Когда мы закончили, у нас в руках красовались два самолётика, а вокруг нас собралась куча любопытных детей.

– У меня есть к тебе предложение, – сказал я.

– Какое? – спросил мальчик.

– Я хочу поменять все свои игрушки на твой самолёт.

– Но ведь я сам его сделал! – произнёс мальчик.

– Это ещё не всё, я научу тебя, как сделать остальные игрушки, а ты научишь друзей!

– Друзей? – робко переспросил мальчик. И все дети вокруг начали галдеть:

– Научи нас! Мы тоже такие хотим. Можешь взять мои игрушки.

– И мои...

– Но у нас больше нет чистых листочков, и нам не из чего мастерить игрушки, – продолжал настаивать мальчик.

– Это не проблема! – ответил я. – Ребята, не могли бы вы принести ещё бумаги?

Дети бросились в рассыпную, но уже через минуту они снова нас

окружили, и у каждого в руках было по листочку, у некоторых даже по два.

– Я с удовольствием покажу тебе, как делать остальные игрушки. Ну так что, ты согласен? В итоге мальчуган согласился и отдал мне страницу, из которой смастерил свой первый самолёт. А затем довольный побежал играть.

Я развернул страницу и увидел в конце истории рисунок. Маленького мальчика с широкой улыбкой и глазами, наполненными счастьем, бегущего впереди друзей с самолётиком в руках. Вернув всё, как было, я запустил самолёт в ту сторону, где стоял Бу-у-к. Он приземлился в открытую книгу и занял своё место среди тысяч историй. Бу-у-к одобрительно кивнул головой.

– Кажется, у тебя выросли..! – сказал Бу-у-к. Я потрогал лицо, и в самом деле...

– Усы – это ничего! Главное, нам удалось победить зависть, – ответил я.

– Верно, Райт.

– Знаешь, Бу-у-к! Раз уж мы нашли и переписали половину историй, можно мне увидеть башню, в которой заключён мой отец?

– Конечно, Райт, я и сам собирался тебя туда отвести.

– Тогда не будем медлить! Всё же у нас ещё остались незаконченные дела, – сказал я. Мы шли несколько дней, за это время мы успели сильно сдружиться с Бу-у-ком. Он вёл себя как ребёнок при каждом удобном случае и рассказал мне множество невероятных историй. Не зря его выбрали хранителем, или не выбирали – про это он мне не рассказывал. И вот, наконец, мы дошли до огромной стены.

– Башня прямо за этой стеной! – сказал Бу-у-к. – Только мы не сможем пройти дальше.

– Почему? – спросил я.

– Раньше здесь были ворота, но на их месте выросло огромное, чёрное дерево.

– Сделай что-нибудь, Бу-у-к!

– Прости, Райт! Я уже говорил тебе: не все истории мне подвластны.

– Но я очень хочу увидеть отца. Ты должен отвести меня к этому дереву.

– Это я сделать могу, – ответил Бу-у-к. Когда мы пришли, я увидел огромное уродливое, искорёженное дерево, с засохшими ветками практически без листьев, которое загораживало собой единственный проход к башне.

– Ну всё, Райт! Пора разворачиваться, всё равно нам туда не по-пасть.

– Постой, может быть, это ещё одна страница? – спросил я.

– Вряд ли! Обычно их видно невооруженным глазом, а здесь... ничего нет!

– Я всё же осмотрю дерево! – настаивал я.

– Как хочешь! – сказал Бу-у-к. Стоило мне подойти ближе, в глаза бросилось углубление в коре дерева. Оно очень напоминало по форме перо. «Замочная скважина?» – подумал я.

– Смотри, Бу-у-к!

– Раньше этого не было! – удивился он. Я достал перо и приложил его в надежде на чудо. Но ничего не происходило.

– Наверное, мы делаем что-то неправильно, – предположил я.

– Тебе решать, Райт. Уйти или остаться!

– А если я выберу остаться?

– Дело твоё, – сказал Бу-у-к.

– Не знаю, как объяснить тебе, я чувствую, что с этим деревом что-то не так!

– Оно засохло, – рассмеялся Бу-у-к. Но почти сразу перестал, увидев моё серьёзное лицо. – Ну что хочешь, Райт, что мне сделать?

– Ничего, я сделаю всё сам.

– Зачем ты роешь землю возле дерева? Перестань, Райт!

– Ему надо помочь!

– Что ты придумал? – спросил Бу-у-к.

– Я обломаю старые ветки и взрыхлю землю, тогда дереву станет легче. Бу-у-к, ты не мог бы придумать, как его полить, когда я закончу?

– Хорошо, подумаю, – ответил Бу-у-к. Так прошёл целый день. Темнело. Бу-у-к открыл книгу, и перед нами снова вырос дом.

– Значит, мне не привиделось, в прошлый раз? – спросил я.

– Заходи, скоро будет дождь! – ответил Бу-у-к.

– Но на небе ни облачка.

– Делай, как я говорю! – сердито сказал Бу-у-к. Мы зашли в дом. И практически сразу уснули. На следующее утро, когда мы проснулись, нашему восторгу не было предела. Дерево расцвело. Выбежав наружу, Бу-у-к закричал:

– Невероятно! Ты снова меня удивил, Райт. Думаю, стоит ещё раз попробовать.

Я подошёл к замочной скважине и приложил перо. На этот раз всё получилось. Яркое свечение ослепило нас, дерево растворилось в воздухе, и перед нами возникла девушка, невероятно красивая, на животе у неё

красовался рисунок, напоминающий моё перо.

– Я не могу в это поверить! – восторженно закричал Бу-у-к. – Муза, это ты? Я думал, что больше никогда тебя не увижу.

– Кажется, это твоё, – обратилась она ко мне, протягивая страницу. – Ты не побоялся ухаживать за уродливым деревом и помогал тогда, когда все предпочитали обходить стороной. Тем самым спас меня, позволив расцвести вновь и вернуть красоту.

Я посмотрел на страницу, в конце истории был нарисован Бу-у-к, обнимающий Музу на фоне огромного, раскидистого, цветущего дерева.

– Осталось одна! – произнёс я и отдал третью страницу Бу-у-ку.

– Осталась только злость, – поправил меня он. – Послушай, Райт, я рассказал тебе: всё то, что произошло с тобой, не случайно. Один раз в тысячу лет хранитель историй меняется. Сегодня ровно тысяча лет с тех пор, как я сменил прежнего хранителя.

– Сначала мы думали, что это твой отец, – сказала Муза.

– Но теперь я уверен, что это ты, – продолжил Бу-у-к. Дальше мы не можем пойти с тобой, теперь всё зависит только от тебя, станешь ли ты новым хранителем или поддашься злости и окончательно разрушишь мир историй.

С этими словами Бу-у-к передал мне книгу.

– Я не знаю, как ею пользоваться! – сказал я.

– Это очень просто: открой книгу и представь все, что ты хочешь. Желаю удачи! И да, Райт, борода тебе идет, оставь её! Детям непременно понравится.

– Борода?

Я открыл книгу и представил зеркало. Оттуда на меня смотрел бородатый мужчина с непостижимо добрыми глазами. Когда я закрыл книгу, то понял, что остался один. Надеюсь, мы ещё увидимся, Бу-у-к.

Я прошёл за стену и увидел ту самую башню, про которую рассказывал Бу-у-к. От её величия меня сковал страх. «А что если у меня не получится?» – подумал я. Собравшись с мыслями, я вспомнил всё, чему учил меня Бу-у-к. Так... надо просто открыть книгу... и представить... представить всё, что захочу. Когда я в первый раз открыл книгу, из неё посыпалось конфетти, во второй раз меня засыпало снегом, а в третий и вовсе вылетели пчёлы. Радостный от конфетти, замерзший от снега и покусанный пчёлами! Да, хранитель что надо! Думаю, пора с этим завязывать. Я зажмурил глаза, открыл книгу и представил, как башня возвращается на одну из страниц. А когда вновь открыл глаза, то увидел, что её больше нет.

– Ю-ху, по-лу-чи-лось! – я вопил как ребёнок. Теперь понимаю,

почему Бу-у-к так себя вёл. Но счастье длилось недолго.

– Кто это тут так орёт! – раздался злой голос. Я повернулся и увидел своего отца, только он был маленьким, на вид ему было столько же, сколько и мне, когда я встретил Бу-у-ка: лет двенадцать.

– Чего уставился? – продолжил он. – Если тебе нечего мне сказать, тогда уходи и не возвращайся.

– Я слышал, ты любишь писать! И у тебя получаются удивительные истории, а мне как раз нужен помощник, – начал я.

– Не люблю! – закричал Папа.

– Почему? – спросил я.

– Потому что мои истории плохо заканчиваются! – ответил он.

– У меня есть отличный подарок для тебя. Ты любишь подарки?

– Кто же их не любит! – воскликнул Папа.

– Отлично! – Сунув руку в карман, я старался найти последнюю вещицу, что взял из дома. – Сейчас, сейчас... а-а-а нашёл!

– Что это? – удивился Папа.

– Это ластик! Он волшебный!

– И что в нём особенного?

– С его помощью можно исправить любую историю. Ну что, теперь ты согласен стать моим помощником? – Папа схватил ластик и скрылся за ближайшим деревом, а когда появился снова, то сказал:

– Согласен!

Я не стал спрашивать, что он там делал. Мне в голову пришла одна замечательная идея.

– У любого помощника должно быть имя. Ты не против, если я буду звать тебя Пап?

– Нет, не против, – ответил он.

– Тогда нам пора в путь! – И мы пошли прочь от этого места. – Т-с-с, тише, слышишь? Кажется, это шелест страницы.

– О чём это ты? – спросил Пап.

– Так, ни о чём! – ответил я. Открыв книгу, что дал мне Бу-у-к, я представил последнюю страницу, на ней был мальчик, стирающий ластиком слово «злость»... кажется, получилось. Я улыбнулся и закрыл книгу...

– Пап, а ты веришь в сказки?..

ТАТЬЯНА АНДРОНЕНКО, 2001 г.р., Ангарск

Училась в школе №27 с углублённым изучением английского языка. Участвовала в областном конкурсе «Живинка» (2016-2020), в областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2018», в международном литературно-художественном конкурсе «Эхо Земли» (2017), в конкурсе проектов-исследований «Слово о земляке: биографии, творчество писателей-сибиряков глазами школьников» в рамках проекта-исследования «Литературная Сибиряда: слово о поэтах и писателях-земляках» (2019). Публиковалась в сборнике стихотворений и рассказов Дворца творчества детей и молодежи «Метафора» (Ангарск, 2019).

ДАР АЛХИМИКА

Участник Областного конкурса «Зима фантаста» в номинации «Фэнтези»

Треск дров в очаге, запах эля и сидра в воздухе, ненавязчивая мелодия лютни, звук метели за окном... Да, история началась в какой-то таверне, которая как нельзя кстати подвернулась двум путникам – они бродили по окрестностям, ища укрытие от непогоды, – трактирщик же обрадовался их появлению, хотя его скорее интересовали монеты: в последнее время народу в его заведении останавливалось мало. Двое незнакомцев первым делом подошли к очагу и скинули с себя капюшоны: теперь все видели их острые уши и немного угловатые черты лица. Высокий эльф помог своей

спутнице снять меховой плащ, и к ним тотчас подбежал мальчишка спросить, не желают ли они чего-нибудь? Они попросили подать эль и луюбую горячую похлёбку, паренёк побежал на кухню, а путники подошли к трактирщику, чтобы оплатить еду и ночлег. Девушка протянула мешочек с монетами, и только сейчас владелец таверны заметил, что она слепая и необычно бледна даже для эльфа. Пытаясь улыбнуться, он взял монеты, пересчитал, вписал имена в книгу постояльцев и выдал ключи. Но путники не пошли в номер, а предпочли с бутылкой эля остаться у очага, отогреться и поесть. Время они коротали за разговорами, поначалу их беседа была тихой и спокойной, однако потом они общались не стесняясь. И трактирщик невольно подслушал пару рассказов, из которых узнал, что его постояльцы – искатели приключений, они часто попадали в разные передряги, но всегда справлялись с ними сообщая, и свое нынешнее положение эльфы расценивали как начало очередной истории.

– Как думаешь, сколько мы здесь будем без дела?

– Не знаю. Вот скажи мне, Вейнар, сколько спокойных дней ты запомнил за всю нашу бродячую жизнь? – эльфийка потёрла руки и задумчиво посмотрела на огонь, хотя она видела больше сгусток какого-то света, нежели привычное всем пламя. Её спутник отпил эля и попытался вспомнить хоть какой-нибудь «тихий денёк».

– Самая спокойная неделя была года два назад.

– Когда мы переплывали южное море? – девушка поправила сушащийся у очага меховой плащ.

– Да, с нами ничего не происходило: ни шторма, ни морских призраков, ни рифов, да нас даже не укачивало. Скучная выдалась тогда поездка.

– Думаю, дольше трёх дней мы тут не задержимся, – она прислушалась, – вьюга уже поутихла, к утру мы сможем отправиться в путь.

– Да? А есть идеи куда? Райла, мы не можем бесцельно идти по дороге, мы так все деньги на эль в тавернах спустим, – он улыбнулся и отпил ещё немного из бутылки.

– Утром что-нибудь придумаем, но если хочешь, я спрошу у трактирщика, может, он подскажет что-нибудь?

Эльф тихо хихикнул:

– Не стоит, этот бедолага как-то косо на тебя смотрел, хотя обычно на твой альбинизм реагируют куда сильнее. Я сам спрошу, – он поставил бутылку на камин. – Заодно узнаю, как там похлебка.

– Хорошо, я тебя тут подожду... – Райла слушала, как кто-то играет на лютне, Вейнар заметил это и решил не упускать возможности для шутки.

– Не заигрывай с бардом, я-то все вижу.

– Иди уже, шутник.

Долго ждать не пришлось: трактирщик не знал никаких интересных слухов, а похлебка была уже готова. Поев, эльфы, наконец, отправились в номер. Комнатка оказалась скромной, но чистой, и к тому же имелось две кровати, а сейчас эльфы о большем и не мечтали. Они улеглись в предвкушении мгновенно провалиться в сон, однако уснуть не удавалось, несмотря на то, что веки казались тяжелее дубовых ставен. И вот, когда Райла уже засыпала, Вейнар вдруг начал разговор:

– Слушай, я тут подумал и понял, что не понимаю, как ты видишь и ориентируешься в пространстве. Я знаю, что ты с рождения слепая, что это все кровь твоей бабки. Но ведь ты не беспомощная: ты зачастую не спотыкаешься, знаешь, в какой стороне собеседник, значит, что-то ты можешь различать? Но как именно выглядит мир твоими глазами?

Девушка, лёжа на спине, приоткрыла глаза, перевернувшись на бок и устало осмотрела друга.

– Я вижу немного, не знаю, как объяснить, но это тоже от бабушки. У неё особая предрасположенность к магии, она могла излучать какие-то волны энергии и видеть предметы, которые их отражали, а ещё она чувствовала другие источники, ими могут быть люди, эльфы, животные, огонь, – Райла зевнула, прикрыла глаза, – нагретый камень, дорога в солнечный день и прочее...

– А можешь отличить двух людей друг от друга? Близнецов?

– Я вижу всё пятнами в темноте, поэтому нет, ну только если эти близнецы не заговорят. У меня острый слух, острее, чем у всех наших собратьев, он тоже очень помогает, я слышу каждый шорох в районе ста шестидесяти футов... – она приподнялась на локте и замолчала.

– Ну, каждый шорох, и? – она шикнула на него и, стараясь не шелестеть одеялом, села. Вейнар тоже затих: он понял, что Райла подслушивала разговор трактирщика со своим сыном, они разговаривали на первом этаже, тихо и неразборчиво. Однако, похоже, эльфийка ясно все слышала. – Ну, о чем они там шушукуются?

– Тише, он сказку рассказывает.

– И что же? Решила детство вспомнить? Я-то думал ты уже взрослая девочка... – она опять шикнула на него, даже не оценив шутку. Они просидели молча около десяти минут. Наконец, девушка была готова поделиться информацией.

– Это не столько сказка... История походит больше на местную легенду: трактирщик рассказывал, что его прапрадед знал великого алхимика, который лечил всех одним зельем от всякой хвори, богатства себе он

нажил большие, но они и рецепт зелья похоронены с самим алхимиком.

– Интересно, сколько в этом правды, а сколько выдумки?

– Я так поняла: склеп недалеко, к югу отсюда, на холме посреди леса, так что мы можем сами всё выяснить завтра.

– Кажется, у нас появилась цель на пути и повод хорошо выспаться – лазить по гробницам довольно утомительно, – Вейнар взбил подушку и улёгся поудобнее. – До доброго утра, Райла.

– До доброго утра.

Проснулись они около десяти утра, быстро проверили свои припасы, снаряжение, купили солонины и хлеба у трактирщика, у него же Вейнар решил ненавязчиво узнать, какие есть гробницы в округе. На юге, в нескольких часах ходьбы, действительно был склеп, однако никто не знал, как в него попасть: главный вход обрушился пару лет назад. Но эта новость не остановила наших героев, они уже настроились на приключение. Надев плащи, эльфы вышли из таверны.

На улице Вейнар достал компас, определил юг, сверился с картой, отметив верный путь. Фортуна улыбалась им: сияло солнце, блистал свежий снег, а значит, Райла могла идти сама, ориентируясь на свет. Ночная метель замела всю дорогу, но эльфы не унывали. Пара часов по снежной степи, намётам и небольшим сугробам, и вот уже – южный лес. Эльф вновь посмотрел на карту и компас:

– Мы не сбились! Теперь нам нужно найти холм и как-то пробраться в гробницу.

В лесу идти было труднее: Райла местами чуть ли не по пояс проваливалась в снег, Вейнар же в силу своего роста мог спокойно пробираться через любые сугробы. В какой-то момент эльфийка опять неверно ступила и съехала в глубокий провал:

– Я больше не могу так идти, – она вылезла из ямы и легла на спину, – ты видишь холм?

– Нет. Можем сделать перерыв.

– Я не против... Должна же быть тропа, это ведь не забытый богами склеп. Нет ли рядом деревьев с метками или лентами?

– Нет, может, с высоты что-нибудь увижу? – он оглянулся, подошел к сосне. – Жди меня здесь, я сейчас вернусь.

– Да куда я денусь с таким ростом в таком лесу?

Взобравшись на дерево, эльф начал рассматривать лес:

– А отсюда ты кажешься ещё меньше!

– Вокруг смотри, шутник чертов! Видно чего?

– Да! – он начал спускаться. – Чуть на восток видно какие-то камни, похожи на обломки каменных колонн.

– То есть мы рядом уже?

Вейнар, наконец, спустился:

– Да, метрах в ста должен быть вход. Я пойду вперёд, а ты догони, как сможешь.

– Язвишь, как всегда. Ладно, иди, по твоему следу будет даже проще.

Через четверть часа Вейнар уже был у разрушенного входа в гробницу, он пытался найти вход во время отсутствия Райлы, но безуспешно. Еще через четверть подоспела и сама эльфийка. Вместе они смели весь снег с камней, проверили все щели, но камни лежали плотно, без единой лазейки.

– Должен же быть какой-то способ пробраться внутрь! – девушка пнула камень, тот отлетел в сугроб.

– Что если разгрести завал?

– Не выйдет, всё примерзло намертво, да и валуны нам не по силам.

– Я обойду вокруг, может, есть потайной лаз?

– Иди, я просканирую камни, здесь вполне мог быть скрытый вход.

Райла провела рукой перед камнями, еще раз, какой-то из них странно реагировал на магию, он будто поглощал всю энергию. Эльфийка потянулась к странному валуну, он был за упавшей колонной на расстоянии вытянутой руки, девушка постучала по нему – полый:

– Вей! Я что-то нашла! Но мне нужна твоя помощь.

– Хорошо! Уже иду!

– Просто, я готова поспорить, что нашла камень с рычагом, только дотянуться до него не получается.

– Ну, показывай какой.

– Там, за колонной.

– Это не камень, это кусок стены, – он наклонился, протянул руку, нащупал паз, повернул рычаг. Послышался скрежет камня. – Ух ты! Что-то где-то открылось!

Открылся потайной лаз, но часть его тоже обрушилась, хотя через него вполне могла пролезть Райла. Девушке пришлось скинуть рюкзак и плащ, чтобы пробраться внутрь. Там она обнаружила большую трещину в потолке, через которую виднелось солнце. Эльфийка тут же сообщила о своей находке Вейнару. Он обошёл, в этот раз уже полностью, холм, нашёл расщелину и, предварительно привязав верёвку к ближайшему дереву, спустился внутрь.

– Что ж, теперь остаётся найти главный зал и не угодить в ловушки.

– А ты здесь уже ловушки усмотрела? – он зажег факел. – И как же ты увидела их?

– Я вижу, – она показала на тёмный коридор, – свет, там магическая ловушка, а значит, она здесь не одна.

– Будем идти аккуратно, нежить есть?

– Не знаю, ничего не вижу, но это ведь гробница для алхимика, с чего бы тут быть куче других мумий?

– Логично, давай сюда руку, – он дал ей факел и взял за свободную руку, – держись за мной, я проведу через нажимные плиты.

– Хорошо, я скажу, когда тебе нужно будет использовать магический щит.

Эльфы старались идти медленно, аккуратно обходя ловушки. Эта гробница мало чем отличалась от остальных, в ней также было ужасно тихо, пыльно, душно. Тут такие же типичные ловушки от мародеров, отличалась она только количеством мертвецов в ней – их меньше обычного, хотя здесь побывало много приключенцев, их кости и полуистлевшие тела лежали на каменном полу – когда вход обрушился, о гробнице начали забывать.

– За поворотом используй заклинание эгиды, иначе в нас прилетит огненный шар.

– Как-то слишком тихо, тебе не кажется? – он призвал магический щит. – Ты точно не чувствуешь жизнь в мертвецах?

– Ты сам-то понимаешь, как это звучит? – она улыбнулась и ещё раз оглянулась. – Мы тут единственные, кто жив.

Они без особого труда обошли ещё одну ловушку, но, к удивлению, оказались в небольшой зале, в центре которой было несколько углублений в виде разных знаков. И трупов в этой комнате было больше, чем в предыдущей.

– О, головоломка! – Вейнар отпустил руку Райлы и зажег жаровни. – Так-то лучше, хоть символы видно. Только не говорите мне, что здесь нужна жертвенная кровь!

– Вей, тут резная табличка на полу, прочти, пожалуйста.

– А? – он присел рядом, поднёс факел поближе к полу. – Тут что-то про «целебное питьё», состоящее из «слёз леса и неба, из плоти земли и сердца огня». Хм, аллегии...

– Слезами является вода, – эльфийка достала флягу, понюхала и налила воды в два углубления с соответствующим знаком.

– Я так полагаю, плоть – это камень, – он посмотрел на одно из

углублений, – но как камень положить сюда?

– Песок. Насыпь туда песок.

– Хорошо, но если мы умрём, то я не виноват.

– Если перед последним элементом использовать эгиду, то будем жить.

– Сердце огня, – он посмотрел на спутницу, – есть идеи?

– Сюда могут подойти раскаленные угли.

– Как хорошо, что я зажег жаровни, – Вейнар встал, взял шлем с одного из трупов, и набрал в него углей. Райла надела перчатки и взяла шлем.

– Призывай щит. Если мы неправильно отгадали, то поляжем рядом с ними, – она головой указала на владельца шлема. – Готов?

– Да, насыпай.

Как только угли коснулись углубления, послышался скрежет камней... Дверь в главный зал открыта! Они прошли в него, по всей комнате стояли склянки с какими-то, скорее всего, редкими ингредиентами, стопки древних книг в идеальном состоянии, сундуки, доверху наполненные золотом и драгоценными камнями. А в центре располагался саркофаг того самого алхимика. Вейнар начал складывать камни и золото в мешок, а Райла осматривала свитки и книги, ища рецепт зелья.

– Этих денег нам хватит на год! – Он посмотрел на подругу, но не заметил её радости. – Что ты ищешь?

– Рецепт...

– Ну, раз его тут нет, то он в гробу.

Она подошла к саркофагу, попыталась сдвинуть крышку.

– Зачем тебе это зелье?

– Помоги мне.

– Нет, пока не скажешь, зачем тебе так хочется потревожить прах главной мумии.

– Я устала, – она опустила голову и нахмурилась, будто вспомнила что-то неприятное. – Устала жить и не видеть мир, как все. С детства я не могла играть со сверстниками, я не могла читать, нормально ходить! Всё своё время я проводила с бабушкой, она пыталась научить меня видеть волны, видеть хоть что-нибудь... А потом, когда я училась в академии... – Она вытерла слёзы. – Ты сам знаешь, как ко мне относились. Если б не ты, меня бы просто...

– Я всё помню, не переживай, – он подошёл к ней, обнял. – Просто я думал, что ты уже адаптировалась и отпустила прошлое. Прости, я не догадывался, что ты здесь только из-за рецепта.

– Ты сможешь?

– Ну, а куда я денусь, конечно. Но если мы умрём, то я не виноват, – он улыбнулся и сдвинул крышку. Практически истлевшая мумия сжимала свертки. Райла аккуратно вытянула пергамент, но не успела прочесть, что-то схватило её за руку. Вейнар попытался помочь, но вдруг весь склеп содрогнулся.

– Кто потревожил мою могилу?! – грозный голос, кажется, пробудил всех мертвецов от вечного сна.

– А я говорил, – эльф призвал магический меч и отсек руку мертвеца. – Жги их! – Девушка выставила ладони и выпустила мощную волну магического света, нежить загорелась. Но некоторые пришли из другой комнаты. Вторая волна, – и остались лишь единицы. Их уже мечом добил Вейнар.

– Пронесло, а могли бы и вовсе не тревожить мертвецов, – но спутница не ответила ему: она смотрела куда-то вверх. У эльфа поползли мурашки по коже. – Что такое? Что ты видишь?

– Я не знаю, но оно живое.

– Я слышал ваш разговор, – все тот же голос, что разбудил мертвецов, теперь говорил спокойным и уверенным тоном. – Моё творение тебе не поможет: твоя слепота – не недуг, не проклятье, это то, что дано тебе от предков, а это никакое зелье не вылечит. Что до душевных ран, то и тут оно тебе не поможет, только время и ты сама или ближний. Оставь свиток, – Райла положила свиток на место, закрыла гроб. – Ни к чему тебе завидовать, ты и без того видишь больше других, но самое главное упускаешь. Ступай со своим спутником и не тревожьте боле мертвых.

Эльфы выбрались из гробницы, выдохнули, смотали верёвку:

– Меня не слушаешь, так, может, дух тебе глаза откроет? – Вейнар показал большой мешок с сокровищами. – Если всё это продать, то тут на дом хватит!

– А нам он зачем, если мы кочуем?

– А не пора ли остепениться? Просто представь: милый домик у озера, ты сможешь посадить все цветы, которые так любишь, у нас будет крыша над головой, место, куда мы сможем всегда вернуться, – он взял её за руку. – Никто не запрещает путешествовать, просто мы будем делать это реже.

– Это что, предложение?

– Не исключено, но если ты не хочешь, то мы можем просто жить вместе.

– ... Нет-нет, почему нет, я буду только рада...

АННА МАСЛЕННИКОВА, 1991 г.р., Иркутск

Родилась в поселке Жигалово Иркутской области. Автор детских сказок, журналист, педагог, соорганизатор праздника чтения «День Ч» в Усть-Куте и Иркутске. Окончила Байкальский государственный университет по специальности «Журналистика». Магистрант Московского городского педагогического университета по направлению «Проектирование и сопровождение программ в сфере чтения детей и молодежи». Прошла курс CreativeWritingSchool «В гостях у сказки: пишем для детей» – 2020. Прозу для детей пишет с 2016 года. Победитель конкурса «Добрая книга» – 2016, Литературного питчинга Первого иркутского международного книжного фестиваля – 2017. Участница Всероссийского литературного фестиваля им. М.Анищенко в Самаре – 2016 и 2018. Публиковалась в литературном журнале «Молодежная волна».

СЛАВИК – СЛОН-НЕВИДИМКА

Сказка

Славик

Славик был обычным цирковым слоном. Его привезли в сибирский город N из далекой жаркой Африки, когда он был совсем маленьким

слоненком и весил от силы килограммов сто пятьдесят.

Сначала Славик тосковал по родным местам: не хватало палящего солнца, бескрайнего неба, просторов саванны. И мамы, конечно, – ведь она осталась там, в Африке.

Но уже скоро слоненок понял, что и в цирке очень здорово жить. Огромный разноцветный купол ничем не хуже небосвода, прожекторы светят даже ярче, чем солнце, да и арены вполне достаточно, чтобы побегать и порезвиться. А главное – если там, в Африке, он был всего лишь слоником – одним из сотен, то здесь, в цирке, стал настоящей знаменитостью!

По просьбе дрессировщика он садился, ложился, вставал на задние ноги, кружился в вальсе. А еще выполнял любимую зрителями операцию «Секретный Хобот»: незаметно похищал у клоунов их цветастые колпаки во время представления. Бим и Бом каждый раз удивлялись и изумленно разевали рты. Публика аплодировала, ребята хохотали, Славик кивал головой, смешно размахивая ушами, а конферансье приговаривал: «А слона-то мы и не заметили...».

Конечно, поначалу слонику хотелось выполнять и другие трюки – жонглировать, например, или глотать горящие шпаги. А еще – ходить по канату, протянутому под самым куполом, балансируя с шестом в хоботе. Но ему, увы, не разрешали: он же слон!

Впрочем, Славик не сильно и расстраивался: славы у него и без того было предостаточно. Он красовался на всех цирковых афишах, а после представлений с удовольствием раскачивал на хоботе малышей.

Фокусник Бам

Из разговоров цирковых артистов слоненок узнал, что в город N пришло лето. Да еще какое! Почти что африканское! Палящее солнце плавало асфальт. И людей тоже плавало. Они штурмовали ларьки с мороженым и купались в фонтанах. А вечером приходили в цирк – там было и прохладнее, и веселее.

Но, увы, июньская жара добралась и до арены. И ударила старенького фокусника Арчибальда Тимофеевича по голове прямо в разгар его выступления. Старик вытаскивал из цилиндра белого кролика и вдруг упал.

Зал ахнул, испуганный кролик спрятался обратно в цилиндр. На мгновение стало тихо. А потом прибежали дяденьки в белых халатах и увезли Арчибальда Тимофеевича в больницу, строго-настрого запретив ему цирковые выступления. И еще порекомендовали немедленно выйти на пенсию и уехать из города. «Меньше нервов, больше воздуха!» – так

они ему сказали.

Старый фокусник не стал испытывать судьбу и последовал совету врачей. Выписавшись из больницы, он попрощался с цирком, в котором отработал без малого полвека, и отправился на Байкал. Там его давно уже дожидался старенький бревенчатый домишко – дом его детства. Волшебный черный цилиндр фокусник прихватил с собой.

Славик был уверен, что дедушка Арчи и в деревне не скушает – наверняка превращает голомянок в нерп и обратно. Это он запросто!

Одним словом, с Арчибальдом Тимофеевичем все было в порядке. Чего нельзя было сказать о цирке. Выступление фокусника было одним из главных номеров в программе.

– Цирк без фокусника! Да разве ж это цирк?! – седовласый директор Рудольф Андреевич носился по арене, размахивая руками. Труппа согласно кивала: «Да, какой же это цирк!» и качала головами: «Нет, конечно, это не цирк». Славик кивал и качал тоже.

– Найти где угодно! Кого угодно! За любые деньги! Задача ясна?

Задача, конечно, было ясна. Но трудновыполнима. Для слоника, по крайней мере, точно. У него в этом городе не было ни одного знакомого фокусника (кроме дедушки Арчи), да, впрочем, и в любом другом городе – тоже.

Помогли клоуны Бим и Бом. Уже на следующий день они привели в цирк Бориса Александровича Малинкина – маленького, худенького дядечку с бегающими черными глазками.

Наперебой начали представлять кандидата в фокусники:

– Он когда-то с нами выступал.

– Клоун Бам.

– Но это не важно.

– После цирка химию в школе преподавал.

– Превращения разные – это по его части.

– Уж кролика-то из шляпы он точно достанет.

– Вообще он мастер иллюзий.

– Талант!

– Самородок!

Славик посмотрел на директора. Директор – на «самородка» Бама.

– Хм... – Рудольф Андреевич явно сомневался в способностях бывшего клоуна, а ныне химика. – Ну, пусть попробует. Покажите ваш номер, Борис Александрович.

Фокусник мигом преобразился, собрался, выпрямился. Глазки его перестали бегать. Он уставился на директора цирка и вдруг... исчез!

Славик глазам своим не поверил! А потом и хоботу: ведь Борис

Александрович, вновь материализовавшись, оказался именно на нем!

– Bravo! – директор захлопал в ладоши. – Отличный номер. Его и покажете сегодня вечером. Славик, поможешь дяде Боре!

Так у цирка появился новый фокусник-иллюзионист. А у Славика – еще один номер. Правда, выступить с ним получилось лишь один-единственный раз. И вот, как это произошло.

Исчезанто!

В цирке было очень людно – яблоку негде упасть. Славик выглядывал из-за кулис, изучая публику. Очень уж они ему нравились, зрители. Особенно маленькие – мальчики и девочки. Они были яркими, много смеялись, с большим аппетитом уплетали сахарную вату и изо всех сил дудели в «тещины языки».

Взрослые дяди и тети были куда менее заняты. Они сидели прямо, будто проглотили по шпаге факира, подозрительно смотрели по сторонам и то и дело одергивали своих детей: «Сядь прямо», «Не крутись», «Не смейся так громко». Вот чудные! Зачем же смеяться, если не громко? Зачем сидеть, как истукан, когда вокруг столько интересного?! Нет, слоник решительно не понимал этих странных взрослых!

– Славик, хватит шпионить, иди на место, – Рудольф Андреевич похлопал слона по хоботу. – Готовься к номеру. Сегодня первыми выступают Бим и Бом.

Грянула музыка. Директор цирка в серебристом переливающимся костюме и накрахмаленной белоснежной рубашке вышел на арену под бурные аплодисменты зрителей и радостные крики детей. Представление началось!

Зал хватался за животы и животики от смеха, наблюдая за Бимом и Бомом. Славик грациозно похищал клоунские колпаки и купался в лучах славы (ох, как он это любил!). Акробаты показывали настоящие чудеса. Дрессированные собачки танцевали вальс и ламбаду. Львы и тигры играли с дрессировщиком в мяч. Зрители были в восторге.

Славик волновался и радовался: приближался его новый выход.

– Почтенная публика, впервые в нашем цирке – маг и чародей, мастер иллюзий и превращений Бориссио!

Бориссио (он же дядя Боря) вышел на арену. На голове его был забавный островерхий колпак, а на плечах – черный плащ, расшитый золотыми звездами. Славик вышел следом и встал рядом с фокусником. Зал замер в ожидании.

– Ой, что сейчас будет... – сказал маленький мальчик в третьем ряду справа.

– Тс-с-с...

Дядя Боря заметно волновался. Утром он был куда более уверен в своих магических способностях. Теперь он стоял на месте, растерянно размахивая худыми руками.

– Ну же, давай! – послышался недовольный шепот директора из-за кулис.

Бориссио пристально посмотрел на Славика, шумно выдохнул и, подняв вверх руки, визгливо крикнул:

– Исчезанто!

Зал замер на секунду, а потом взорвался овациями.

– Bravo!

– Молодец!

– Во дает!

Славик ничего не понимал: по сценарию, в этот момент фокусник должен был исчезнуть. Но дядя Боря был на месте. И – судя по пылающему лицу – нервничал больше прежнего.

– Возвращай его сейчас же! – донеслось из-за кулис.

Бориссио снова выдохнул, снова поднял руки.

– Появлянто!

И еще раз – менее уверенно:

– Появлянто...

По залу пробежал гул недовольства.

– Фокусника на мыло!

– Эх ты, иллюзионист!

Публика была разочарована.

– Быстро за кулисы, Борис, – послышался гневный шепот Рудольфа Андреевича. – Запускайте огненное шоу скорее!

В зале выключили свет, и огнедышащие факиры выбежали на арену.

Славик поспешил за кулисы. Там директор отчитывал расстроенного фокусника.

– Неумеха! Обманщик! Ты куда слона дел?! Где слон, я тебя спрашиваю?!

И тут Славик, наконец, понял. Исчез не иллюзионист, а он, слоник! Он подошел к директору и покачал хоботом перед его лицом. Никакой реакции.

Славика не видели.

После представления вся труппа вышла на поклон. Зал аплоди-

ровал стоя: шоу факиров впечатлило и детей, и взрослых – все быстро забыли о неудачном номере. Никто, кажется, не заметил отсутствия двух артистов – Боррисио (его уволили и выставили из цирка сразу же после неудавшегося фокуса) и слона.

Славик стоял за кулисами, смотрел на арену и плакал. Зал рукоплескал – но не ему. Он стал слоном-невидимкой. Никем. Его не существовало.

Невидимый

В цирке стало тихо. Публика разошлась по домам, взяв с собой отличное настроение и разноцветную сахарную вату на палочках. Разошлись артисты. Ушел – ругаясь и вздыхая – директор цирка.

– Ни фокусника, ни слона. Что за цирк?!

Невидимый Славик вслед за ним вышел на цирковую площадь.

Летом в городе N было очень красиво и хорошо. Фонтан перед зданием переливался в свете фонарей. Парочки прогуливались туда-сюда. Малыши кормили голубей и воробушков и звонко хохотали. Из репродукторов городского радио доносилась детская песенка: «Если добрый ты, это хорошо, а когда наоборот – плохо».

Славик подумал, что слово «добрый» было бы неплохо заменить на «видимый» и, повесив свои большие уши и хобот, сел на бортик фонтана.

Никто не видел его, никто не восхищался им, никто не хлопал в ладоши. Это было невыносимо. Славик втянул хоботом немного воды и полил себе на голову.

– Мама, смотри, вода сама в воздухе льется!

– Не выдумывай, пойдем домой.

– Правда, мам. Ну посмотри!

– Верю-верю, ну что за фантазер!

Женщина в длинном красном платье поднялась со скамейки, взяла сынишку за руку и потащила его к автобусной остановке.

Каблучки звенели: «Цок-цок-цок».

А мальчик все оглядывался и оглядывался на фонтан, пока не оступился.

– Смотри под ноги! Нет там ничего!

И тут Славика осенило. Он был невидимым, а значит, мог делать, что угодно! Все, чего ему давно хотелось! От радости он даже рассмеялся, не на шутку испугав голубей.

– Если невидимый ты, это хорошо... – тихонько напевая и следуя уличным указателям, слоник направился на городскую набережную. Там,

отыскав подходящую лужайку, он растянулся на траве и долго смотрел на небо, пока не уснул, наконец.

Метла-акробат

Солнышко припекало. Славик потянулся и сладко зевнул. Начинаясь новый день – первый день не в цирке.

На набережной было довольно безлюдно: только дворник в оранжевом жилете да пара спортсменов, вышедших на утреннюю пробежку.

Слоник сделал гимнастику – именно так начинался каждый его день в цирке – и неспешно побрел по набережной, раздумывая, с чего бы ему начать. Будучи невидимым, он мог, наконец, осуществить все свои цирковые желания! И никакой Рудольф Тимофеевич не скажет: «Нельзя, ты же слон!».

Размечтавшись, Славик чуть было не попал под машину. Та привезла на набережную рабочих, чтобы заменили перегоревшие лампочки в фонарях. Забравшись в люльку, дядечки в спецодежде поднялись к макушке столба и принялись за дело.

«Высоко, почти как под куполом цирка! – подумалось слонику. – Кажется, есть идея...»

Что если забраться в люльку, оттуда – на столб, а со столба – на провода? Чем не канат?! Но что же взять в хобот для равновесия? Шеста он с собой из цирка не прихватил. Хм... Подойдет метла дворника, точно! Нет-нет, это совсем не преступление: он же только немножко побудет акробатом-канатоходцем и вернет! Это же почти как «Секретный Хобот» с Бимом и Бомом!

Славик бесшумно подкрался к дворнику (тот как раз присел на скамейку передохнуть) и аккуратно взял метлу за черенок. Дворник смотрел на переливающуюся в утреннем свете реку и не заметил, как метла улете-ла от него по воздуху и «припарковалась» рядом с машиной электриков.

Пока все шло по плану, Славику везло. Рабочие, заменив очередные лампочки, подошли к краю люльки и тоже залюбовались рекой. Такой шанс нельзя было упустить. Крепко держа метлу в хоботе, Славик начал свое невидимое восхождение – с земли на машину, с машины – на люльку. От тяжести она опасно накренилась, рабочие вскрикнули, но слоник уже прыгнул на столб и начал раскачиваться там, на самой верхушке, ловя равновесие. Люлька покачалась тоже – и замерла.

Застыли в недоумении и электрики: в воздухе висела метла. Сначала над столбом, потом – левее, еще, еще... Провода задрожали, закрипели, прогнулись и – лопнули.

Метла свалилась на землю. Нечеловеческий крик огласил набе-

режную. К нему присоединился и вполне человеческий – рабочих и дворника, который заметил, наконец, что вытворяет его метла, и примчался к столбу.

Через несколько минут к месту происшествия прибыли восторженные журналисты (еще бы, такая сенсация): летающая метла оставила без электричества центр города!

Рабочие меняли провода, а обескураженный дворник давал интервью. Оказалось, что его троюродная прабабушка по отцовской линии была знахаркой, но он и предположить не мог, что ее способности смогут передаваться ему – а тем более его метле.

Метла, однако, больше не летала, как ни «колдовал» над ней хозяин. Лежала себе на травке и бездействовала. Журналисты пришли к выводу, что магический механизм сломался из-за контакта с электричеством, и уехали готовить сюжет.

Где же был Славик? Да тут же, рядом. Он сидел на лужайке под деревом и горько плакал. Никакого канатоходца из него не получилось – это раз. Вся слава досталась не ему, а какой-то метле – это два.

Факир

От грустных мыслей Славика отвлек вой сирены. Большая красная пожарная машина, мигая синими огоньками, мчалась по улице.

– Пожар! – догадался слоник.

И тут же вскочил на ноги. Ведь пожар – это огонь. Где еще тренироваться в поедании пламени, как не там?! Он бросился догонять пожарную машину, лавируя между автомобилями и пешеходами.

Наконец, и пожарная машина, и невидимый слоник были на месте. Горел двухэтажный старенький деревянный дом в центре города. К счастью, в огне никто не пострадал: в покосившемся старом здании давно никто не жил, кроме бездомных кошек и собак. Они выбежали из загоревшегося дома, как только почувствовали запах гари, и теперь мяукали, и гавкали, сидя на тротуаре неподалеку.

Встав рядом с пожарной машиной, Славик принялся ловить хоботом летящие во все стороны искры. Огонь неприятно обжигал слоника. И как только факирам удастся не только заглатывать горящие шпаги, но и дышать пламенем?!

Подыскав полыхающую головешку, которая совсем недавно была резным наличником, Славик попытался отправить ее в рот, но не смог и пары секунд удержать ее в хоботе. Головешка упала и покатилась по дороге. А Славик запрыгал от боли и, не заметив пожарной машины, врезался в нее. Та вдруг снялась с места и покатилась. Пожарные с ужасом

смотрели, как удаляется по улице их автомобиль, и пытались удержать его за шланги. Но те вырвались из рук и поливали – не полыхающий дом, а их, пожарных. Пламя разгоралось все сильнее, а тушить его было нечем.

Славик недоуменно разглядывал эту картину, словно и не понимал, что он был всему виной. К счастью, в этот момент подоспела подмога – к горящему дому подъехала еще одна красная машина с сиренами, и тушение продолжилось.

Слоника же, если признаться честно, пожар интересовал мало. У него не получилось быть факиром – вот, что было обидно. Пожарные – и те умели совладать с огнем, а он, Славик, не смог. Неумеха...

Жонглер

Убедившись, что факиром ему не быть, Славик решил попробовать себя еще в одном деле мечты.

С самого детства он мог часами, как замороженный, смотреть на кегли, кольца, мячи и тарелки, которые подлетали в умелых руках жонглеров к самому куполу цирка и возвращались снова, не путаясь и не падая на пол. Он восхищался жонглерами и всегда хотел попробовать также. Славика казалось, что это проще простого. Тем более, что у него было не только две передних ноги, вполне пригодных для подбрасывания предметов в воздух, но и отличный, гибкий хобот!

Увы, в цирке ему не позволяли даже близко подходить к кеглям и мячам. А уж тем более – к фарфоровым тарелкам. Но теперь он был невидимым и мог, наконец, пожонглировать вдоволь.

Рабочий день только начинался. Открывались двери магазинов. Увидев «Посудную лавку» с яркими рекламными плакатами, изображающими чашки и тарелки, слон решительно направился ко входу. Автоматические двери при приближении Славика гостеприимно открылись, здорово удивив продавца (ведь на улице никого не было!), и слоник вошел внутрь.

От разнообразия посуды на полках разбегались глаза. Славик аккуратно ходил между рядами, выбирая тарелки для своего циркового представления. В итоге, после долгих и мучительных размышлений («Красные с цветочками или желтые в белый горох?») остановился на классике – белых блюдах с синей каемочкой.

Взяв сразу десяток тарелок, он начал подкидывать их в воздух одну за другой. Блюда должны были подлетать к потолку и по плавной, красивой траектории снова возвращаться в хобот слоника, но что-то пошло не так. Посуда разлеталась в разные стороны, и, пытаясь поймать хоть одно блюдо, Славик опрокинул два стеллажа с кружками и две полки с

кастрюлями.

Страшный грохот стоял в магазине. Испуганный продавец, вытаращив глаза и истошно крича, снова и снова нажимал на «тревожную кнопку».

От этого крика Славiku стало не по себе. Он поспешно бросился к выходу, опрокинув по пути еще пару чайных сервизов и напольную вазу с цветами.

«Кажется, слонам не место в посудных лавках», – горько подумал он.

Понуриив голову, Славик побрел к цирку. Яркие афиши с его изображением выглядели, как настоящая издевка.

Былой славы и след простыл. Никто больше не хлопал ему. Никто не испытывал ни малейшей радости от его новых цирковых трюков – надо признать, не вполне удачных. Никто его не замечал.

«Как плохо, плохо быть невидимкой», – подумал Славик.

Из репродукторов в этот момент донеслось «Друг в беде не бросит, лишнего не спросит». И слоник вдруг просиял.

– Ну конечно, как же я раньше не догадался! Мне нужен дедушка Арчи. Уж он-то наверняка справится с «Появянто» лучше, чем этот хмик Бориссио!

Арчибалд Тимофеевич часто рассказывал коллегам в цирке о своем домике на Байкале, поэтому Славик знал, куда нужно идти, и даже помнил адрес: Садовая, 15. Пощипав травки на газоне перед цирком и попив водички из фонтана, он отправился в путь.

Дедушка Арчи

Дорога оказалась не быстрой. Славик шел вдоль оживленной трассы, старательно прижимаясь к обочине. Машины проносились мимо, поднимая пыль. Солнце пекло нещадно. Иногда слонiku удавалось запрыгнуть в кузов попутного грузовика, но, как правило, проехав несколько километров, водитель останавливался и, озадаченный, приступал к осмотру внезапно потяжелевшей машины. Славик, вздыхая, покидал транспортное средство и продолжал пеший путь.

Уже совсем стемнело, когда он пришел к Байкалу. Дедушка Арчи часто показывал фотографии озера, но в реальности оно оказалось еще величественнее и красивее. В небе загорались первые звезды, а большая желтая луна напомнила Славiku цирковой прожектор. Он тяжело вздохнул и направился к крайнему домику. Его он тоже не раз видел на фотографиях старого фокусника. Впрочем, даже если бы и не видел – сразу бы догадался, что дедушка Арчи живет именно там. Дом был здорово похож

на своего хозяина. Старенький да удаленький. И светящиеся желтым глаза-окна – хитрые и приветливые.

Арчибальд Тимофеевич сидел на скамейке рядом с резным палисадником, доставал из волшебного цилиндра прозрачных голомянок и опускал их в ведро с водой.

Славик подошел поближе и встал, нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

– Богатый улов! – набравшись смелости, наконец, сказал он.

Фокусник нимало не удивился, услышав голос слоника. Достав из нагрудного кармана очки с большими зеленоватыми линзами, он внимательно посмотрел в сторону Славика, подмигнул и улыбнулся.

– Здравствуй, здравствуй, слон-невидимка! Ну, садись-садись, отдохни с дороги, – старик пододвинулся, и слоник сел рядом. Скамейка жалобно заскрипела, но выдержала.

Фокусник взял ведро с голомянками, вылил их в свой цилиндр и, прошептав «абракадабра» и еще что-то непонятно-магическое, достал оттуда белого пушистого кролика. Кролик смешно подергал ушами и ускакал на лужайку.

В соседнем дворе протяжно завывла собака.

– Рассказывай, Славик.

И он начал рассказывать. Дедушка Арчи хохотал до слез, слушая про фокусника-неудачника и его «Исчезанто-Появлянто», и сочувственно вздыхал, когда речь зашла о злоключениях невидимого слона в городе N.

– Я хочу, чтобы меня снова любили. Чтобы радовались, улыбались, в ладоши хлопали, – сказал Славик. – Невидимым слонам никто не радуется и не аплодирует. Помогите мне, дедушка Арчи. Сделайте все как раньше!

Славик всхлипнул.

– Ну-ну, не распускай нюни. Ты умный слон, но ты ошибаешься. Для того, чтобы любили и радовались, тебе совсем не обязательно быть видимым.

– Но как же?!

– Люди радуются и хлопают в ладоши, когда встречаются с добром или с чудом. Порванные провода или разбитая посуда – что же в этом чудесного?

– Но ведь я номер хотел показать...

– Хорош номер! – дедушка Арчи рассмеялся и, немного помолчав, серьезно произнес: – А признайся, Славик, для кого номер? Для зрителей или для себя?

Слоник замолчал, опустил голову и начал выводить невидимым

хоботом каракули на земле.

– Настоящий артист, Славик, старается не для себя, а для зрителей. Их искренняя радость – вот настоящая награда. А не портреты на афишах.

Слону было стыдно. Он действительно всегда думал только о себе. Дедушка Арчи был прав.

– Давай договоримся так. Завтра ты отправишься обратно в город и попробуешь творить добро, оставаясь невидимым. Убедишься, что я прав, – вернешься. Я тебя расколдую. Если тебе захочется, конечно. Идет?

Славик кивнул.

– А что это вы тут с голомянками делали?

Старик рассмеялся.

– Тоже невидимое чудо совершить пытаюсь. Рыбы в озере мало, а браконьеров много. Надо немножко помочь старику-Байкалу. Вот и думаю, как это устроить, без ущерба для кролика, – дедушка Арчи снова хитро подмигнул через свои зеленые очки.

Чудо

Утром Арчибальд Тимофеевич усадил Славика в грузовик соседа Петровича, направлявшегося в город, и поставил туда же пару кулей картофеля – для дочери.

– Ну и картошка! Каменная она у тебя, что ли? Гляди, как кузов накренился! – шофер явно недоумевал. Слоник сидел тихонько, стараясь не шевелиться и не шевелить действительно накренившийся кузов.

– Хорошая картошка, байкальская, – отозвался дедушка Арчи. – Ты до цирка довези, а там уж дочка встретит, заберет.

Петрович пожал соседу руку и забрался в кабину.

– Доброго пути! – дедушка Арчи помахал на прощание и направился к своей скамейке – продолжать опыты с кроликом и голомянками.

Славик возвращался в город вдохновленный и воодушевленный. Он был готов к великим свершениям и подвигам.

К обеду они были на месте. Пока дочь Арчибальда Тимофеевича помогала Петровичу с картошкой, Славик спрыгнул на землю и почти побежал на набережную. Он оглядывался по сторонам в поисках несчастных страдалцев, которых нужно было немедленно спасти и осчастливить, но никого не видел. Только котенка на дереве. Да разве ж это страдалец?!

Слоник несколько раз прошел по набережной туда и обратно, но так и не нашел применения своим великим силам. Все были, как назло, счастливы и беззаботны. Или так спешили по своим делам, что вовсе и не задумывались ни о каких чудесах.

Котенок, между тем, продолжал сидеть на верхней ветке раски-

дистой яблони и жалобно мяукать. А под деревом – и как только Славик сразу его не заметил! – стоял и не менее жалобно плакал рыжий веснушчатый малыш – хозяин котенка. Ветка была слишком высоко – как мальчик ни пытался, он не мог забраться на дерево и спасти своего питомца.

«Вот ведь развели сырость», – подумал Славик. Он протянул хобот, взял котенка за шкурку и усадил его на ветку пониже. В пару прыжков маленький серый комочек оказался на земле.

Малыш перестал плакать.

– Мурзик! – он бросился к любимцу. Котенок замурлыкал, прижимаясь к мальчику.

Слоник наблюдал за всем этим со стороны. Чудо удалось, а ведь он почти и не старался!

Но факт оставался фактом: мальчик был счастлив, котенок счастлив и, что совершенно удивительно, сам Славик – тоже! Без аплодисментов и криков «Браво!».

Первое доброе дело явно удалось. Дедушка Арчи был бы доволен своим учеником. Интересно, как там его голомянки?

Пожар

Ночью Славик долго не мог уснуть. Вспоминал Африку, своих друзей-слоников. И маму. Он посмотрел на небо, усыпанное мелкими бледными звездами, и грустно вздохнул: даже небо мама видела совсем другое – южное.

Славик решил: если Арчибальд Тимофеевич не сможет его расколдовать, он непременно отправится в Африку. Как? Найдет способ. Во всяком случае, невидимому слону это сделать гораздо проще, чем обычному.

Размышления Славика прервал вой сирен. Мимо набережной на высокой скорости промчалась красная пожарная машина. Где-то снова горел дом. Слоник очень хорошо помнил свой неудавшийся номер факира, но почему-то встал с лужайки и побежал за пожарными.

Невысокое почерневшее от старости строение полыхало. Дерево жутко потрескивало. Снопы искр подлетали в воздух, озаряя небо. Бабушка-хозяйка в халате и теплой шали на плечах горько плакала, глядя, как горит ее имущество. Ахала и причитала:

– Хоть бы кактус не сгорел, хоть бы кактус. Он ведь только расцвел у меня, только расцвел... Вы уж потушите, мальчики. Потушите, родненькие.

«Мальчики» активно тушили огонь, но их сил явно было недостаточно.

Славик бродил неподалеку, раскачивая хоботом из стороны в сто-

рону и очень сочувствовал – увы, он ничем не мог помочь...

Или мог?

Ну конечно! У пожарных в шланге вода заканчивается, а его хобот – бесконечный! Река совсем рядом – нужно только добежать, набрать, принести, потушить, снова принести и снова потушить. Озаренный своей грандиозной идеей, невидимый слоник бросился к воде.

Пожарные явно недоумевали: огонь угасал каким-то магическим образом. Или это новые шланги, которые прислали пару месяцев назад, оказались такими «инновационными»?

А бабуля все приговаривала:

– Хоть бы кактус не сгорел.

То, что произошло дальше, было совсем уж магией. Кактус вдруг показался из окна в большом круглом горшке. Пролетел буквально по воздуху и опустился на землю. Хозяйка бросилась к нему, обхватила горшок руками и заплакала от счастья.

Самый молодой пожарный, растрогавшись, смахнул слезу. А слоник стоял на рядом – весь в копоти и саже – и был счастлив. Быть невидимым пожарным у него получилось куда лучше, чем невидимым факиром.

Мячики

Утром Славик прогуливался возле цирка. Рабочие меняли афишу с его портретом на новую – с тиграми и львами. Яркие желтые буквы кричали: «Новая программа в нашем цирке!». Еще совсем недавно такая картина привела бы слоника в полное отчаяние. Но теперь он был абсолютно равнодушен. Нет незаменимых: цирк вполне обходится без Славика, а он – без цирка.

Громкий плач отвлек слоника от философских мыслей. Рыдала маленькая девочка.

«Наша Таня громко плачет, уронила в речку мячик», – почему-то вспомнилось Славику. И совсем не зря. Может, девочку звали совсем не Таней, но мячик она действительно уронила. Правда, не в речку, а в фонтан, и мяч был не один, а целых три. Красный, желтый и зеленый – у жонглера в цирке были такие же. А еще – кегли, кольца, тарелки...

Малышка бегала вокруг фонтана, протягивала пухлые ручки к любимым игрушкам, но никак не могла до них дотянуться. Несмотря на жару, никто из взрослых не спешил броситься в фонтан, чтобы помочь девочке.

Зеваки собирались один за другим.

– Вот незадача, – качали головой одни.

– А нечего было играть рядом с фонтаном! – возмущались другие.

Таких было больше: взрослые почему-то всегда лучше знают, где можно, а где нельзя играть.

Плюхаться в фонтан при таком столпотворении было опасно: Славика, конечно, никто не увидит, а вот брызги вряд ли останутся незамеченными. А брызг будет мно-о-о-о-го – Славик, хоть и не взрослый слон, но увесистый. Физика – наука неумолимая!

Мячики же, как назло, плавали прямо посередине чаши. Нужно было как-то сдвинуть их к краю. Но как?

Словно в ответ на этот вопрос подул легкий ветерок. Вода в чаше фонтана пошла рябью, мячики закачались на поверхности – красное, желтое и зеленое пятнышки.

Эврика! Нужно устроить ветер!

Славик аккуратно, стараясь никого не задеть, пробрался к кромке фонтана и, протянув невидимый хобот, что есть сил, подул в сторону мячиков.

Сработало! Мячи отнесло в сторону. Правда, все равно недостаточно для того, чтобы кто-нибудь из людей мог до них дотянуться. Ведь у них не было хобота. А у Славика был! Он быстро перебежал на другую сторону фонтана и ловко подцепил один из мячей. Раз – лови, девочка. Два! Три! Мячики один за другим, описывая красивую дугу в воздухе, выпрыгивали из фонтана прямо в руки девочке.

– Ничего себе ветер! – недоумевали одни.

– Повезло, так повезло, – кивали другие.

А девочка утирала слезы, пряча мячи в рюкзачок.

«Неплохо сработано», – подумал Славик.

Ему понравилось быть жонглером. Причем не простым, а полезным. Ловко подбрасывать предметы в воздух и ловить их – это, конечно, здорово. Но гораздо здоровей, когда это кого-то делает счастливым.

«Секретный Хобот»

Вечером Славик шел по большой центральной улице. Он с любопытством разглядывал старинные каменные дома, вывески, прохожих. Город N был очень красивым – живя в цирке, он и представить себе не мог, насколько.

В окнах загорался свет. Ребятишки спешили по домам на велосипедах и роликах. Мамочки неспешно прогуливались с колясками. Из репродукторов городского радио доносилось что-то теплое, радостное, светлое, как этот день.

Славик улыбался и думал про Арчибальда Тимофеевича. Вот бы рассказать ему обо всех приключениях! Старый фокусник, должно быть,

гордился бы Славиком и радовался за него.

Так, размышляя о своем добром друге, слоник дошагал до самого конца улицы. Можно было повернуть и идти обратно, в сторону набережной, но ему захотелось погулять еще – по маленьким тихим улочкам, которые так уютно прижимались к центральной, главной.

Славик заглянул в одну, в другую и, наконец, решил пойти по трети. Очень уж название у нее было хорошее – Дедушкина. Там было совсем тихо и пустынно. Тополя приятно шелестели. И цветочки в клумбах приятно шелестели...

И что-то еще – совсем неприятно – шелестело!

Славик притих и замедлил шаг.

Рядом с мерцающей вывеской «Ювелирный магазин» медленно двигались две мрачные тени. Слоник подошел поближе и чуть было не закричал от ужаса. Это были самые настоящие преступники! Про таких обычно писали в разделе «Криминальная хроника» в той газетке, что иногда приносили в цирк Бим и Бом. Лиц видно не было – на головах были натянуты черные чулки с круглыми прорезями для глаз.

Стараясь не шуметь, воры суетились у оконной решетки. Нужно было срочно что-то делать! Что же? Звать полицейских? Но ведь он невидимый – как он их позовет? Громко загудеть, чтобы преступники испугались и убежали? Вряд ли на них подействует, очень уж решительно они настроены.

Пока Славик размышлял о том, как поступить, воры спилили оконную решетку, отключили сигнализацию и проникли в магазин. Золото, серебро, бриллианты, изумруды – тут было, чем поживиться. Злодеи не спешили, разбивали витрины и выбирали лучшие украшения. Да еще и клоунадничали – нашли камеру видеонаблюдения и кривлялись перед ней. Они были в масках и ничуть не боялись быть узнанными.

Славик стоял у взломанного окна и молча наблюдал за всем этим. Зря дедушка Арчи надеялся на него. Тут никакие цирковые способности не помогут, никакие номера...

Кроме... кроме одного!

Что дальше?

Утром весь город обсуждал сенсационную новость. Из репродукторов городского радио тоже слышался взволнованный голос диктора.

В городе N наконец-то задержали воров, которые ограбили уже десяток ювелирных магазинов. Каждый раз им удавалось уйти неузнанными. Более того, преступники словно издевались над полицией – всегда танцевали и кривлялись перед камерами со своей добычей и уходили, не

оставляя никаких улик и следов.

Но в этот раз случилось невероятное. В тот самый момент, когда воры в бриллиантовых ожерельях и колье дурачились перед камерами в своих неизменных черных масках – эти самые маски вдруг покинули головы преступников. Сначала чулок слетел с головы одного вора – длинного и тощего, а следом – со второго – низкого, кругленького. Тот и опомниться не успел.

– На записи ясно видно, как чулки подлетают кверху, будто кто-то невидимый снял их с преступников, – рассказывал радиоведущий. – Над этой загадкой сейчас бьются лучшие эксперты. Так или иначе, благодаря тому, что лица злодеев попали в кадр, их смогли задержать по горячим следам.

«А слона-то вы и не заметили», – смеялся про себя Славик. Он сидел на травке возле цирка, слушал новости и радовался. Номер «Секретный Хобот» удался ему лучше, чем когда-либо.

Рассказать бы обо всем дедушке Арчи!

Обязательно, но не сейчас.

Сейчас нужно сделать еще что-нибудь полезное и хорошее в этом славном городе N!

Он встал, отряхнулся и отправился в путь, оглядываясь по сторонам.

ИГОРЬ КАМЕНСКИЙ, 1995 г.р., Иркутск – Санкт-Петербург

Родился и вырос в Иркутске. Окончил юридический факультет ИГУ и юридический факультет СПбГУ по направлению «Международное право». Аспирант СПбГУ. Работает юристом в юридической консультации.

ОДИН ИЗ ДНЕЙ

Рассказ

Мир умирал. Деревья зеленились вокруг, огромные поля цветов и травы покрывали землю. Воздух был чист и свеж, дул приятный ветерок, трепавший колосья.

Благородные олени чинно шествовали на водопой, над их головами летали птицы. Сытые волки лениво глядели вслед пробежавшим мимо них косулям. Зайцы отчаянно прятались в траве, не подозревая, что им ничего не угрожает.

Блестели реки и моря, переливаясь, играя всеми гранями солнечного света. Неспособные видеть такую красоту рыбки плавали в воде, встревоженные проплывшим мимо дельфином. Огромный кит лениво махнул хвостом и пустил тугой фонтан воды.

Похоже, природа просто не подозревала, что мир умирал.

Но люди знали. Их огромные небоскребы начали трескаться, грозя вот-вот упасть. Плотины выходили из строя, топя города, взрывались

электростанции, ржавела техника. Летящие машины переставали запускаться, прогнившие, насквозь прожженные бензином. Разбитые терминалы стояли в тесных переулках трущоб, но их голограммы были трудно различимы. Почти половину из них скрывал за собой белый шум.

Бесконечные дожди, придававшие городу мрачный, но живой вид, закончились. Стеклянные дома оказались прямо под палящим Солнцем, и можно было увидеть, что они вовсе не красивы. Глупые стеклянные коробки посреди ровных бетонных площадок. Мегакомплексы – еще более несуразные комоды из стали и стекла, наполовину обвалившиеся и облупившиеся. Кучи мусора на улицах, больше не укрытых пасмурной погодой. Все на виду, все блеклое и пустое.

Потому что мир умирал. Целый мир умирал в лице одного человека.

— Доброе утро, мисс Сноу, — механический голос Валентайна чудесным образом ухитрился поднимать настроение. — Ваш завтрак и утренние упражнения ждут вас!

«Процедуры. Это уже давно не упражнения, а процедуры», — подумала Сноу. Не раскрывая глаза, она сказала:

— Иди, разбуди Сэма, и попроси Вика, наконец, заменить его генератор. А я пока еще полежу.

— Будет сделано, мисс Сноу, — она была уверена, что Валентайн подмигнул ей. Она слишком хорошо его знала.

Сноу на дух не переносила процедуры. Массаж ей, конечно, нравился, но вот все остальное. Бесконечные витаминные уколы, промывания, осмотры... Раз за разом, и для чего? Для кого?

Для последнего человека на Земле?

Сегодня Сноу встала сама, не дождавшись Сэма. Между суставами словно скрипел песок, тяжесть головы тянула вниз, но она встала. Пошатываясь, накинула халат и прошаркала к окну. Балкон, к счастью, был открыт. Она не помнила, когда последний раз была в состоянии открыть его сама. Сноу вышла наружу и глубоко вдохнула свежий воздух. На перила опустилась маленькая синичка. Еще 96 лет назад о таком можно было только мечтать. 96... Она помнила это число. 96 лет назад люди легализовали «Очищение». И 96 лет назад она приняла решение никогда им не пользоваться.

И вот теперь, едва стоя на балконе и по чем свет стоит проклиная Конституцию и все свои гражданские права, Сноу протянула руку и, несмотря на боль в пальцах, погладила синичку. Птица не улетела, совсем не испугалась. Словно впервые видела человека во плоти.

В комнату ворвался Сэм.

— Мисс Сноу, вы с ума сошли! Вы же знаете, что вам нельзя ходить до массажа!

Он пробежал через комнату и протянул к ней свои полимерные руки, но она вдруг покраснела. Сэм как-никак был мужчиной. Когда-то. А у нее осталась капелька гордости и женственности. Даже в 145 лет.

— Разве ты не видишь, что я не одета?

Сэм усмехнулся, но отвернулся. Точнее, его голова крутанулась на 180 градусов. Да уж, это выбивало из колеи еще больше. Сноу все же приняла его руку, и он подхватил ее. Что за блаженство, позволить позво-ночнику расслабиться.

Сэм отвел ее в массажную, где уже стоял Вик. Как и следовало ожидать, он ворчал.

— Сколько уже можно, снова вскочила со своей кровати! Я тут впахиваю в поте лица, а она хочет все мои труды насмарку пустить! Ну уж дудки.

В поте лица. Разве могут пластик или железо потеть? Сэм был похож на человека, у него было человеческое лицо и обтянутые полимерной кожей руки. Корпус Вика был старой модели. Квадратный ящик с оголенными суставами рук и ног. Что-то в его личности мешало приспособиться к новой модели. Сноу и остальные подозревали вредность.

Следующий час был настоящим блаженством. Старый корпус был более практичен, кисти можно было сменить на абсолютно любую насадку, что очень помогало старым мышцам и костям. Каждый хруст позвонков был настоящим откровением, каждое движение – чистым наслаждением и восторгом. Сноу, свежая и полная сил, села на кровати. Пришел Улисс. Сегодня они ограничились тройной дозой стимуляторов, после которых боль из мышц окончательно ушла.

Несомненно, стимуляторы каждый день вредили организму. Само собой, медленно сжигали изнутри. Но Конституция говорила, что люди имеют право на жизнь. И «очищенные» члены семьи должны были заботиться об оставшихся родственниках до конца их жизни.

Все очищенные, кроме семи, уже ни о ком не заботились. Они давно отправились на Марс и основали там колонию. Улисс часто давал посмотреть Сноу в телескоп на их города. Они были очаровательны.

Но холодны.

Мимо процедурной прошел Честер. Он попытался поприветствовать Сноу, но его голосовой модуль мог воспроизводить только чихание. Досадная ошибка конструкторов. С другими шестью Честер общался нормально, поэтому каждый раз забывал, что синтезатор речи не работает, снова и снова чихая на Сноу. Отсалютовав, он отправился на кухню

готовить ей завтрак.

Сноу выглянула в окно. Седрик и Питер готовили ракету к запуску на Марс. Это напомнило ей, что мир умирал. Она с грустью отвернулась.

— Я бы тоже хотела полететь на Марс. Увидеть хотя бы глазком.

Валентайн знал, что предлагать ей «Очищение» бессмысленно. Она ни за что не пойдет на это. Он не понимал этого, считал глупым, но выбор уважал. К сожалению, полет в скафандре тоже был невозможен. Тело Сноу было неспособно вынести такие перегрузки.

А до создания телепорта оставались годы.

Она завтракала в одиночестве. Последнее время ей не нравилась компания. Они не ели, могли только разговаривать (либо чихать) или молча смотреть на нее. Это угнетало. Ведь она любила семейные ужины именно за лязг ложек по дну, веселый гвалт детей и задумчивое чесание ложкой затылка ее отцом.

По телевизору крутили марсианские новости. Даже будучи облеченными в металл и полимеры, люди продолжали совершать преступления. Выступления религиозных фанатиков показались ей забавными. Они беспокоились о том, что человечество не может воспроизводить себя и выступали за развитие клон-лабораторий. Искусственное выведение живых людей, а затем «Очищение». Просто смешно, в какие рамки они себя загнали и до каких безумств дошли.

А кто-то сходил с ума и считал себя роботом без души. Психиатры для цифровых личностей, как вам такое?

Она переключила на канал старой эпохи. Крутили фильм «Я, робот». Наивно. Просто наивно. Зачем производить роботов, если можно отключить свое сознание или заняться изучением чего угодно, пока твое механическое тело по программе выполняет монотонный труд. Строительство, сортировка, готовка. Кстати, Честер опять пересолил. Вот вам один из минусов потери органов чувств. Сколько бы он не отмерял и не вычислял соотношение соли к яичнице, ничего путного не получалось.

Щелчок пульта, и она попала на свой канал. В любое время в любом месте каждый за-человек, как они себя называли, мог увидеть жизнь последнего живого человека на Земле. Она показала средний палец в ближайшую камеру и самодовольно ухмыльнулась. Да, она была старой. Да, ей хотелось плакать от отчаяния, миллиарды механических глаз давили на нее, заставляли чувствовать себя неудобно. Она не могла убежать от них, они преследовали ее даже в кошмарах. Она собралась и вышла из-за стола. Она не плакала, нет. И никогда не заплачет. У нее была гордость.

Она шла по коридорам жилого комплекса. Последнего, не сломленного природой. Седрик часто катал ее на самолете. Пирамиды начали

рассыпаться в пыль, величественные храмы в России заросли плющом, их купола провалились внутрь. Эйфелева башня пала, дамба Гувера стала дырой Гувера, а Колизей, ее любимое место, держался на честном слове и усилиях Вика, каждые два дня вылетавшего на реставрацию.

Сегодня Сноу хотела ехать. Мчаться без оглядки. Она пошла в гараж и проверила старенький багги. Седрик доставил ее и машину на место. Она попросила его остаться на месте, и он отключился. Она хотела побыть одна.

Озеленение планеты не везде сработало, как планировалось. Большая часть Америки превратилась в огромную пустыню. Она завела багги и рванула вперед.

В такие моменты она чувствовала свободу. Автопилот не давал ей дрейфовать или поворачивать на ручнике, строго говоря, она была свободна лишь в выборе скорости движения. Но когда ветер бил в лицо, а песок царапал кожу, это было не важно. И пусть Вик говорит что хочет, она может и будет гонять по безжизненной пустыне, сколько захочет.

Она ехала по полузасыпанному шоссе. Далеко справа виднелись стеклянные небоскребы, наполовину разрушенные, но не утратившие блеска даже после песчаных бурь. Эпоха электроники, нанотехнологий и жадных корпораций. Выиграла в итоге лишь одна – занимавшаяся «Очищением». Сноу не помнила ее имени. Она чуть не пропустила огромный кусок арматуры на дороге, но автопилот вовремя повернул. Рефлексы, реакция, сама жизнь покидала Сноу. Как долго она еще сможет осознавать себя? Как скоро она станет забывать очевидные вещи?

Все это было неважно, пока она гнала по шоссе. Кто-то говорил, что старость – это спокойная пора без права на приключения и риск, но Сноу не могла жить так. Она и так чувствовала себя домашним животным. Она была их человеком, как когда-то Рэкс был ее собакой. Она протестовала.словно подросток, старуха ста сорока пяти лет протестовала против своей родни и дома.

Показались останки автозаправки. Сноу не смогла устоять и остановила машину, подняв столб песка. От здания остались лишь пара кирпичных стен, но они были настоящие. Кирпич, не стекло. Она дотронулась до него. Шершавый, красный. Он сопротивлялся ей, ее нажатию. Это было невероятное ощущение. Плотность, твердость. Может ли она почувствовать что-то подобное после «Очищения»? Может ли она вдохнуть горький и скрипучий, полный песка воздух в свои легкие и ощутить его в себе, как он заполняет легкие, как скребет по ним, заставляя содрогнуться от кашля? Может ли она почувствовать наслаждение, после того как ее позвоночник перестает болеть, когда она садится в машину? Может ли

она почувствовать все это после «Очищения»?

Она знала, что нет.

Она вернулась к Седрику. Через заправку, небоскребы, пустыню, через целую жизнь, от которой люди очистились. Которую смыли с себя, словно грязь, обузу.

Стимуляторы перестали действовать, накатила усталость, боль во всех мышцах, суставах и костях. Она устало облокотилась на подлокотник. Седрик выглядел взволнованным.

Дом. Еще массаж и теперь уже процедуры с полным осмотром каждой поры. Вик превзошел сам себя. Особенно досталось легким, их пришлось чистить.

Откашливаясь и отплеываясь от антисептика, Сноу устало зашаркала в библиотеку. Там в кресле сидел Улисс. Он любил читать бумажные книги, хотя мог за секунду обработать любой объем текста через интернет. Это еще полбеды. Улисс любил носить очки, которыми незамедлительно сверкнул на Сноу.

— Привет. Как путешествие?

— Как всегда, волшебно. — Сноу поразились, насколько скрипит ее голос. Стоит забыть о старости, как она напоминает о себе самым неприятным образом.

— Что хочешь почитать?

— Спасибо, сегодня просто посидеть бы тут.

Библиотека — единственное место, отделанное под старину. Деревянные панели, камин, десятки книжных полок. Совсем другое дело, не то, что хром и пластик. Разве что пыли нет. Честер очень старался. А Сноу почему-то скучала по ней.

— Перед «Очищением» мне было очень страшно, — неожиданно начал Улисс. — Полная оцифровка сознания, каждого закоулка моего разума. словно фотография. Разве что невероятно дорогим сканером. И затем я оказываюсь в теле робота и смотрю, как мое прежнее, биологическое тело, договаривает последнюю фразу в один голос со мной, а затем его мозги сгорают. Я мертв и я жив — парадокс, верно? Но я не жалею. Говорят, в технологии нет души, но я никогда настолько не развивал свою душу. Теперь я знаю гораздо больше, помню гораздо больше, понимаю гораздо больше. Я теперь могу свободно оперировать идеями философов, апеллировать к классикам. Цитировать кино, на худой конец. Всестороннее развитие, систематизация, но я не утратил человечности. Я все еще чувствую, я сопереживаю людям, даже вымышленным героям, я все еще люблю свою дочь. И мне очень больно смотреть, как ты погибаешь.

— Я все равно не хочу, папа. Я не хочу.

— Почему?

— Потому что я эгоистична и хочу памятник как последнему человеку на Земле.

Улисс засмеялся.

— Ты все такая же бунтарка, как и в детстве.

— На самом деле, я не просто боюсь. Ничто и никогда не заменит мне ощущения быть человеком. Я не могу обменять никакое знание на это. Это иррационально, но я не хочу стать механизмом. Слишком многое уйдет из моей жизни, я слишком много потеряю. Даже если я не владею ничем, кроме себя.

— Ох, малышка. В мире, где «Очищение» победило человечество... Ты просто... Видимо, слишком нестигаема и горда для такого.

Он вздохнул и обнял ее, пожелал спокойной ночи, а затем отключился.

Она пошла в свою комнату. Последние капли стимулятора помогли ей умыться, почистить зубы и лечь в кровать. И тогда, не сдерживаясь, она застонала. Слезы были готовы потечь из ее глаз, как вдруг она заметила шевеление в углу. Это был Питер.

— Сын, что ты здесь делаешь?

Питер смутился и подошел к кровати.

— Я, я всего лишь хотел узнать...

Он замолчал.

— Говори, не стесняйся, — подтолкнула его Сноу.

— Какой... Какой воздух на вкус там, в Пустошах? Какой он?

Сноу улыбнулась.

— Он горький и скрипучий. И когда вдыхаешь, песок скребет о твои легкие. Он волшебный.

Питер мигнул сенсорами и ушел. Сноу закрыла глаза. Завтра все повторится. Она была готова не встретить новый день.

Критика и литературоведение

МАРИНА НОЖНИНА, 1982 г.р., Ангарск

РИСУНКИ ЛИДИИ ШАРКУНОВОЙ

*Каждый ребенок – художник.
Трудность в том,
чтобы остаться художником,
выйдя из детского возраста.*

Пабло Пикассо

В рисунках художника, поэта и искусствоведа Лидии Шаркуновой осталась та детская нежная непосредственность, что цепляет своей и добротой и наивностью. Есть в них и взрослая серьезность, и уверенность линий.

Рисунок – это уникальный творческий продукт самовыражения личности. Поэтому именно в творческом рисунке нельзя придерживаться жестких «правил».

Все рисунки Лидии выполнены в графике, небольшого формата, в них присутствуют правильная композиция, уверенность и точность линий, передача, выделение главного и второстепенного.

В работе «Графическая фантазия» с героем в профиль плавные, мягкие, живые линии, стилизация человека придают работе особенный шарм, присутствуют культура и декоративность штриха.

Человеком с газетой «В электричке» штрих приобретает более творческий, эмоциональный характер, в наброске присутствует некий юмор, надписи, буквы на газете, мелкие детали, линии разного характера, необычная текстура – все это творческий подход художника. Напряженное вчитывающееся лицо героя заставляет нас разглядывать каждую мелочь, этот набросок – произведение искусства настоящего художника.

На рисунке «Ваза с цветами» декоративная графика, линии более четкие, введен тоновой контраст, необычайно сильный нажим передает высокий энергетический уровень, проявления напористости воли тенденции к преодолению сопротивления и есть в нем же какая-то ребяческая недосказанность.

Очень впечатлил мужчина с цветами: рисунок вписывается по пря-

моугольнику, глядя на композицию, мы можем сказать, что ему тесно в формате. И одновременно легкость, ветреность и романтичность героя говорит нам о другом: движущиеся линии, динамика в рисунке, летящие волосы и цветы показывают нам, что человек влюблен и спешит на свидание. Закрытые глаза героя от того, что он мечтает и думает о чем-то хорошем и немного грустном.

Все рисунки Лидии Шаркуновой несут добрую энергетику, позитив и содержат творческую изюминку.

Марина Ножнина, поэт, художник

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК

ПОЧЕМУ ТАК ВАЖНО СОБЛЮДАТЬ И НАРУШАТЬ ПРАВИЛА

Все мы знаем, что такое стихи. Точнее, мы всегда отличим стихотворное произведение от нестихотворного. Верно, главное отличие — форма. Но что за ней скрывается? Удивительно, но многие поэты пишут довольно неплохие работы, не ориентируясь в теории стихосложения от слова совсем. Даже в понятиях «размер» или «силлабо-тоника».

Любое развитие начинается с некоего базиса. У поэзии его два — талант и теория. И если талант штука сугубо индивидуальная, то изучить теорию может каждый. А мы немного подтолкнем на это дело!

Писать слова в строчку и подбирать рифмы недостаточно, если ты хочешь позиционировать себя как серьезного автора. Статья в первую очередь для тех поэтов, кто хочет развиваться и понять чуть больше. А если ты пишешь для себя, или не пишешь стихи в принципе — опять же, подчерпнешь новую информацию, и чтение стихов станет для тебя более осознанным:)

Для начала, поэзия – это чередование сильных и слабых слогов. В русском языке это ударные и безударные. За счет выбора, сколько таких слогов будет в каждой строке и сколько строк отводится на законченную мысль, вырисовывается вид стихотворения. Помимо четверостишия (ка-трена), есть сестины, октавы и др.

Чередования слогов складываются в определенные системы. Их в русском языке три — силлабическая, тоническая и силлабо-тоническая. Остановимся на второй и третьей (первая — просто количество слогов в строке).

Тоническое стихотворение складывается из определенного количества *ударных* слогов в строке. Безударных может быть сколько угодно (1, 2 или 3 между ударными).

Силлабо-тоника заключается в повторении стоп — строгой комбинации ударных и безударных слогов. Ямб, хорей, амфибрахий — все это про силлабо-тонику. Например, ямб — это «безударный-ударный» слог, хорей — наоборот. Анапест, например, состоит уже из трех слогов: «безударный-безударный-ударный». Не поленитесь, поуглтите.

Для тех, кому сложно писать в жестких рамках силлабо-тоники, советуем попробовать в тонической системе. Она свободнее и проще.

Но зачем все это? Зачем правила, вымерять слога, рифмы и вообще? В творчестве все сводится к одному — художественной выразительности. Насколько хорошо ты можешь передать заложенное. Существует

древний спор: а может ли слово выразить все то, что мы хотим сказать?

Федор Иванович Тютчев в своем стихотворении «Silentium» пишет: *«Мысль изречённая есть ложь»*. Классик говорит здесь о невозможности внятно передать словами хоть какую-либо мысль. Однако его большой друг, Афанасий Афанасьевич Фет, возражает в стихотворении «Как беден наш язык!»:

*...Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный запах...*

Все инструменты поэта, все приемы поэтического языка **помогают передать мысль**. Звукопись? Пожалуйста! Гласные «о, и» — тянутся, «а» — кричит. Рифма? Прочтите пример каламбурной «небом живы» у Дмитрия Авалиани! И система стихосложения играет в поэзии огромную роль!

Если пользоваться правилами осмысленно — твои стихи станут яркими, легкими для восприятия и передадут все твои мысли, *не дав читателю заскучать*. Как так происходит? Да тот же размер. Читатель настраивается на то, что каждая вторая гласная — ударная. И чтение становится проще, **концентрация уже на авторской мысли**. К тому же, выбранный размер также программирует то или иное настроение. Хорей более маршевый, анапест будто декларирует что-то. То есть размер становится некой дорогой, по которой идет читатель за авторской мыслью.

Если нигде не пропадают слоги, или не появляются лишние — то никаких проблем. А если читатель постоянно спотыкается, ему со временем надоест отбивать пальцы ног о разбросанные камни. О восприятии текста речь уже и не идет. *Но надо заметить — иногда легкая подножка бывает к месту, если читателя надо остановить и заострить его внимание на чем-то важном*.

Но так ли важны правила? **Да, важны**. Прежде чем отходить от них, начать экспериментировать — большинству нужно научиться писать по правилам. Без базиса нет надстройки. Но сколько бы правил не существовало, рано или поздно появляются люди, меняющие систему...

Поэзия очень пластичная штука. Можно разрывать предложения и даже слова (прием называется «анжамбман»); можно из строк рисовать фигуры для большей выразительности; можно отходить от смысла, оставляя красоту слов (привет символистам); можно все. Но только во имя большей выразительности!

Если человек совершает ошибки в поэзии, потому что не умеет писать по правилам — это сразу видно. И фраза *«я художник, я так вижу!»*

не поможет. Потому что ничего такой автор не видит, т.к. не знает, куда смотреть.

Стоит ли бросать писать стихи, если никак не получается попасть под размер? Нет, не стоит. Наоборот! **Пишите больше.** Оттачивайте свой поэтический язык. Придумывайте образы, пробуйте стихотворные системы, можете пойти по пути подражания. В конце концов, стихотворчество — это навык, ему можно научиться. Набить руку, писать стройно, мелодично. Останется лишь вопрос содержания, который чаще всего перекрывает для простого читателя форму, выходя на первое место. Но содержание — это личный опыт и талант. О них поговорим как-нибудь в другой раз.

Напоследок хочется привести цитату Романа Jakobсона. Кстати, если в разговоре нужно будет подчеркнуть свою крутость и образованность — пользуйтесь!)

«Поэтический язык есть проекция оси селекции на ось комбинации, парадигмы на синтагму».

Если по-русски, то:

— **ось селекции (парадигма)** – это все то, что мы можем использовать для выражения мысли. Синонимы определенного слова. Например, нужно выразить словом «родитель мужского пола». Попросту папа. Запомнили мысль.

— **ось комбинации (она же синтагма)** – то, в каких условиях мы должны выразить нашу парадигму. Тот же самый «родитель мужского пола» может быть папой, отцом, батей, папочкой, родитель и т.п.

Если мы пишем трогательное стихотворение на юбилей престарелого отца, в котором хотим выразить всю любовь и благодарность (наши заданные условия, т.е. **синтагма**) – «батя» (один из вариантов **парадигмы**) будет звучать некорректно. «Папочка» сюда подойдет лучше. Это — смысловой подбор синтагмы.

В поэтической синтагме у нас еще есть как раз размер, рифма, сочетание звуков. Это все ось комбинации или синтагма. И мы помимо смыслового наполнения слова, которым хотим что-то выразить, должны смотреть на его ударные-безударные гласные, рифмуется ли оно, звуки и т.д.

Например, если в синтагме у нас хорей (первый слог ударный) – используем «папа», если ямб (второй ударный) – «отец».

Финал вышел длинноват, но, надеемся, полезен! Вообще, к правилам поэтического языка стоит относиться, как к определенному квесту. Сможешь выразить мысль через них или нет? Вызов брошен, творите!

Всем искусства!

О ТОМ, КАК МНОГО ЗАЛОЖЕНО В СТИХАХ, ИЛИ НЕМНОГО СЛОВ О СОЗНАТЕЛЬНОМ ВЛИЯНИИ НА БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Выше вы прочитали статью с сетованием Тютчева о том, что «Мысль изречённая есть ложь». Приведем повторно и ответа Фета, в котором он возражает своему другу:

«...Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души и трав неясный запах...»

Поэтический язык имеет ряд уникальных отличий от любой другой формы словесного выражения человека. В первую очередь – это его структура и набор методов выражения.

Так как нас интересует русская поэзия, то и говорить мы будем исключительно об ее особенностях и инструментах.

Основным понятием для поэзии является «метрика».

Строгая очередность ударных и безударных слогов, описываемая стопами, образует силлабо-тоническую систему стихов. Такой способ позволяет автору выстроить наиболее полные и тесные смысловые связи, так как все слова подобраны в строгой системе ударных и безударных слогов. И потому обладают наибольшей выразительностью – случайные слова на бумагу попросту не попадают.

В двух других системах стопы не играют никакой роли. Потому и важность каждого слова зачастую снижается.

Обратимся к термину «теснота стихотворного ряда». Это одно из отличий поэзии от прозы – та имеет большую коммуникативную функцию. В поэзии же слова в каждой строке (за счет письма «в столбик» и стихотворного размера) формируют особую связь, которая накладывает отпечаток на восприятие информации. Во-первых, каждую строку можно рассматривать отдельно, с точки зрения содержания информации. Во-вторых, некоторые места в поэтической строке, написанной силлабо-тоническим стилем, имеют особые акценты. Так, в четырехстопном ямбе наиболее сильными местами являются первые четыре слога и последние четыре.

Русский силлабо-тонический стиль написания стихотворения позволяет выстраивать не только горизонтальные и последовательные связи между словами, как в обычной прозе, но и вертикальные, а также взаимосвязи любого слова с любым другим, зачастую независимо от его положения. Вертикальные взаимосвязи возникают благодаря техническим приемам стихосложения – рифме, ритму, ассонансам и т.д. Если попробо-

вать визуализировать эти взаимосвязи, то можно получить кристаллическую решетку.

Для подсчета таких взаимосвязей Алексей Машевский в своей лекции «Что такое стихи?» предлагает формулу $C \approx e * n$, где C – количество смысловых связей, e – дифференциал, n – факториал. В таком случае стихотворение из десяти слов будет иметь более трех с половиной миллионов таких связей.

Факториал (n) позволяет отследить все комбинации связи между словами в стихотворении. Для простоты объяснения возьмем три слова и посчитаем все его взаимосвязи. Слова обозначим буквами А, Б и В.

- 1) А – Б
- 2) Б – В
- 3) А – В
- 4) А – Б – В
- 5) Б – В – А
- 6) Б – А – В

Не все такие взаимосвязи имеют важное значение для передачи информации. Как, впрочем, и при любом другом способе.

Следуя за мнением Алексея Машевского о том, что ограничения в поэтическом языке только усиливают и делают его более информативным, мы можем сделать вывод, что сама необходимость подбора слов в поэзии приводит к концентрации информации. Автор стихов вдумчиво подходит к процессу написания. Порой относительно небольшие стихи переписывались много лет.

Также автор стихотворения способен зашифровывать в своем произведении особое настроение или чувство. Так, можно специально архаизировать стихи, используя комбинации букв ч или щ. Это придаст языку древнерусский окрас.

Другой способ – нагнетание согласных или гласных. При нем специально используются те или иные звуки, порождая у читателя нужное впечатление.

Например, в стихотворении «Влага» Константин Бальмонт использует слова, содержащие букву л. Благодаря этому возникает чувство протяженности, неспешности, растянутости:

Лебедь уплыл в полумглу,
Вдаль, под Луною белея.
Ластятся волны к веслу,
Ластится к влаге лилея.

Довольно очевидно, что разные гласные передают разное впечатление. Широкие гласные (как а) способны создавать утверждающее, приподнятое настроение и радостную интонацию. Узкие гласные (и/ы, у), напротив, — меланхолическую, минорную интонацию, производить почти угнетающее впечатление. Средние гласные (э, о) более нейтральны и обычно комбинируются либо с широкими, либо с узкими.

Важным элементом стихотворения является восходящая или нисходящая структура. Имеется в виду, от широких ли к узким, или от узких к широким располагаются в стихотворении гласные. В первом случае настроение нисходит от радостному к спокойному и угнетенному, во втором — наоборот. Подобное можно наблюдать в изобразительном искусстве, в динамике картины.

Из приемов звукового повтора стоит отметить аллитерации, ассонансы, слоговые повторы, анаграммы и паронимы. Они требуют разного подхода, но все, так или иначе, помогают создать ритм стихотворения и придать ему дополнительные смыслы.

Подобные приемы направлены на суггестию, т.е. внушение. Оно отличается от убеждения влиянием на бессознательные механизмы психической деятельности. Поэзия апеллирует к эмоциям и чувствам, вызывает ассоциативные образы, благоприятные для восприятия информации.

Видя столь богатую словесную выразительность, мы можем признать за стихотворениями статус, возможно, самого ценного источника с точки зрения передачи информации. Разнообразия приемов, помогающих вложить в текст не только значение слов, но даже дополнительную звуковую палитру, что позволяет влиять как на рассудок и рациональное, так и на бессознательный уровень восприятия человека.

**ХРОНИКИ КАРАНТИНА:
«СКАЗКА О ЗОЛОТОЙ РЫБКЕ» ВИКТОРА ТОКАРЕВА**

2020-ый останется в памяти как год распространения по всему миру вирусной инфекции COVID-19. Из-за эпидемии, вызванной вирусом, правительства ввели ограничения на передвижение людей между странами. Потом наложили ограничения на передвижение населения между регионами. После – на передвижение в пределах одного города. Постепенно социальная активность граждан оказалась ограничена квадратурой занимаемой ими жилплощади. Внезапно для себя люди оказались искусственным образом изолированы от внешнего мира. Появилась острая необходимость выстраивать новые коммуникативные связи, которые были бы способны заменить человеку повседневную общественно-значимую жизнь.

На фоне изоляции произошла интенсивная адаптация человечества к цифровым технологиям. Библиотеки, музеи, театры, учебные заведения, институты государственной власти вынужденно включились в режим онлайн-вещания. Шаг за шагом виртуальная коммуникация заменила собой живое общение. Значительная часть человеческой жизни оказалась оцифрованной и загруженной на серверы, а онлайн очертил новые границы реальности. Цифровая среда стала привычной, а выход на улицу заменил выход в сеть.

Современный театр начал разрабатывать способы театрального высказывания в условиях цифровой реальности. Эксперименты в этой области только усилили споры о природе театра и средствах его выразительности.

Так как значительная часть театральной жизни связана с фестивалями и гастролями, то прерванные карантином мероприятия организаторы перенесли на онлайн-площадки. Такие масштабные проекты как «Большие Гастроли», «Московский Пасхальный фестиваль», «Точка Доступа», «Территория» не только поделились со своими подписчиками эксклюзивным видео, но и провели трансляции спектаклей, интервью, лекции, экскурсии, мастер-классы в формате потокового онлайн-вещания «здесь и сейчас».

Для виртуального пространства не существует географического расстояния, поэтому онлайн-площадки помогли региональным театрам масштабироваться и, получив доступ к международной аудитории, показать миру свои репертуарные спектакли.

Как отметили сами театры, количество просмотров спектаклей в записи превысило количество зрителей, которые могли бы посмотреть спектакли непосредственно на сцене.

Одной из первых, кто организовал каждодневные онлайн-трансляции и составил внушительную коллекцию спектаклей разных театров, стала всероссийская федеральная программа «Большие гастроли онлайн». Иркутский ТЮЗ им. А. Вампилова так же, как и многие другие театры, принял участие в этом проекте.

1 июня была показана запись спектакля «Сказка о Золотой Рыбке» режиссёра Виктора Токарева.

Виктор Токарев давно хотел поставить спектакль по пушкинской сказке. По мнению режиссёра, сегодня урок поэта звучит особенно актуально, потому что мы живём во времена, когда страсть к наживе воспринимается обществом положительно, а стяжательство становится новой нормой. При таких искажённых ценностях муж в семье превращается в слугу, а жена перекраивает окружающий мир на новый лад, подчиняя всю вселенную своим прихотям.

«Театральная фантасмагория», как определил жанр сам режиссёр, увидела свет в декабре 2019 года.

Представление начинается на авансцене. Перед занавесом стоит расписное окно. Когда створки открываются, в окошке появляется Любовь Попкова в роли Сказительницы. Сказительница удивляется количеству ребятишек в зале, которые прибежали послушать её сказку. После небольшого вступления занавес поднимается – и слева от зрителей темнеет рыбацкая избушка, а ближе к краю сцены расположены камни, которые обрисовывают границы синего моря. Край сцены обтянут синей тканью. На ткани изображены рыбы и водоросли. Визуально зал оказывается частью подводного царства.

Когда Старик станет звать Золотую Рыбку, она будет появляться из-под сцены в потоке пузырей.

Роль Золотой Рыбки исполняют актрисы Любовь Гунькова и Людмила Ревтович. Любовь Гунькова привнесла в образ Рыбки грациозную лёгкость, а Людмила Ревтович – величавую неторопливость.

По мере развития сюжета на сцене будут сменять друг друга живописные полотна с изображениями православной церкви, деревенской избы, дворца Золотой Рыбки, царских палат старухи. И если в изначальном желании Старухи заполучить новое корыто ещё не проглядывает жадность, и действие неспешно развивается на фоне православного храма, то с желания получить дом в Старухе просыпается алчность. Православные символы вытесняют со сцены и заменяют собой символы богатства и до-

статка. С каждым исполненным желанием расширяется предел требований Старухи, и пространство вокруг неё становится всё более многолюдным и иерархичным.

В статусе чёрной крестьянки Старуху сопровождают народные гуляния с русскими народными частушками, в статусе столбовой дворянки Старуха устраивает праздник с цыганами и дрессированным медведем, при дворе вольной царицы для потехи Старухи под ирландские мотивы лихо отплясывают шуты.

Стилистически пёстрый саундтрек передаёт азарт, в который впадает Старуха, охваченная желанием овладеть всем миром. Нарастающий диссонанс между мизансценами подготавливает зрителя к кульминационной развязке, которая отличается от канонического варианта пушкинской сказки.

Виктор Токарев поставил финал в виде наваждения, в которое погружается вместе с героями сказки и зрительный зал.

Кружение по уровням власти приводит Старика в чёрную бездну океана, где люди и твари подводные становятся марионетками в руках чудища-кукловода, в которое обращается Старуха.

Очнувшись от наваждения, Старик видит, что привычный мир, где церквушка виднеется на фоне рыбацкой лачуги, по-прежнему находится на месте. Власть права остаётся ограниченной Богом, а повреждённое единство семьи восстанавливается через покаяние и прощение. Расставив в пушкинской сказке православные акценты, режиссёр усилил в пушкинской сказке дидактическое начало.

Парадоксы пушкинских сюжетов по-прежнему привлекают внимание разных режиссёров. Во время «Больших гастролей онлайн» наряду с А.Н. Островским наибольшее количество спектаклей было представлено по произведениям А.С. Пушкина: «Борис Годунов», «Маленькие трагедии», «Анджело, или «...ничего лучше я не написал», спектакль-читка «Пир во время чумы», две версии сказки «Руслан и Людмила», две версии «Сказки о рыбаке и рыбке».

Иркутская версия «Сказки о Золотой Рыбке» отличается тем, что камерная, по сути, история расширена режиссёром до масштабов большой сцены. Режиссёр добавил в постановку «Хор» и «Народ». Многолюдные сцены воссоздают в ткани спектакля органичное течение народной жизни, которая вписана в условный исторический контекст. Это режиссёрский почерк Виктора Токарева, по которому сразу узнаётся любая его постановка. Режиссёра волнует «мысль народная», которую он передаёт с помощью многоголосья массовых сцен.

Каждый из режиссёров по-своему раскрывает драматургическую природу пушкинских конфликтов. «Сказка...» в переработке Виктора Токарева вылилась в нравственную дилемму о природе власти. Выбор, который для режиссёра имеет однозначное решение, и продиктовал финал сказки.

P.S. Актриса Марина Егорова за роль Старухи в спектакле «Сказка о Золотой рыбке» приглашена на XVIII Всероссийский фестиваль театрального искусства для детей «Арлекин», который состоится в Санкт-Петербурге на базе Санкт-Петербургского государственного детского музыкального театра «Зазеркалье» в 2021 году.

**ОБРАЗ ТАЙГИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ
ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА**

Проза Валентина Распутина на протяжении многих лет не теряет своей актуальности. Время стремительно бежит вперёд, а слово В.Г. Распутина по-прежнему заставляет читателя остановиться, задуматься о «вечном» и «преходящем», поразмыслить, куда направляется «общечеловеческое движение». Слово писателя наделила силой земля, поднявшая будущего автора.

«... «Малая» родина даёт нам гораздо больше, чем мы в состоянии осознать, — пишет в очерке «Вопросы, вопросы» В.Г. Распутин. — Человеческие наши качества, вынесенные из детства и юности, надо делить пополам: половина от родителей и половина от взрастившей нас земли. Она способна исправить ошибки родительского воспитания. Первые и самые прочные представления о добре и зле, о красоте и уродстве мы выносим из неё и всю жизнь затем соотносим с этими изначальными образами и понятиями. Природа родного края отчеканивается в наших душах навеки...»

Одним из самых ярких образов в творчестве В.Г. Распутина является образ тайги.

Образ тайги складывается у В.Г. Распутина с тофаларских очерков, которые писатель опубликовал в «Советской молодёжи» с 1961 года.

В очерках тайга предстаёт перед читателями одухотворённой, независимой, мрачной и щедрой. Её затаённая красота скрыта от праздных глаз туристов. Трудное и далёкое богатство тайги раскрывается только перед неутомимыми искателями. Она приносит человеку разноцветную радость открытий, распаивает перед ним свою самовластную красоту. Сила её притяжения заставляет его снова и снова возвращаться в тайгу.

Очерки о тайге послужили основой для одной из первых книг В.Г. Распутина, изданных в 1966 году «Восточно-Сибирским издательством». В книгу вошли очерки: «Край возле самого неба», «В Саяны приезжают с рюкзаками», «Продолжение песни следует», «От солнца до солнца», «На снегу остаются следы», «И десять могил в тайге», а также рассказы «Продаётся медвежья шкура», «Эх, старуха», «Человек с этого света».

Рисуя в очерках портрет тайги, В. Г. Распутин пишет: «Вся жизнь тофалара проходит в тайге, причём чаще всего он остаётся с ней наедине, только он и она – больше никого. Отношения между ними всегда очень

сложны: он испытывает к ней уважение, но соблюдает осторожность, он признаёт её силу, но знает и слабости. <...> Ему здесь всё знакомо с детства. <...> и жизнь в нём, как и всюду, имеет полярные точки рождения смерти и полярные измерения любви и преступлений».

Гармоничное сосуществование с природой требует от человека усилий по сохранению окружающей его красоты. Сакральное пространство тайги становится местом испытания для героев В.Г. Распутина.

В рассказе 1965 года «Продаётся медвежья шкура» описан поединок медведя с охотником, в котором нет победителей. Однажды привычная охота оборачивается для опытного медвежатника проверкой, где охотник меняется местами с медведем. Воля зверя подчиняет себе человека, а медвежья память расчерчивает для таёжника пространство, в котором вынуждает его существовать. Встреча с медведем остаётся негласным условием для вхождения героев В.Г. Распутина в сакральное пространство тайги.

Одним из наиболее ярких распутинских персонажей, который прошёл испытание тайгой, является Санька из рассказа «Век живи – век люби».

Рассказ начинается с осознания Саней «самостоятельности». Прибегая к игре слов, В.Г. Распутин обнажает скрытую этимологию слова, выстраивая на его значениях философию героя: самостоятельность для Сани означает возможность самому, без подпорок и подсказок, стоять на ногах в жизни.

Ощувив глубинным чутьём зарождающуюся в себе самостоятельность, Саня её проявляет. По воле случая он живёт у бабушки в деревне совершенно один и выполняет работу по хозяйству, потому что она даёт ему ощущение собранности и цельности. Потребность в движении и деле становятся частью Саниного взросления.

Следующей проверкой для мальчишки на способность самостоятельно принимать решения становится приход в гости Митяя, знакомого отца. Саня проявляет к нему сострадание, давая займы три рубля. Митяй, который воспринимал его как пацанёнка, по-новому всматривается в Саню и приглашает в тайгу собирать ягоду. Не тёртый тайгой Саня с радостью соглашается. Это лето выпадает на редкий год, когда тайга уродила полное, выпадающее раз в пять или десять лет богатство, которое в народе называют ягодной порой. Саня понимает, что возможность побывать ещё раз в тайге в редкий год выпадет ему нескоро.

Отправившись с Митяем и дядей Володей за ягодой, Саня проезжает станцию Березай, которая находится на восьмидесятом километре. Она представляет собой тёмный распадок нежилых домов. Картина пора-

жает мальчишку и вызывает в нём ассоциации с книжной фразой «смертный ужас рождения». На станции Березай у Сани появилось отчётливое чувство, что вся жизнь человеку чудится. В действительности, всех людей давно похоронили, только люди этого не помнят и по-прежнему суеются. Ощущения Сани совпадают с ощущениями старухи Дарьи из повести «Прощание с Матёрой», когда она пытается объяснить своему внуку нравственные законы существования. Старуха Дарья пытается объяснить своему внуку нравственные законы существования, сравнивая жизнь современного человека с игрой, в которой он изображает из себя не того, кем является на самом деле. В итоге человек так заигрался, что не может остановиться и жить по совести. Старый уклад уходит вместе с вековыми традициями дедов и прадедов, а вместе с ним уходят простота и ясность восприятия жизни. Это вынуждает человека хитрить, плутать на каждом слове, прикидываться. Впечатление от жизни как от игры и перевёртыша передаёт у В.Г. Распутина ощущения человека с обострённой интуицией и совестью.

Преодолевая восьмидесятый километр как пространство смерти, Саня, Митяй и дядя Володя доезжают до сто второго километра, где высаживаются и идут до ягодной поляны. С каждым пройденным километром тяжёлого таёжного пути в Сани всё сильнее крепнет ощущение подлинности жизни.

Саня показан у В.Г. Распутина как обладатель жизненного опыта на интуитивном уровне. По наитию Саня считает, что жизнь существует изначально, от начала до конца, а человек просто вспоминает, что ему необходимо сделать сейчас. Для этого существует память. Поэтому жизнь Саня воспринимает как воспоминание человеком своего пути.

Как отмечает А.А. Митрофанова, герои В.Г. Распутина верят в прирождённую судьбу, которая связывает их личное существование с родом, предками, и со всем человеческим коллективом. Убеждённость Сани в том, что в человеке существует вложенный от рождения путь, который и делает всю его жизнь осмысленной, является проявлением идеи прирождённой судьбы. Эта идея связана с идеей специально сотворённого для человека дня. И.И. Плеханова в монографии «Константы переходного времени. Литературный процесс рубежа XX-XXI веков» также отмечает: «...Диалог мира и человека совершается через время – встречу в одной точке пространства чудесно сотворившегося дня и созревшего для него человека...»

Н.В. Ковтун в статье «Образы «вестников инобытия» в творчестве В. Распутина» добавляет, что выдавшийся с умыслом день является сквозным мотивом для творчества В.Г. Распутина, который отражает авторское

понимание времени. Такой день встречается у В.Г. Распутина в повестях: «Деньги для Марии», «Последний срок», «Прощание с Матёрой», «Что передать вороне?», «Поминный день», «Женский разговор», «Век живи – век люби». В жизни героев создаются особые условия для того, чтобы услышать и быть услышанными. Особый день может не совпадать с днём рождения, хотя день рождения в творчестве В.Г. Распутина, безусловно, наделён сакральным смыслом.

Н.В. Ковтун отмечает, что Сане в этот день открывается безмерность мироздания: «Нет, это был его величество и сиятельство день, случившийся на году лишь однажды или даже в несколько лет, в своём величии, сиянии и значении доходящий до последних границ».

В это особенное время происходит безраздельное слияние Сани с тайгой, когда тьма некоторое время дышит с мальчишкой одним дыханием. Не проговорённая встреча с медведем завершает обряд инициации. Саня проходит этап нравственной зрелости. Это пробуждает в нём родовую память, которая заговаривает в Сане на разные голоса.

Образ созревшего дня, который специально создан для встречи человека и мира в одной точке пространства для диалога, сливается с образом ягоды, которую собирает Саня. Весь сбор ягоды проходит для Сани как желанное воспоминание: его пальцы помнят, как собирать ягоду, поэтому он быстро и ловко делает своё дело. Саня не просто собирает обезличенную ягоду, он разговаривает с голубицей, наговаривая ей, что собирает ягоду не для себя, а для больной девочки Кати, которая зимой будет есть голубицу. Саня обещает, что сбережёт ягоду, которая поможет больной девочке и принесёт пользу ребятам. Он объясняет ягоде, что это лучше того, чем она сгниёт на земле, её склюют птицы или оберёт зверь. Соблюдая негласные законы любви и бережного отношения к богатствам тайги, Саня прикасается к живой дышащей ягоде и обретает глубинную связь с тайгой. Диалог Сани с миром в пространстве тайги состоялся.

Митяй и Саня проповедуют идею сбережения. Они понимают, что ягоду надо собирать по-людски, не вытаптывая всё подчистую, а так, чтобы не было разора. В отличие от них, дядя Володя приходит в тайгу с совком. Он не прикасается к голубице и лишает себя контакта с живой ягодой, оставаясь глухим к тайге.

Идею сбережения тайги олицетворяет Таньчора в повести «Последний срок». Отсутствие Таньчоры в повести выводит её из пространства деревенского мира. Она живёт в памяти мамы, братьев и сестёр.

Образ Таньчоры оживает, когда впервые за много лет в родном доме вместе собираются все дети старухи Анны. До этого дня старуха хранила материнскую тоску по младшей дочери про себя. Теперь, ожидая

её приезда, Таньчору вспоминают в разговорах.

Первая заговаривает о Таньчоре Люся. Сидя за столом, сколоченным их покойным отцом пятьдесят лет назад, Люся чувствует грусть от встречи с братьями и сестрой. Она больше не ощущает с ними кровного родства. При виде рыжиков Люся мысленно возвращается в детство, вспоминая, как Таньчора любила собирать грибы. Люсю всегда удивляло умение сестры быстро набрать полное ведро рыжиков. Михаил вспоминает, что Таньчора никогда не выбирала грибы подчистую, оставляя подрости маленькие рыжики до следующего дня. Поэтому она знала все грибные места в округе. Это позволяло ей быстро набирать полное ведро больших грибов. Таньчора никогда не рвала маленькие рыжики и Михаила научила их не трогать. А Михаилу больше нравилось собирать подосиновики, так как они растут гнёздами. Подосиновики собирать легче и быстрее. Люся никогда не верила Таньчоре, считая, что сестра специально прятала полное ведро рыжиков под кустом, чтобы, не собирая грибы, принести домой полное ведро. Илья же бесхитростно набивал ведро травой, бросая сверху несколько крупных рыжиков, чтобы создать иллюзию полного ведра.

Одна Варвара не принимает участия в детских воспоминаниях о походах в тайгу за грибами.

Дальше Люся вспоминает, как мама посылала их собирать дикий лук. Они, соревнуясь, кто больше наберёт, воровали лук друг у друга.

Люся припоминает, как собирала смородину. Она интересуется, растёт ли сегодня так же много ягоды, как во времена её детства, и с огорчением узнаёт, что смородину вытоптал скот, а люди рвут ягоду с куста вместе с листьями.

Воспоминания Люси фрагментарны и хаотичны. Она давно уехала из дома и не помнит ни одного местного топонима, путает названия насекомых. Все названия ей подсказывают Михаил и Варвара. Люся до пустоты забыла своё деревенское прошлое и чувствует себя дома, как на чужой земле.

Образ Таньчоры рисуется из воспоминаний братьев, сестёр и матери как человека, который наделён нравственным чутьём. Она не выбирала подчистую ягоду, дикий лук, грибы или ягоды, оставляя после себя опустошённую тайгу. Таньчора не хватала, таскала, воровала или соревновалась. Жалость помогала Таньчоре сохранять хрупкую гармонию окружающего её мира. Мир воспринимается Таньчорой во всей его целостности и неделимости.

Для В.Г. Распутина отношение к тайге является важнейшей характеристикой современного человека. Он напрямую связывает отношение человека к природе с отношением к своей памяти. Память не позволит

человеку варварски загубить тайгу, в то время как беспамятство порождает нравственную глухоту и фрагментарность в восприятии окружающего мира.

«... Из огромной проблематики, принесённой нам жизнью в последние десятилетия и годы, есть три основных вопроса, самые главные, на которых сейчас стоит земля. И все три – охранные. Пришло время прежде приумножения говорить как о главном факторе продолжения человеческой жизни, о сбережении. Это вопросы сохранения мира, сохранения природы и сохранения памяти. Их можно и нужно ставить в один ряд, потому что от каждого из них последовательно зависит все наше отнюдь не отдаленное будущее. Если мы сегодня отстоим мир и добьемся права на завтрашний день, послезавтра мы можем погибнуть от отравленных воздуха, воды и земли. Если мы сумеем и природу отстоять – через два дня новая опасность, не менее трагическая, – свихнуться и погибнуть от беспамятства и безразличия, от потери чувства самосохранения. У нас нет другого выхода, если мы собираемся быть и жить, как бороться одновременно и за завтрашний день, и за послезавтрашний, и за тот, когда станут жить наши внуки...»

В образе Таньчоры В.Г. Распутин воплотил сокровенную для своего творчества идею взаимосвязи между особым днём, тайгой и памятью.

За все годы Таньчора ни разу не приезжала домой, поэтому память о ней не нарушена встречей с реальным человеком. В совокупности все воспоминания о Таньчоре объединяются в родовую память. Память хранит накопленный веками опыт, который по крупицам складывается в народную правду. Правда помогает человеку ориентироваться в мире, который он обживает, помогает сохранять связь с рекой и тайгой, которые его кормят, помогают защищать и продолжать свой род. Образ Таньчоры создаёт круг жизни, в котором заключена правда памяти. В последний срок, когда старуха Анна доживает особые оставшиеся ей четыре дня, память о Таньчоре связывает четверых братьев и сестёр для того, чтобы круг рода-племени окончательно распался.

Образ тайги на протяжении всего творчества писателя эволюционирует.

Будучи журналистом, в тофаларских очерках В.Г. Распутин пишет зарисовки из быта охотников, где обобщает жизненные явления до философских наблюдений.

В рассказах В.Г. Распутин создаёт сложную мифопоэтическую систему, в которой тайга является сакральным местом, где герои проходят испытания, проявляют свои нравственные принципы, встречаются с тьмой, пробуждают в себе родовую память, и, преодолевая порог смерти,

обретают свойства охранителей. В рассказе «Продаётся медвежья шкура» на память о поединке охотника с медведем остаётся дырявая шкура, которую не хотят брать придирчивые покупатели. Митяй в рассказе «Век живи – век люби» знает все заповедные таёжные места. Он берёт с собой в тайгу Саню, передавая ему свой опыт вместо отца. Саня проходит инициацию и становится носителем родовой памяти.

В повести «Последний срок» образ тайги сливается с образом Таньчоры. Вместе они образуют вневременное пространство, в котором действуют христианские принципы. В каждом из героев В.Г. Распутина все воспоминания отзываются чувством вины. Чувство вины усиливается, когда герои спрашивают с себя, правильно ли они поступают, соизмеряя свои поступки с совестью. Воспоминания о Таньчоре усиливают в них узнавание самих себя. Осознание своей природы рождает смешанные чувства вины, надежды на утешение и ожидания благословения. Линейная перспектива языческого сознания, отражённого в кольцевой родоплеменной модели мира, трансформируется в христианские представления о природе и предназначении человека. Образ Таньчоры вбирает в себя проблематику отношений человека с Богом, трансформируя образ тайги в христианское пространство.

Образ тайги в творчестве В.Г. Распутина выражает идею сохранения природы как одного из смыслов существования человека. Образ Таньчоры включает идею сохранения природы в парадигму христианского мира. Только в мире, где люди научатся бережно относиться к природе, возможно будущее.

СЕРГЕЙ ПЕТУНИН, 1987 г.р., Новосибирск

ОБМАНЧИВАЯ ПРОСТОТА,
ИЛИ ЗАЧЕМ ДЕБИЛ ШЛЯПУ В РЕЧКУ УРОНИЛ?
О МОЛОДОЙ ПРОЗЕ ЖУРНАЛА «СИБИРЬ» №3 2020

У понятия «молодой писатель» своя история. Впервые это словосочетание встречается в критике русского зарубежья – так в те времена называли поколение писателей-эмигрантов, что родились на рубеже XIX – XX веков, первые творения которых увидели свет уже за рубежом. В годы первых пятилеток понятие «молодой писатель», прежде всего, ассоциируется с «молодым» рабочим классом. Отныне молодой писатель – это пролетарий, труженик, станочник, в свободное время посещающий заводской литературный кружок. А литература – не просто хобби, а первое средство воспитания активной коммунистической молодежи.

Лишь после XX съезда понятие «молодой писатель» начинает обозначать молодого литератора-диссидента, не согласного с советским политическим курсом.

В наше время «молодыми писателями» называют всех, кто недавно взял перо в руки, но чаще всего – человека двадцати пяти-сорока лет, за плечами которого небольшой опыт публикаций.

И первое, что характеризует современную молодую литературу – эгоцентризм. Коммерциализация литературного процесса приводит к тому, что молодыми писателями все чаще становятся люди из других сфер масс-медиа – популярные блогеры, ведущие, певцы. Отдаваясь модным литературным поверьям, молодые авторы воспринимают литературу (как и всякое искусство) как площадку для самовыражения, смело отменяя коммуникативную функцию литературы. Нередко молодые писатели превращают свои книги в личный дневник, где доверяют сверстникам скандальные подробности своей жизни и всячески пытаются подать себя с неожиданной стороны. Все это приводит к надуманности, вычурности, размыванию содержания.

Вину за это легко переложить на авторов – дескать, не относится молодежь к литературе как к сокровищнице опыта, отрицает молодежь

поступательное развитие литературы и оттого пишет, что в голову взбрет. Таким радетелям хочется напомнить, что в литературном процессе писатель – далеко не единственная фигура. Писатель напишет то, что сочтет «читательным» издатель. Кроме того, пока будет спрос на наспех облагоороженные «интернет-дневники», экстравагантные истории и выражи сюжета, писатель, желающий быть успешным, будет подстраиваться под этот незатейливый канон.

Среди современных молодых авторов, на мой взгляд, достойны упоминания – Игорь Савельев, Кирилл Рябов, Алексей Сальников, Евгения Некрасова. Лично мне импонируют молодые авторы журнала «Наш современник» – Андрей Тимофеев и т.д.

Как на этом фоне выглядят молодые прозаики журнала «Сибирь»?

Журнал «Сибирь» известен славными именами, высокохудожественными традициями, патриотической направленностью. Эти художественные принципы находили отклик как у прославленных (Максим Горький, Виктор Астафьев, Василий Белов, Валентин Распутин, Василий Шукшин и т.д.), так и у современных писателей (Шаргунов, и т.д.), произведения которых выходили на страницах «Сибири».

Радует, что молодые авторы «Сибири» стараются продолжать традиции журнала, среди которых лобовая правда, не приукрашенное изображение реальности, стремление найти ответы на современные российские и общечеловеческие вопросы. Они берутся рассказать читателю о жизни в отдаленных поселках, порицают социально неблагополучные явления действительности и находят нравственные проблемы даже в таком безобидном занятии, как кормление уток в парке.

Но и в этом своем благородном стремлении молодые авторы, на мой взгляд, не избежали некоторых ошибок. Формула литературно-художественного совершенства, как известно со времён Н.Г. Чернышевского (а лучше него на эту тему с тех пор не высказался никто) включает в себя три компонента: изображение новых сторон реальности, их объяснение и демонстрация личного отношения художника к описанному. Конкретизировав эту формулу, получим следующие критерии: высокохудожественное и оригинальное содержание, точный и богатый язык, глубокая мысль, в которой приоткрываются новые стороны реальности (или переосмысляются старые) – вот то, что люди ждут от талантливого произведения.

Отсутствие хотя бы одного компонента ухудшает впечатление от произведения, хотя, чего греха таить – среди непревзойдённых мастеров редко встречались всесторонне одаренные художники. Чаще всего, лучшие из лучших обладают одной, двумя гранями Писательского Таланта. Кто-то хорошо изображает, кому-то лучше удается осмысление, а кто-то

погружает читателя в такие дебри реальности, одно изображение которых требует исключительного таланта. И уж конечно, талантливое глубокое произведение немислимо без богатого и точного языка. Язык может быть любимым в плане выбора средств, но всегда – богатым, точным, передающим все оттенки мыслей.

Любое произведение – прежде всего, это послание, сообщение, в котором литератор – не цель сообщения, но всего лишь передатчик, высокочувствительный прибор, который передает единственную, больше никому не доступную радиоволну. Как выразилась в своей книге... (не поверите) мисс Вселенная Оксана Фёдорова, «лично до вас никому нет дела, все заняты собой».

И, не будем забывать, ни один из критериев художественности нельзя рассматривать в вакууме, отдельно от задачи произведения, или нам пришлось бы обвинить «Старосветских помещиков» Гоголя в отсутствии развития характеров и сюжета.

Применим все нами сказанное к молодым прозаикам журнала «Сибирь».

Простую и ясную мысль доносит до читателя рассказ Дмитрия Максимова «Старые рисунки». Автор рассказывает о простых вещах, которые помогут вернуть смысл жизни после утраты любимого человека: например, подаренный котенок, или прежние студенческие увлечения. И хотя это звучит несколько наивно (бросается в глаза неравнозначность потери и приобретения), позиция высказана, выход найден. Рассказ лаконичен, даже скуповат, но вопросов к содержанию (не считая пары мелких моментов) не возникает.

Интересную проблему в своем рассказе затрагивает другой молодой прозаик номера Любовь Головина в рассказе «Утка по-азиатски». Отправившись на утреннюю пробежку в парк, героиня рассказа становится свидетелем душеспитательной сцены: несколько голодных гастарбайтеров пытаются поджарить на мангале утку. Но собравшаяся в парке общественность, конечно же, не позволяет им довершить начатое.

При желании в тексте можно увидеть и другие интересные детали. Например, разность культур. Пытаясь достучаться до совести гастарбайтеров, героиня рассказа спрашивает: «Вы и при своих детях животных убиваете?». Гастарбайтеры, конечно же, не понимают. И виноваты в этом не только языковой барьер, но и культурные различия. Ведь участие детей в национальном празднике курбан-байрам, где по обычаю зарезают молодого барана – обычное дело.

Но писатель не ограничивается комическим эффектом. Стандартную хохму про «тупых джамшудов» автор оборачивает в нравственную

проблему. Показательно, что случайные прохожие встают на защиту утки, видимо, позабыв о причинах, толкнувших гастарбайтеров на этот поступок. Но для автора они – не ограниченные герои комедийного телесериала, а, прежде всего, люди. И как получилось так, вопрошает автор, что мы выдаём «человеческий билет» лишь тем, чей статус/уровень дохода/ образования не уступает нашему? На основании чего мы отказали в человечности Асхабам и Джамшутам? Только потому, что они слабо говорят по-русски?

Скажите, как часто, спеша по делам, мы обращаем внимание на неприметных выходцев из средней Азии, скромно скребущих метлой асфальт? И много ли нам, по горло занятым своими печальями, дела до их проблем? Но автор проявил талант писателя и разглядел в повседневном незажившие социальные раны. Однако молодому автору не хватило силы, чтобы разрешить ту непростую коллизию, которую он обнаружил. Ведь, согласитесь, проблема не решена. А сцена с подаванием нищему, успокаивая совесть автора, не даёт читателю ясности в том, как действовать в описанной ситуации. Автор понимает, что проблему он не решил и, словно для собственного успокоения, вводит ненужную и ничего не решающую сцену с подаванием.

Из этих соображений вышеописанную сцену с нищим считаю лишней – она, скорее, служит моральному успокоению автора, чем даёт читателю пищу для размышлений.

В целом произведение считаю удачным.

Что мы видим в рассказе «Сигналка» Юрия Харлашкина – другого молодого автора журнала «Сибирь»? Мы переносимся в один из поселков Иркутской области, где открыто торгуют наркотой и устраивают разборки на некой Тракторной. Главный герой рассказа – шестиклассник Сашка после школы промышляет рыбалкой. По многим деталям ясно, что живёт подросток в неблагополучной семье. Достаточно сказать, что любимое лакомство Сашки – маргарин. Когда герой собирался пойти на очередную рыбалку, на пороге «нарисовываются» социальные работники. Они придирчиво разглядывают небогатое хозяйство, ведут разговоры о лишении родительских прав нерадивой Сашкиной матери. Социальные работники устанавливают в доме противопожарную сигнализацию и уходят, но после первого же представления Сашка открывает ее с потолка. А то крыша течет, печка коптит и лишний цирк тоже никому не нужен.

У меня вызывает глубокую симпатию то, каким образом, нагнетая детали, автор создаёт образ неблагополучной деревенской семьи и добивается комического эффекта, изображая органы социальной опеки, которые вместо своих прямых обязанностей дарят бесполезную в данных

условиях сигнализацию. Но, избличая единичный случай, против какого явления в целом выступает автор? И выступает ли? Против новомодных технологий, бесполезных там, где нарушение техники безопасности – обыденная данность? Или автора забавляет дремучесть деревенского мальчишки, впервые в жизни увидевшего сигналку? Хотя не знаю, кого могут развеселить описанные в рассказе подробности жизни Сашки. Тут не до смеха – надо думать, что с этим делать.

Рассказу, на мой взгляд, не достаёт того финального аккорда, когда все детали складываются в стройную однозначную картину.

Юрий Харлашкин – писатель любопытный, пробующий силы как в литературе, так и в критике. И мы с нетерпением ждём выхода его романа «Кирилл и Мефодий», который автор пишет на русском и старославянском (!) языках. Но в малых формах, на мой взгляд, писатель уходит в модную нынче бессодержательность, представляя на суд читателя веселые незатейливые рассказы без особого смысла.

Рассмотрим рассказ Максима Живетьева «Чума в станице», написанный, как замечает автор, ещё до охватившей мир пандемии коронавируса.

Рассказ начинается разговором на базаре, из которого мы узнаем о чуме, захватывающей соседние деревни и села, а также встречаемся с главными героями – казаками Аглаем и Митяем. Кто они, в каких отношениях состоят друг с другом, и почему нам рассказывают именно о них – неясно. Из того же разговора мы узнаем, что наши весьма абстрактные герои собираются на некую заставу. Акцентируется внимание на покрасневшей при виде Митяя девушке Анюте.

Герои прибывают на заставу, видят поток беженцев, спасающихся от чумы. Вечером, когда Митяй пьёт квас, в избу вбегает невесть как взявшаяся здесь Анюта и просит казака забрать ее с собой. Что Митяй и делает.

Утром Аглай обнаруживает пропажу друга. А самого Аглая вскоре «разбивает кашель». В следующем абзаце кто-то стучится в ворота к Але. Скорей всего, «разбитый кашлем» Аглай. Ведь предыдущий абзац из одного предложения подготавливает к тому, что дальше речь пойдет об этом герое. Но, к удивлению читателя, за порогом оказывается отец Серафим. Священник зовёт на строительство храма, который предотвратит беду, но Аля, не дослушав, закрывает двери. У неё помирает отец – тот самый, насупленный и молчаливый, о котором вначале рассказывали бабы. Аля признается, что беременна от Митяя.

Мы снова переносимся к Анюте и Митяю. Анюта заболевает. Как это произошло, когда? До, после встречи с казаком – понять невозможно.

Митяй беснуется, носится по лесу, поглощает недожаренного зайца вместе со шкурой, а над головой его «неистово мечутся звёзды». Первый раз за весь рассказ недосказанность обретает подобие приема. В неистовом беспокойстве звёзд – намек на помутненное от болезни сознание Митяя.

Выздоровевший Митяй возвращается на заставу, где встречает беременную Альку. Да и храм, который Аля, вроде бы, отказалась строить, уже возведен. Узнав, что новая (или, как выясняется, первая) подруга Митяя собирается рожать, переболевший казак (наверняка, носитель заразы) идёт ставить самовар. На этой мажорной ноте все и кончается, а умиротворённый читатель отправляется гадать – сколько еще проживут Аля и ее новорожденный?

К финалу все накопленные читателем вопросы превращаются в один большой – ради чего все затевалось? Ради чумы, о которой мы толком ничего и не узнали? Ради едва намеченной любовной линии Анюты и Митяя? В каком времени происходит место действия, к каким историческим событиям привязано? Охватившая станицы чума – реальное событие, или вымысел автора?

Легко запутаться и в географии рассказа. Например, где живут беременная Аля и ее заражённый отец? Из бабьего разговора ясно, что в селе. Но к середине рассказа вдруг выясняется, что на заставе. Или, испугавшись чумы, Аля и ее отец тайно от читателей бежали на заставу? Надеюсь, автор знает ответ на этот вопрос.

В тексте нет ни одного законченного элемента – автор слишком многое оставляет на усмотрение читателя. Это не лаконичность полноты, какую мы ценим, например, в рассказах Чехова, но краткость наброска.

Кроме многочисленных вопросов к строению «Чумы», вопросы вызывает и передающая народную речь лексика произведения. Все эти «сказывал», «гутарю» безнадежно отдают литературщиной. Как отмечал Тургенев, «русский человек говорит так, да не всегда и не везде». Вместо того, чтобы раскрыть перед читателем реальное состояние народной речи, автор пользуется давно устоявшимися формулами, кочующими из книги в книгу?

Но, может, писатель хорошо справился с задачей, и мои претензии надуманны? Рассмотрим другие произведения номера. Почитайте замечательные сельские очерки Натальи Колобовой, и у вас не возникнет ни одного вопроса, для чего они написаны. В рассказе «Поездка к сыну» Анна Фоминична, переехавшая в город для ухода за внуком, безуспешно пробует встроиться в мир невестки. Но та не способна и на капельку терпения: все свекровь делает «неправильно», не по-людски. Молодежь сейчас пошла самостоятельная, умная. Только прожить без «глупых нена-

вистных» стариков у неё почему-то никак не получается.

А в замечательном очерке «Дорогие мои старики» автор напрямую задаётся вопросом – откуда у старшего поколения столько жизненных сил? Откуда столько жизнелюбия? И почему, глядя на этих внешне хрупких, но невероятно стойких людей, чувствуешь себя словно под чьей-то защитой? Правда в том, что люди эти вынесли и пережили столько, что хватит на историю целой страны. Познав горе и тоску, они познали и цену радости. Поэтому, пока живы они, замечает автор, будем жить и мы.

А великолепная повесть Игнатия Пономарева «Шукшин», собравшая крупинцы известного характера в живой и самобытный портрет?

Перед тем, как писать, автору стоит подумать о читателе, о том новом и полезном, что он узнает из произведения. А затем поставить конкретную задачу, например, рассказать о жизни небольшого северного поселка глазами коренного жителя, приезжего, или, допустим, рядового подростка. Или, если брать ближе к рассказу Максима – о чуме в казачьей станице, если это глубинный и ценный опыт, который расскажет что-то новое и жизнеутверждающее о характере Человека.

Ясная постановка цели позволяет избежать ненужных сцен и говорить только о главном, о типичном, что составляет суть высказывания. Работа эта сложная, не всегда подвластная разумному расчету. В процессе создания текста всегда будет вторгаться то, что, вроде бы, имеет ценность только для писателя (ценно только для автора). Поэтому часть литературной работы всегда будет строиться на доверии писателя к самому себе. Но главное при этом – не ударяться в крайности и найти золотую середину между техническим расчетом и тем, что подскажет интуиция.

В творчестве Максима Живетьева, как можно заключить из рассказа «Чума в станице», преобладает наитие – автор слишком полагается на свое «чутье», отвергая замысел и проработку текста. При том чутье у автора, безусловно, есть, просто не стоит его переоценивать.

Здесь настало время пояснить, почему моя статья называется «Зачем Дебил шляпу в речку уронил?». Все дело в том, что был у Василия Макаровича такой рассказ «Дебил», который полезно разобрать в контексте сегодняшней темы.

Василий Шукшин всегда привлекал меня умением ненавязчиво донести до читателя свое высказывание. Вроде бы ситуация, прямая и бесхитростная, живой неприукрашенный характер со своими заблуждениями и правдами, и тихий незаметный рассказчик, не перекрикивающий чужие голоса, но твердо стоящий на своем, сурово проверяющий героя законами жизни.

Главного героя рассказа Анатолия Яковлева в деревне называют

«дебилом».

«Какой же я debil? Мне уж сорок лет скоро!» – удивляется Анатолий и поясняет, что «дебилом можно называть только дурака-переростка, который учиться не хочет, с которым учителя мучаются». Уже многое понятно из этого описания, но дальше – больше. Например, ремонтируя проводку в школе, Яковлев, несмотря на просьбу учителя, отказывается сделать отводку для настольной лампы.

«– Ни каких ламп! По старой ведём,» – хорохорится Яковлев.

«– Я хочу, чтобы было ясно вот здесь, за столом. Почему вы вредничаете?» – недоумевает учитель.

Здесь все уже начинают догадываться о причинах обидного прозвища... Все, кроме Яковлева. Желая избавиться от народной характеристики, он... покупает себе шляпу. Пока он в шляпе, рассуждает горе-интеллигент, ни у кого не повернется язык назвать его «дебилом». Но тот самый учитель, просьбу которого отказался выполнить нерадивый электрик, быстро обличает стремление «дебила» сойти за культурного человека, обратить на себя внимание за счёт «детали»:

«– Вам не хочется скинуть туфли, снять рубашку и так пройтись по селу?»

Разоблачение обывателя, возмнившего о себе слишком много, довершает жест – желая напиться речной воды, Яковлев по деревенской привычке зачерпывает воду головным убором – той самой шляпой, что ещё недавно была его главным человеческим достоинством. Этот отчаянный жест – признание собственного поражения. Слезы Золушки, которую не спасли от разоблачения ни карета, ни хрустальные туфельки.

Вот так, без длинных авторских рефлексией писатель выводит мещанство на чистую воду. Это и есть искусство обманчивой простоты, когда взятое «прямоком из жизни» событие становится высказыванием.

В рассказах Шукшина говорит не автор, а его герои. Но говорят они настолько выразительно, что у читателя не остаётся сомнений, кто прав, а кто – поступился совестью.

Какой урок должны извлечь из этого молодые писатели? Умение выбирать такие ситуации, характеры и поступки, которые без длинных рассуждений покажут место героев в мире. Для этого требуются опыт и верно поставленная задача – большое и светлое окно, через которое писатель увидит истину. Главное – не путать его с замочной скважиной.

Надеюсь, сказанное в этой статье поможет молодым писателям «Сибири» сделать свои творения светлее, выразительнее, глубже и обрести верного читателя.

Конкурс ЛИК 2020

«А ДУШИ... – И КРАЯ НЕ ВИДАТЬ»

О ЛИТЕРАТУРНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ КОНКУРСЕ «ЛИК»

В 2021 году уже в четвертый раз состоится литературно-исследовательский конкурс (сокращенно ЛИК), посвященный творчеству сибирских писателей. Конкурс был организован кафедрой новейшей русской литературы Иркутского государственного университета совместно с экспозиционным отделом «Музей В. Г. Распутина» Иркутского областного краеведческого музея и Культурным центром Александра Вампилова. В 2020 году в число соорганизаторов вошла Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И.И. Молчанова-Сибирского.

Главной целью организации конкурса является активизация среди детей и молодежи литературного краеведения, связанного с жизнью и творчеством классиков русской литературы Валентина Распутина и Александра Вампилова, а также других сибирских писателей (прозаиков, поэтов, драматургов).

Первый ЛИК, состоявшийся в 2018 году, был посвящен знаковой в сибирском пространстве фигуре – Валентину Распутину. В 2019 году, объявленном Годом театра, внимание было приковано к творчеству Александра Вампилова. Весной этого года прошел «ЛИК. Владимир Гуркин», он был посвящен Владимиру Павловичу Гуркину (1951–2010), российскому актёру, драматургу, сценаристу, режиссёру. В. Гуркин долгое время жил в г. Черемхово Иркутской области, учился на актёрском отделении Иркутского театрального училища, работал актёром в Иркутском ТЮЗе, в Омском драматическом театре, Амурском областном театре драмы (г. Благовещенск). В 1981 г. В. Гуркин написал пьесу «Любовь и голуби», а в 1984 г. по его сценарию режиссером Владимиром Меньшовым был снят одноименный фильм, заслуживший народное признание и любовь. Пьесы Владимира Гуркина – «Зажигаю днем свечу...» (1979), «Шел медведь по лесу...» (1988), «Плач в пригоршню» (1992), «Саня, Ваня, с ними Римас» (2005) и другие – проникнуты искренним сопереживанием человеку и затрагивают важнейшие темы: любви, чистоты, доброты.

Социальное, природное и литературное пространство Сибири обладает своим, уникальным рисунком. Создавая конкурс, мы хотели обра-

тить внимание школьников и студентов на особенности прозы, поэзии, драматургии, истоки которых связаны с нашим городом и нашей областью. Задания в ЛИКе делятся в зависимости от возраста участников (6-9 классы, 10-11 классы и учащиеся колледжей, студенты высших учебных заведений), учитывают развитие исследовательских навыков и творческих способностей в области литературы.

Для учащихся 6-9-х классов в текущем году прошла традиционная викторина с научно-поисковыми вопросами, в этот раз вопросы касались пьесы В. Гуркина «Любовь и голуби», а также одноименного фильма В. Меньшова. От участников требовались внимательность и наблюдательность, чтобы найти ответы на такие вопросы, как: «Откуда родом Василий Кузякин?», «Какой населенный пункт Иркутской области упоминается в фильме?», или «Какие пословицы, поговорки и «крылатые слова» встречаются в речи героев фильма?»

В этом году в викторине приняли участие более 80 школьников со всей области. 17 из них стали победителями, заняв призовые места. В списке много учащихся из школы №19 г. Тулуна. Особую благодарность выражаем Тамаре Александровне Ислентьевой за работу с учениками и поддержку тех воспитательных и творческих целей, на которые направлен конкурс.

Приятно, что у нас уже есть постоянные участники. Высокие результаты в викторине третий год подряд показывает Ярослав Никольский (МОУ Лицей УКМО Иркутской области).

Учащиеся 10-11-х классов, а также колледжей любого профиля имели возможность выбрать одно задание из двух предложенных. Если участникам конкурса, выбравшим исследовательское задание на тему «Значение образа Володьки-дурачка в пьесе Владимира Гуркина “Любовь и голуби”», предстояло проявить свои научные задатки, продемонстрировать логику и стройность мышления, работу с разными источниками, то тем, кто остановился на творческом задании, было необходимо проникнуть в психологию одного из героев пьесы (фильма) и написать письмо-ответ Василию (и, возможно, Раисе Захаровне) от имени любого из детей Василия и Нади Кузякиных, сохраняя характер персонажа, передавая возрастные особенности и мировосприятие героя.

Конечно, на страницах журнала мы не можем представить все присланные на конкурс работы. Каждая из них обладает своим уникальным почерком, и, что особенно радует, нешаблонным мышлением. Ради пробуждения этого желания прочитать, поразмышлять, поговорить и был задуман конкурс. Выражаем благодарность всем участникам ЛИКа, а также тем учителям и родителям, которые поддерживали своих учеников и

детей в творческих и исследовательских заданиях.

В 2021 году состоится уже четвертый конкурс. На этот раз это будет «ЛИК. Геннадий Михасенко». Детский писатель, обозначивший город Братск на литературной карте не только Сибири, но и России, писал открыто, честно, по-доброму. Его книги были увлекательным чтением для многих сейчас уже взрослых людей, но мы уверены, что они не потеряли своей пронзительности и искренности и для современных детей и подростков. Информация о конкурсе появится в конце декабря на сайте: belca.isu.ru. Ждём прежних и новых участников для творческого общения!

*Ю.М. Брюханова, В.Я. Иванова, Н.Н. Подрезова, С.Р. Смирнов,
Е.В. Сумарокова
(члены Оргкомитета конкурса, преподаватели кафедры новейшей
русской литературы факультета филологии и журналистики ИГУ)*

РАБОТЫ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА «ЛИК. ВЛАДИМИР ГУРКИН» (орфография и пунктуация авторские)

Наталья Лунева (студент Ангарского техникума строительных технологий, г. Ангарск; руководитель – М.А. Котова) – **I место.**

Значение образа Володьки-дурачка в пьесе Владимира Гуркина «Любовь и голуби»

У каждого из нас есть дом, семья – это тот островок, находясь в котором мы не ждем ничего плохого. Дом и семья – это наше убежище от жизненных бурь, обид и несчастий, это теплые отношения, поддержка и доверие. Семейные отношения – это очень деликатный вопрос, который не решишь обращением в органы власти. И, к сожалению (или к счастью?), нет единственно правильного рецепта воспитания детей. Говорят, самое эффективное – это воспитание детей на примере.

Герои пьесы «Любовь и голуби» пусть не совсем образованны, они простые люди, но их любовь друг к другу, бесконечная доброта и забота о детях достойны уважения. Лучший способ достучаться до сердца ребенка – это душевные разговоры, как, например, рассказ главного героя своей дочке про Володьку-дурачка из своего детства. Это было рассказано не просто так, а с целью объяснить свою привязанность к голубям, вызвать правильные эмоции ребенка в отношении тех, кто беззащитен и слаб.

Пьесу «Любовь и голуби» написал Владимир Павлович Гуркин в

1981 году. Многие знакомы с сюжетом по одноименному фильму – всеми любимой комедии «Любовь и голуби». Реальная история семьи Василия и Надежды Кузякиных из городка Черемхово под Иркутском была поставлена во многих советских театрах, в том числе в московском «Современнике». На премьеру заглянул кинорежиссёр Владимир Меньшов, недавно получивший «Оскара» за фильм «Москва слезам не верит». Увидев на сцене Нину Дорошину, которая играла Надюху, простодушную и шумную бабу, Меньшов загорелся идеей перенести спектакль на экран. Простая, милая, добрая и порой смешная история обычной деревенской семьи, которая живет не разумом, а чувствами и сердцем, пленила зрителей. В каждом герое присутствует черта характера, которая есть в каждом из нас. В Василии – неудержимая тяга к прекрасному и вера в чудо; в Надежде – добрая, любящая душа, которая не черствеет, несмотря на жестокие жизненные перипетии; в Люде – терпение и спокойствие; в Ленке – стойкость и целеустремленность; а в Ольге – всепрощение и любовь. И, наверное, именно в этом заключена магия этого фильма: следя за историей, развивающейся на экране, через некоторое время забываешь, что все это лишь игра актеров. Все начинает восприниматься как реальность. Как будто не актеры это, а родственники или соседи, которых знаешь не первый год. Они живут своей жизнью, ругаются, мирятся, смеются и плачут.

У многих в воспоминаниях детства есть образы живущих по соседству детей или взрослых, отстающих в развитии. К сожалению, такое случается. Умственно отсталый ребенок не может осознать, что он не такой, как все, и тянется к детям, хочет играть вместе с ними. Не всегда у детей, да и у взрослых, хватает доброты и человечности не обижать такого соседа, относиться к нему, как к равному.

Ведь, в сущности, эти люди безобидны, они сохраняют умственные способности, наивность и доброту пятилетнего ребенка всю жизнь. В моей памяти тоже есть такой человек – соседский мальчик Коля, лет восемнадцати-девятнадцати, который бегал вместе с нами, первоклашками, играл в войну и был бесконечно добрым. Помню постоянные слезы на глазах его матери, и только теперь, став взрослым человеком, я с болью осознаю их причину.

Вот и актер Александр Михайлов, сыгравший Василия, вспоминал, что ему очень тяжело далась сцена, где он рассказывает младшей дочери историю про дурачка Володьку. В детстве соседом актера был похожий умственно отсталый мальчик, которого все обижали. Однажды Михайлов кинул в него камень вместе с другими ребятами, ранив до крови. После этого мальчишку никто не видел. Актера много лет тяготила эта история, он всерьез считал, что мальчик погиб, и только спустя время узнал, что

это не так.

С замиранием сердца вместе с Ольгой слушаешь, казалось бы, обычную историю Василия о Володьке-дурачке, который обожал голубей, птицы отвечали ему взаимностью. И с людьми он был добр, и люди любили его. Не требуя ничего взамен, он был готов помогать каждому: «Кто чего попросит по хозяйству помочь – безотказный был. Да работает, упирается пуще хозяев». Звучит из уст Василия и такая характеристика Володьки: «Сила у него была невероятная, только вот ума Бог не дал, а души и силы так много – края не видать». И душа его светлая, чистая, недаром так любят Володьку и односельчане, и птицы.

В русских селах хорошо относились к умственно отсталым людям, жалели, называли их «божьими людьми». Сам Василий вырос человеком добрым, мягким во многом благодаря сельскому укладу, привычным добрым отношением ко всему живому. Любовь к голубям ассоциировалась у него с воспоминаниями о беззаботном детстве и сельском дурачке Володьке, который хоть и был умственно отсталым, но все же добрым к людям и животным. То, как заинтересованно, с пониманием слушала Оля рассказ отца о детских воспоминаниях, пронесенных им через всю жизнь, говорит об их крепкой духовной связи и взаимопонимании. На мой взгляд, именно эта сцена наиболее полно раскрывает взаимоотношения отца и дочери. Ведь не нотациями, не длинными нравоучениями формируется характер человека, а вот такими доверительными рассказами о том, что близко и дорого, личным примером.

Кроме того, этот эпизод помогает нам лучше понять характер самого Василия. Человек, воспитанный в духе ответственности за свою семью, доброго отношения к детям и пожилым людям, предпочитающий мирное разрешение любой конфликтной ситуации. Отношение человека к окружающим людям, соседям, животным и птицам обязательно проецируется на семью. У добрых людей все жизненные ситуации рано или поздно разрешаются мирным путем. «Надя... Я... я... Я не думал раньше... Я умру, Надь. Слышь? Не сам. Я умру за вас, Надь. Я не знал раньше. Как-то не думалось про это. Пусть режут, пусть че хотят со мной делают, только чтобы вы были... Жили... Обидел вас, а теперь как хошь расплачусь. Хошь смертью своей...»

Чистота чувств, открытый детский взгляд на мир, умение прощать и принимать прощение, беззлобность – эти черты присущи не только Володьке-дурачку, но и главному герою, Василию Кузякину.

Что тут можно добавить? Испытания посылаются человеку для того, чтобы он оглянулся на свои ошибки и бесконечно ценил то, что имеет.

Анастасия Кузнецова (10 класс, МБОУ СОШ № 18, г. Братск; руководитель – М.Э. Матвеева) – номинация «За высокий результат и знание русской литературы».

Значение образа Володьки-дурачка в пьесе Владимира Гуркина «Любовь и голуби»

«Браво!» – кричат зрители в зале театра. «Любимая комедия», «лекарство от хандры», «фильм о простом человеческом счастье» – такие отзывы часто слышим после просмотра фильма «Любовь и голуби». И правда, кто не смеялся над хитрым дедом Митей и его вечно ворчливой супругой бабой Шурой, простоватым и добрым Васей Кузякиным и всегда защищающей его дочкой Олей? Но есть среди них, на первый взгляд, образ незаметный, но всё же очень важный для понимания того, что хотел сказать нам автор. Это образ Володьки-дурачка. На самом деле, это очень глубокий характер, влияющий на образ главного героя. Характер, о котором много говорят критики, исследователи, увлечённые читатели – русский национальный характер.

Русский национальный характер — это психологический портрет целого народа, который, возможно, не сможет понять ни один из культурных деятелей из других стран. Русский национальный характер — это совокупность черт и качеств, присущих только нашему народу и непонятных другим. Представителей национального характера достаточно в литературе. Попробуем разобраться в поставленной теме на примерах из произведений Л. Н. Толстого «Война и мир», Н. С. Лескова «Очарованный странник», Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», Ю. Буйды «Всё больше ангелов» и сравнить с героями Володьку-дурачка из пьесы В. Гуркина «Любовь и голуби». Какие же качества присущи русскому человеку?

Во-первых, это такие качества, как простота и доброта. Русский человек никогда не откажет в просьбе, придет на помощь и заступится. Таким и был Володька-дурачок. Пусть он и не был одарен умом, но всегда приходил на помощь, никогда не отказывал: «Кто чего попросит по хозяйству помочь, тут же придет, работает, пуще хозяев». Таков и главный герой повести Н. Лескова «Очарованный странник» – настоящий пример национального характера. Иван Флягин всегда приходит на помощь и готов дать дельный совет. Он помогает старикам, у которых забирают сына в армию. Он идет вместо него и дослуживается до звания офицера. На войне он, не жалея себя, сражается и готов умереть за родину. Иван Флягин помогает проститься с жизнью Грушеньке, взяв на себя страшный

грех. Итак, на образе Ивана Флягина мы убедились, что русский человек никогда не оставит в беде, всегда придет на помощь. Этим и схожи главный герой «Очарованного странника» и Володька-дурачок. Ведь только в русских традициях есть помощь ближнему, будь это уборка урожая, строительство дома, уход за детьми или нечто глобальное.

Во-вторых, это единение человека с природой. Володька-дурачок кормил голубей, которые жили в старой церкви. Только он мог ухаживать за ними, так как другим людям птицы не доверяли. У него был особый талант по отношению к голубям: он мог с одного глотка напоить пять голубей. После его смерти птицы долго кружили над могилой в память о друге, а может, и он, наш Володька, был среди них и наблюдал за своим родным местом, ведь многие народы считают, что человеческие души перевоплощаются в голубей. Итак, можно сделать вывод, что Володька-дурачок един со всеми душами. Ведь только людей с чистой душой и чистыми помыслами, как наш Володька, любят животные. Здесь опять вспоминается главный герой повести «Очарованный странник». Иван знал толк в коневодстве и обладал особым дарованием во всем, что касается лошадей. В мифологии конь является посланником бога и проводником душ в мир мертвых. Таким образом, не только в единстве с природой, но и в единстве с духовным миром схожи Володька-дурачок и Иван Флягин. А ведь так и должно быть: люди должны быть едины не в материальном мире, а духовном. Ведь зачастую материальное – прах, а духовное – вечность.

В-третьих, это вера в Бога. Русский человек со времен принятия христианства был очень набожен. Пусть в советские годы и процветал атеизм, но давайте разберемся в этом на примере Володьки-дурачка. По произведению Володька нашел голубей в заброшенной церкви. Церковь заброшена людьми, так как советское правительство отрицало любое вероисповедание. Как мы выяснили, голуби – это перевоплощенные души, которые стремятся к церкви, к Богу. Ведь и Иван Флягин – тоже душа, которая всю жизнь стремилась к Богу, не подозревая этого. Автор не описывает его как идеального человека, напротив, Иван Флягин – неоднозначный герой. Все его поступки можно разделить на положительные и отрицательные. Всю жизнь он «создает грехи», а потом их искупает. Все время пребывания в татарском плену Флягин мечтает о побеге. За все 10 лет плена он не изменил родной вере. Несмотря на то, что он имел двух жен (а это, как известно, противоречит христианским устоям), он оставался православным человеком: захоронение миссионеров по христианскому обычаю, крещение татар перед побегом – все это свидетельствует о преданности православной вере.

С одной стороны, может показаться, что Володька–дурачок и Иван Флягин – единственные представители русского национального характера, но это не так. Также примером истинной веры в Бога является Платон Каратаев из романа–эпопеи «Война и мир». Каратаев беспрекословно готов принимать тяготы судьбы, не обвиняя никого. Он истинно верит, что судьба написана всевышним и что нужно жить, повинаясь ей. Покорность и жизнь без злобы – такова позиция данного героя. Это и роднит его с Володькой-дурачком.

Еще одним примером истинной православной веры является произведение Юрия Буйды «Все больше ангелов». Этот рассказ повествует о покорности перед всевышним. Героиня рассказа Стефания олицетворяет «подлинное христианское смирение». Несмотря на плохое отношение невестки, она не озлобилась, не ответила обидчикам тем же. Наоборот, она привила своему внуку Вите любовь к ближним, умение противостоять трудностям и, конечно, умение сострадать.

На вышеперечисленных примерах мы убедились, что во все времена русский человек отличался искренней верой в Бога, несмотря на жизненные обстоятельства.

Кроме того, русского человека отличает честность и любовь к правде. Именно Володька в пьесе жил по правде, те есть по правилам: жить, чтоб не мешать, не докучать, не нарушать. Пусть он и был плохо образован, простоват, но лучше быть обычным добрым работягой и не брать на себя грехи за обман, чем лгать. Так он и принял смерть от хулиганов, буянящих в деревне. Он с наивной детской уверенностью думал, что хулиганы остановятся, перестанут дебоширить, но этого не произошло. Таким восприятием мира обладает и герой поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» ЕрмилГирин, которого критики тоже относят к национальным русским характерам. Он тоже является ярким примером людей, живущих «по совести», не принимает жизни, построенной на лжи, борется за правду, считает всех людей равными между собой:

Брал за помол по совести.
Народу не задерживал,
приказчик, управляющий,
богатые помещики
и мужики беднейшие —
все очереди слушались,
Порядок строгий вёл!

Благодаря своим принципам, он становится всенародным любим-

цем, и его избирают бурмистром. Этим и похожи Володька–дурачок и ЕрмилГирин. Ведь именно в любви к правде заключается истинная душевность русского человека.

Со слов главного героя пьесы «Любовь и голуби» можно легко понять, что Володька-дурачок оказал большое влияние на формирование его характера. Благодаря Володьке-дурачку Василий стал разводить голубей, приобрел такие качества, как простота души, детская доброта и наивность. Вернулся в семью Василий благодаря христианскому покаянию, присущему ему и перечисленным представителям национального характера. В фильме есть вырезанная сцена: сон Василия Кузякина. А снится ему такая картина: его младшая дочь стоит с журналом, а на нем изображен коктейль. И тут наш герой оказывается в баре. В одной руке у него сигара, а в другой – тот самый коктейль. Он поворачивает голову в одну сторону – перед ним дед Митяй и баба Шура, поворачивает в другую – вся его семья. И все пьют коктейль. И тут его кто-то бьет по лицу. Это голубь! А может быть, это Володька? Может быть, теперь он навсегда стал его ангелом-хранителем в виде голубя? Из всего вышеперечисленного видно, что Володька–дурачок оказал огромное влияние на Василия Кузякина. Можно сказать, что Володька стал неким внутренним голосом совести для главного героя.

Итак, мы убедились, что образ Володьки-дурачка очень важен не только для понимания характера главного героя, но и для понимания русского национального характера. Возможно, нам, современным людям, тяжело понять то, как жил Володька-дурачок. Ведь на данном этапе развития человека далеко не добродушие и взаимовыручка стоят на первом плане в жизни многих людей. Оттого и кажутся нам странными Володька–дурачок, Иван Флягин, Ермил Гирин, старуха Стефания и другие герои произведений русских писателей, сумевших раскрыть и увековечить русский национальный характер.

Зарина Ключникова (студент Иркутского техникума транспорта и строительства) – I место.

Письмо-ответ Василию от его дочери Оли

Здравствуй, папочка!

Прочитали твое письмо. Спасибо за ракушки, я очень рада.

Мама очень расстроилась, хотела сразу голубям бошки поотрубать, но Леша не дал маме тронуть голубей, сказал, что они ни в чем не виноваты. Люда устроилась в детский сад, младшим воспитателем. С мужем она не общается.

После твоего письма мама поругалась с Людой. Люда хотела уехать обратно в город. Но потом они помирились. Потом к нам приезжала какая-то незнакомая женщина. Они с мамой о чем-то разговаривали, но мама начала кричать и прогнала ее. Запретила нам видеться с тобой, собралась продать голубей, сказала, что все равно они тебе уже не нужны.

Леша злится на тебя, говорит, что он никогда тебе этого не простит. Сначала, после письма, мама не вставала с кровати целый день, все плакала. Потом ещё три дня лежала. К нам приходили дядя Митя и баба Шура, чтобы поддержать маму. Дядя Митя придумал очередную историю, чтобы мама налила ему опохмелиться. Баба Шура потом всю деревню оббегала, ища его. Милый мой папа! Мы все очень скучаем по тебе, хоть все и делаем вид, что ничего не произошло. Мама скучает больше всех. Вчера в первый раз о тебе заговорила. Сказала, что у тебя ума не больше, чем у Володи-дурачка. И работать можешь, и силой ты не обижен, и соседи тебя любят, а вот характера тебе не хватает. Мама очень изменилась. Почти не ругается, делает всё по дому, проверяет у меня уроки, на прошлой неделе ходила к Лёньке в техникум – он там с кем-то подрался – и даже не наказала его. С Людой иногда шепчется да с бабой Шурой, а меня отправляют куда-нибудь. А я ухожу или в баню, или к голубям. У голубей давно уже закончилось зерно, и деньги закончились, которые ты мне давал, но я понемногу покупаю зерна, беру деньги из копилки, кормлю их. Люда и Лёнька тоже потихоньку забираются на крышу, да и мама тоже, так и прячемся друг от друга и делаем вид, что не замечаем, как туда ходим. Папка, мы тут как партизаны, возвращайся уже скорее.

Помнишь, ты, когда поехал на курорт, говорил, что поглядишь, что же птицы видят с высоты? Мне тоже это очень интересно. В кино показывают, это красиво, конечно, но так хочется увидеть самой. Иногда смотрю на деревню, лес, речку с крыши, думаю, может, тебя увижу. Вот ты вернёшься и расскажешь мне, как это – смотреть на землю с большой высоты.

Папочка, я тебя люблю. Я очень хочу, чтобы ты вернулся, и все стало, как раньше. Папочка, не нужно мне никаких ракушек и ветки пальмы, лишь бы ты вернулся. До свидания, любящая тебя дочь Оля.

Юлия Константинова (11 класс, МБОУ СОШ № 28, г. Иркутск)
– II место.

Письмо-ответ Василию от его сына Лёньки

Папка, ты че сдурел? Тебе там, на курорте, голову напекло? Отпустили тебя на выздоровление, а оно во как вышло! Захотел пожить

покрасивше, побарствовать? А ты о мамке-то подумал? Кобель чёртгов! Она уже второй день лежит и причитает, с ума помаленьку сходит, уж помирать собралась. Плохо тебе у нас было? Вон, мамка грозилась голубям твоим бошки поотрывать, а я заступился. Они ведь не причём.... А счас думаю, а пусть бы поперебила их, чтоб тебе неповадно было по чужим углам бегать! Правильно говорила тётя Шура, что город всех с ума сводит. Что жизнь малина там? Принёс же её чёрт сегодня на нашу голову.... Из управления... Мне-то после письма так тошно стало, что на улицу выбежал, а иначе бабьих слёз я б не выдержал... Потом слышу, в доме крики и грохот. Подбегаю к двери, а оттуда твоя (как я потом узнал) расфуфыренная выбегает. Вся такая растрёпанная, напуганная. Это мамка ей поддала, и правильно!

Меня как обухом по голове ударили... Даже не могу поверить, что ты так поступил... Мы, что в раз чужие тебе стали? Мать может и простит, да и Людка с Ольгой. Но не я! Как мужчина презираю тебя... Презираю! Что там она писала? Не сердитесь, не гневайтесь? Да проклинаю вас!!! Что-то там ещё было... А..., слишком много страданий и горя выпало на твою долю??? Что ты там ей наплёл, горемычный?! Какого страдания? В сахаре тут живёшь, все деньги на голубей спускаешь! Мамка всё тут перед тобой хлопочет, всё прощает. А ты? Значит, несчастлив с нами был? «Раиса Захаровна хорошая, подарочки-то она помогала искать!» Да подавись ты ими! Встречу – убью! Слышишь? За мамку, за сестёр... Ты хоть понимаешь, что наделал? Век не забуду такого. Ты мне больше не отец! Понял? И знать тебя не хочу! Так и помяни мои слова, если придёшь, за себя не ручаюсь. И никто меня не остановит. Дома постоянные ссоры, слёзы, уж домой не хочется идти. Сердце кровью обливается, когда на мать смотрю. Ты че с ней сделал? Ты видел, как она тут?! Нет тебе прощения!.. Я не забуду!..

Яна Медведева (студент Байкальского техникума отраслевых технологий и сервиса, г. Байкальск) – **III место.**

Письмо-ответ Василию от его дочери Оли

Здравствуй, папка! Пишет тебе твоя дочка Оля.

Я очень долго думала, написать тебе в ответ это письмо или нет, но всё-таки решилась. Честно, я никогда и подумать не могла, что такое может произойти в нашей семье, что ты уйдёшь к какой-то другой женщине, бросишь маму и нас одних. Мамка раньше не показывала своих настоящих чувств, много ругалась на тебя. Но сейчас настолько она сильно переживает, что мне очень жалко смотреть на неё. Сейчас она совсем слегла

и ни на что не реагирует, даже на нас... Я хоть и не такая взрослая и много чего не понимаю, но одно я вижу точно, как она мучается без тебя...

Лично я, после вашего расставания всё время плачу и переживаю...

Ведь больше всего на свете я не хочу, чтобы вы с мамой ругались, а тем более развелись.

Людка тоже переживает, но держится и всё время нас успокаивает. Знаешь она такая мудрая – я, когда вырасту, хочу быть похожей на неё.

Честно, сначала у меня была сильная обида на тебя. Обида за нашу маму и за нас, твоих детей. Но потом задумалась, как же теперь мы будем жить без тебя? Как же наша семья, которая была для меня настоящим примером? И пусть семья была не идеальная, но всё же она была. А для меня очень важно, чтобы мы все были вместе. Чтобы ты был рядом, мамку и нас оберегал.

Пусть ты даже не будешь жить с нами, ты всё равно останешься нашим папкой. Нам будет тяжело без тебя жить, ведь наша семья уже не будет такой, как раньше. Знай, я всегда буду ждать и скучать по тебе, тосковать по нашим с тобой душевным беседам в голубятне. И ты, наверное, тоже помнишь и скучаешь по своим голубкам и по нам.

Я вспоминаю, как ты мне рассказывал про голубиную верность. И в глубине души я надеюсь, что и ты к нам вернёшься, как тот самый голубь к своей голубке...

Папочка, я желаю тебе счастья, правда и даже с твоей новой женщиной. Я понимаю, что это твой выбор, но в глубине души я буду ждать тебя домой всегда, ведь, возможно, ты совершил ошибку, а людям, как правило, свойственно ошибаться и иногда даже нужно, чтобы многое понять. Надеюсь, и ты поймёшь. Возвращайся, папка! С любовью Оля.

**ИАНА ФАТКУЛИНА, 17 лет,
с. Бильчир Осинского района**

ДЕВОЧКА ЦВЕТА ЛУНЫ...

*Чтение хороших книг – это разговор
с самыми лучшими людьми прошедших времён.
Декарт*

За окном серебрятся сумерки. Небо постепенно теряет цвет, гаснет. Все наполняется тишиной.

Я сижу в комнатке, в своём любимом кресле. Рядом старый бабушкин торшер. Из него струится мягкий тёплый свет. Он ласково обволакивает, берёт в круг, как в объятья, меня, столик и лежащую на нем книгу. Книга раскрыта. И страницы выгнулись и замерли, будто вдруг задумались или впали в забвенье...

О, какой потрясающей силой обладает эта книга! Как пронзительны строки, летящие по ее листам! Они, словно певучие стрелы, попадают в самое сердце, заставляя его гореть и сжиматься от чего-то такого, что и не выразишь словами. Марина Цветаева. Стихи и поэмы.

Я беру книгу, пробегаю глазами по первым же попавшимся стихам и уношусь куда-то... далеко-далеко... В иную эпоху, в иное ли измерение. Туда, где девочка цвета луны

...Медленно в воду вошла.

Почему мне так близка эта книга? Отчего мои чувства, мои мысли, как эхо, как отзвуки этой поэзии? Девочка цвета луны... Это Марина, та самая девочка цвета луны, шагнувшая в воду другого мира, других слов, другой ритмики. Инаковость, глубина, прямота – вот секрет её магии, что заставляет меня вновь и вновь обращаться к её стихам. Читаешь её строки, и пространство вокруг наполняется энергией её чувств. Это странное сочетание грусти и страстности, лёгкости и гибельности. Это таинство видения мира насквозь и умения сказать о нём так, будто ножом стеклу, нет, точнее – по живому!

Скучно одной – и с людьми...

К людям не надо – солгут...

Со всем миром – и одна! Трагедия поэта. Трагедия человека начала XX века. И это ли не трагедия каждого из нас, сейчас живущих! Живущих в нереальном мире. Все мы у всех на виду, но все – одиноки, и все – под личинами (вот она – переключка веков, человек всё тот же). Да, конечно, порой побыть наедине с собой, со своими мыслями (как теперь, например) полезно и даже необходимо. Одиночество учит размышлению. Но сейчас я о другом: о разобщенности, о подмене настоящего человеческого общения его виртуальным подобием. К счастью, в наше время рядом всегда может оказаться нужная книга, правильная книга. И это спасение от одиночества. Ведь книга – это вселенная души автора, его образов, мыслей, идей, мировоззрения. И с другой стороны, книга – это познание жизни, познание себя.

Максимилиан Волошин назвал «Вечерний альбом» Цветаевой книгой, которая «вся на грани последних дней детства и первой юности». Так значит, она обо мне, обо мне сегодняшней. Я и этот поэтический дневник – ровесники. Вот они, прямые пересечения и проникновения, те самые стрелы... Книга – явление вне времени, хорошая книга всегда современна и понятна.

Я перелистываю страницу, и передо мной встают картины *моего* детства. Это я бегу с сестрой наперегонки, это *мы с ней* лежим в траве и мечтаем стать феями. А «Книги в красном переплёте»? Ведь это тоже обо мне! Это я читаю о Томе и Бэкке. Это мне страшно от крика совы. И это мне так хорошо за книгой дома... Или мы в детстве все так похожи?

Ловлю себя на мысли, что обращаюсь к Марине. Или к себе? Да, скорее, веду диалог и с собой, и с Мариной. Она там, высоко, но я слышу, чувствую и понимаю её. Мы ведём разговор о парадоксальности жизни, о смысле бытия и собственной смертности, о невозможности счастья на земле и вечной, неизбывной человеческой тоске по счастью. О красоте, что наполняет этот мир: красоте женщины, красоте природы, красоте слова и чувства, красоте поступка. О комичности и трагичности земной юдоли. О, уж ты-то об этом знала, как никто другой. Высокую цену заплатила за божественный поэтический дар. Но был у тебя, Марина, ещё один высокий дар. Дар любить, любить отчаянно, с надрывом, расточая себя безмерно, безжалостно. Любовью ты оправдывала всё.

...О любовь! Спасает мир – она!
...Всё в любви... Любила – спасена!

Мне семнадцать. И мне знакомо это чувство. Когда любишь – хочешь всё вокруг наполнить любовью. И неважно, сколько лиц у любви.

Это дар. И это спасение. И как ты была права, заметив, что «встречаться надо для любви, для остального есть книги».

Пальцы продолжают перебирать страницы с драгоценными стихами. Всё также объединяет меня и книгу круг лучистого света. Сколько мыслей в голове, сколько смыслов... И образ девочки цвета луны, что обращается ко мне издалека, оттуда, из серебряных сумерек.

АНАСТАСИЯ МУРАТОВА, 16 лет, Усть-Илимск

РЕМЕСЛЕННИК ИЛИ ТВОРЕЦ?

«Писательство – не ремесло и не занятие. Писательство – призвание», – так о писательстве выразился Паустовский. Само по себе слово «писательство» подразумевает умение писать, способность к складыванию слов во фразы, грамотное строение текста. Но можно ли сказать, что писательство – это ремесло или определённого рода занятие? Или же слово «призвание» имеет место в определении писательства?

Ремесленники, основываясь на своих знаниях и практике, занимаются своим делом в той или иной области и являются в нем мастерами. Результат их работы – качественные и надежные вещи. Что же писатели? Ведь некоторые писатели действительно имеют теоретическую подготовку, отлично знакомы с пунктуацией и грамматикой и применяют свои знания на письме. К сожалению, этого мало. Призвание – вот неотъемлемая часть творца. Призвание образовано от слова «звать», «звать», то есть человек постоянно чувствует своё влечение к этой сфере деятельности, чувствует, что именно здесь его стезя. Важно ощущать текст каким-то внутренним чутьем, понимать все достоинства и недостатки всего написанного и, разумеется, пробовать выразить суть и идею. Писателям присущи живой ум и фантазия. С ними рассказ, статья, роман становятся наполненными смыслом и личными рассуждениями автора, которые преподносятся так, что читатель неосознанно сам задумывается, начинает следить за ходом мысли и делает свои выводы – это ещё одна важная сторона писательского дела: заставить через текст, фразы, буквы работать человеческий мозг, размышлять над прочитанным. Мне встречалось множество текстов, по моему мнению, страдающих безыдейностью, а суть их сводилась к банальным рассуждениям. Видно было, что такие тексты написаны по шаблону, и автор не имеет собственных представлений и даже не совсем понимает, о чем пишет. Такие «писания» едва ли дочитаешь до конца. Я считаю, что действительно способного автора можно сразу определить по манере изложения текста, пусть даже и с некоторыми

погрешностями в грамматике, но... в нем будут «точки притяжения» читателей – интерес, хоть и местами.

Писателями не становятся, а рождаются. Научить писать стихи, поэму или прозу нельзя. Даже приложив все свои усилия, убив не один час, прочитав огромное количество книг, не каждый человек напишет что-то толковое, по-настоящему хорошее, не все его попытки увенчаются успехом. Да, человек может «научиться» сочинять пьесы. В итоге, чтобы сочинить пьесу, нужны грамотность и некоторые усилия. Но его творения будут сочиненными, а не рожденными. Художественные произведения рождаются, а не придумываются, и процесс их рождения подобен таинственному чуду появления на свет.

Разобравшись, каким должен быть настоящий писатель, постараемся вспомнить великих русских творцов писательского дела. В памяти сразу же оживают такие выдающиеся писатели и поэты как Есенин, Достоевский, Блок, Куприн. У каждого из них есть призвание, талант. Блок, например, написал свои первые стихотворения в пятилетнем возрасте.

С.А. Есенин – русский поэт, тонкий лирик, певец крестьянской Руси, знаток народного языка и народной души, родился в простой крестьянской семье. Образование он получил в местном земском училище, закончил его с отличием. Он не стал сельским учителем, как хотели его родители. После учебы Сергей работал сначала в мясной лавке, а затем – в типографии. Все начинания в написании стихов тут же пресекались и осуждались отцом, который говорил, что не дело это бумагу марать. Молодой человек не слушал никого и на все заработанные им деньги покупал книги, журналы, целыми днями сидел за письменным столом и творил, создавал шедевры русской литературы. Есенин – яркий пример творца, который преодолел все трудности и неодобрение. Его лирика рождалась с болью и кровью. За каждой строчкой стоит душа крестьянского поэта, любящая Россию до безумия, страдающая от несправедливости.

Советскую я власть виню,
И потому я на нее в обиде,
Что юность светлую мою
В борьбе других я не увидел.
Что видел я?
Я видел только бой,
Да вместо песен
Слышал канонаду.
Не потому ли с желтой головой
Я по планете бегал до упаду?
(«Русь уходящая»)

Согласитесь, нельзя не любить лирику Есенина. Ведь она – таинственное чудо, вышедшее из-под пера творца. Живой ум поэта, неуёмное желание творить наполнили нашу литературу незабываемыми строками. Вместе с Сергеем Есениным мы любим, страдаем, наслаждаемся русской природой, путешествуем по стране, вдыхаем запах деревни. Это истинный певец бревенчатой Руси. Это писатель и поэт с большой буквы «П».

Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.

УЛЬЯНА РОДОВИКОВА, 10 класс, Иркутск

И СТО, И ДВЕСТИ ЛЕТ ПРОЙДЕТ, НИКТО ВОЙНЫ ЗАБЫТЬ НЕ СМОЖЕТ

Все мы помним те трудные военные годы, начавшиеся в тысяча девятьсот сорок первом году. Многие часто задаются вопросами: насколько тяжело было нашим прадедам и прабабушкам, что они пережили, с какими трудностями столкнулись, что сделали для нас, нашего поколения? А некоторые даже не имеют представления или интереса к этой теме, а зря.

Интересуясь историей своей страны, города, я придерживаюсь такого общепринятого мнения: «Не зная историю своей страны – будущего у тебя в ней нет». Самый главный элемент истории России – Великая Отечественная война; самая страшная война за всю историю, когда не было ни еды, ни теплого жилья, ни спокойствия. Люди рисковали жизнями в бою и тылу, ходили в разведку, добывали пищу, воду, сражались за своих родных и близких. Каждый день они жили в страхе, но надежде на Победу. И несмотря на все это, мы выиграли ту тяжелую войну, такая Победа – Величайшая заслуга.

Каждый слышал те слова Левитана: «Наше дело – правое! Враг будет разбит. Победа будет за нами!» Переслушиваешь. Уверенная и строгая дикция внушает доверие. Дает стимул к победе. Сразу ставит цель – нам нужно одержать победу!

Что тогда чувствовали люди, когда слушали эти слова рано утром?.. Спрашивала у бабушек про их эмоции в то время. Они выделяют одно

слово – страх. Страх за родных и близких, за себя, братьев или сестер.

Такого, что пережили люди в Великую Отечественную войну, пожелать нельзя даже врагу. Об этом нужно помнить и напоминать, учить и рассказывать! Никто не забыт! Ничто не забыто!

ТАТЬЯНА ГАЛАК, 10 класс, Иркутск

ДОБРОТА ЖИВЕТ НА СВЕТЕ ВМЕСТЕ С НАМИ

*Доброта – вот качество, которое я желаю
приобрести больше всех других.*

Л.Н. Толстой

Приходилось ли вам когда-нибудь сталкиваться с выражением: «совершать благое дело»? А, может быть, вы слышали такое словосочетание: «милосердный, достойный поступок» или такое: «полезное намерение»? Знакомы ли вам понятия: «человеколюбие», «волонтерство», «гуманность», «кротость» и «сострадание»? Очевидно, да! Эти слова и выражения синонимичны друг другу, а объединяет их одно – добро. Каждый день мы желаем кому-то доброго утра, а других порой спасаем из непредвиденных нестандартных ситуаций, оказываем помощь больным, слабым, бездомным, пожилым.

Честно говоря, подобные изречения в современном цивилизованном мире произносятся редко. Личности с большой буквы, для которых характерно бескорыстие – отсутствие чувства «наживы», выгоды в своих поступках, забота к людям, проявляющаяся в желании прийти на выручку в трудную минуту – обычно очень тактичны, не хвастаются достоинствами на каждом углу. Обычно такие индивиды беспристрастны, трудолюбивы, смелы, они ответственны, толерантны, дружелюбны и воспитанны. Как правило, деяние такого человека находит отклик, высоко ценится и уважается в обществе.

Нельзя также забывать о том, что границы добра и зла нечеткие, они тесно переплетаются и способны заменять друг друга. Человечеству известно немало историй, когда поступок, основанный, казалось бы, на благих побуждениях, приводил к негативным последствиям.

На эту тему немало размышлений в литературе, кинематографе. Искренние человеческие поступки создают тонкие нити; переплетаясь друг с другом, они образуют прочный каркас, на котором держится общество. Хочется верить, что каждый человек стремится хоть как-то улучшить окружающий мир, бескорыстно донести частичку добра другим и

получить ее обратно. Только тогда он обретет настоящее счастье, и его жизнь будет прожита не зря...

ЕЛЕНА ВЫСОТИНА, 9 класс, Иркутск

ПОЧЕМУ МЫ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ И СОХРАНЯТЬ ПАМЯТЬ О НЕЙ?

Чистое голубое небо над головой, окружение родных и друзей, школа, работа, любимые увлечения, мир и спокойствие. Кажется, что это самые обыкновенные вещи, на которые мы даже не заостряем особого внимания. Но так было далеко не всегда. Вы когда-нибудь задумывались о том, как нам повезло, какие мы счастливые? Конечно, у каждого из нас есть свои проблемы и неудачи, но это несравнимо с общей колоссальной бедой – с войной.

1941-1945 – годы Великой Отечественной войны. Война – это смерть. Она унесла 27 миллионов человеческих жизней. Сколько крови было пролито, как сильно пострадали люди и наша Земля! Тем не менее, весь Советский Союз встал на защиту Отечества, а ведь это были наши деды и прадеды. Они не задумывались о том, что их ждет, не боялись покинуть родных, не боялись врага и смерти. Их главная задача была защитить Советский Союз, свое Отечество, свою Родину! Они, сложив свои головы, обеспечили нам тишину и спокойствие. Мы, их наследники, живем теперь в свободной стране, а ведь все могло сложиться иначе. Даже представить страшно, что было бы, если бы победа досталась Гитлеру... Возможно, мы бы сейчас были не свободными гражданами России, а рабами Германии. И это еще в лучшем случае. Ведь могло случиться и так, что нас вообще не было бы на свете.

Получается, что мы обязаны нашим дедам и прадедам, нашим героям всем тем, что имеем, в первую очередь, жизнью. Мы гордимся ими и благодарны им, ведь они сражались за наши жизни, не щадя свои. Этот подвиг – борьба и смерть ради других, ни с чем несравним, неоценим.

Сколько бы лет ни прошло со Дня Победы в Великой Отечественной войне – семьдесят, семьдесят пять, сто – мы всегда должны помнить наших героев. Но мало знать и помнить об этом самом, главное – передать эту память своим детям и внукам. Важно рассказать им всю правду о войне, о заслуге и подвиге наших дедов и прадедов, чтобы они узнали об этом, а затем поделились полученными знаниями со следующими поколениями.

«Память о войне... Ее не сотрешь годами... Она вечна. И пока мы

помним ушедших от нас, они рядом, они с нами. А значит, жива связь поколений. А значит, жива Россия!» – эта цитата подтверждает мои слова. Люди обязаны знать о Великой Отечественной войне и помнить о своих героях, ведь это наше прошлое, без которого нет ни настоящего, ни будущего. Именно в честь этой памяти устраивают парады, концерты и поздравления для ветеранов и такое шествие, как «Бессмертный полк». Проходя по улицам городов с портретами ветеранов, дети и внуки участников Великой Отечественной войны ощущают единение со своими дедом и прадедами, чувствуют, что именно они наследники героев Великой Отечественной войны, гордятся своими предками. Недаром говорят: «Никто не забыт, ничто не забыто», ведь мы, наследники героев, будем чтить вечную память павшим.

Итак, пока мы помним про войну, про подвиг советских людей, про их отвагу, мужество – война не наступит вновь. Если мы забудем об этом, то все снова может повториться. Но люди должны понимать, что этого нельзя допустить, ведь нам подарили этот бесценный мир, нам – наследникам героев! Мы не можем вновь потерять его! Наши деды и прадеды отвоевали эту сладостную тишину и спокойствие, которые наполняют нынешнюю атмосферу. Победив врага, они заплатили за это своими жизнями! Они сражались и погибали ради нашей свободы, ради мира на Земле, ради того, чтобы жизнь, настоящая жизнь в России продолжалась. Этот подвиг забываем. Спасибо вам за чистое, голубое небо над головой! Мы – ваши должники. Наш долг – сохранить мир, который был подарен нам вами.

КОНСТАНТИН СКУБЧЕНКО, 19 лет, Иркутск

МЕЧТА

Что такое мечта? Недостижимая цель. То, к чему человек стремится всю жизнь, но никогда не сможет достигнуть. Мечта хороша тем, что никогда не сбудется, но смотреть, как отчаянно и безуспешно человек пытается ее добиться, – прекрасно. В наше время мечту часто путают с целью и вообще проводят между целью и мечтой параллели.

Мечта. У этого слова нет четкого определения. Однако многие думают, что мечта – это высшая цель, ради которой живет человек. В принципе, это правильное утверждение, но люди решают, что эту мечту они могут исполнить или делают из чего-то обыденного что-то необычное, как, например, студент мечтает о машине, женщина – о свадьбе, молодая пара – о ребенке. Этого всего можно добиться, а значит, это цель.

Можно сказать: «Я мечтаю стать космонавтом», но ведь ты можешь учиться, упорно работать и, в конце концов, стать космонавтом. Ты поставил перед собой четкую цель и последовал за ней. Кто-то умудряется путать мечту с желанием. Например: «Я мечтаю встретить свою единственную» – а что тебе мешает прямо сейчас выйти из дома и пойти познакомиться с кем-то? Ты этого хочешь, но не мечтаешь об этом!

А что же такое мечта и почему ее нельзя достигнуть? Недалекий ум сразу же воспротивится: «Как это нельзя достигнуть? Я же мечтала стать учителем, я им стала». «Я мечтал о детях, у меня сейчас прекрасные дети». А что ты назовешь мечтой завтра? Лимузин с шампанским? Поход в солярий? Поездку во Францию?

Поймите: то, чего можно добиться, нельзя назвать мечтой. Мечтой можно назвать желание стать богом, стать бессмертным и вечно молодым, стать тем, на кого будет смотреть весь мир. К мечте можно и нужно стремиться, даже если тебе сорок лет, и твоя мечта встретить Санту – иди к своей мечте. Ведь все будет напрасно, но чувства, которые ты испытываешь, не передать словами, эти чувства, эта мечта – это все, что у тебя останется после смерти.

Страницы истории:
И.И. Молчанов-Сибирский

ИВАН ПОПОВ, 1992 г.р., Иркутск

МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ – ПОЭТ И ВОИН

Иван Иванович родился 1 мая 1903 года в портовом городе Владивостоке. Отец будущего писателя, военный моряк, служил баталером на канонерской лодке «Кореец». В кругу семьи было много друзей матросов, таких же «морских волков», как и Молчанов-старший. Во многих своих стихотворениях Иван Иванович обратится к морским и военным мотивам. Громы, молнии и грозы – будут часто мелькать в стихах поэта.

Будут дни, иные громы,
Радуги кровавых гроз,
В бой поскачут эскадроны,
В бой полки
Пойдут всерьез.

Молчановы возвращаются в Иркутск, когда Ивану было два года, в свой дом на Кругобайкальскую улицу в Глазковском предместье. Дом этот до сих пор жив и находится рядом с трамвайными путями, недалеко от железнодорожного вокзала. Так в жизни Ивана Ивановича появляются Ангара, Иркутск и Байкал. Иркутску и Байкалу будет посвящено большое количество произведений.

Наш поход на Тихом океане
Завершен. Нас океан встречал,
Но и там, в синеющем тумане,
Виделся нам давний друг Байкал.

Иван Молчанов – начинающий в то время поэт – помимо творческой деятельности, занимается ремонтом «железных кораблей» – поездов и вагонов. Окончив железнодорожное училище, работает в депо вокзала. Вступает в созданное в областном центре Иркутское литературно-художественное объединение (ИЛХО), в котором занимались многие молодые поэты. Работает пропагандистом в Ленинско-Свердловском райкоме партии, инспектором профобразования на железной дороге.

В 1925 году И.И. Молчанова-Сибирского призвали на срочную службу в армию. Сибирский – это псевдоним, взятый из-за того, что в Москве уже был писатель с фамилией Молчанов.

Модные в эпоху индустриализации темы покорения севера и подчинения человеком природы ярко отражены в первом изданном сборнике стихов «Покорённый Согдиондон». Название сборника определила не-

большая поэма, рассказывающая о том, как в глухой тайге, в краю, где «гремит пурга, буран гремит», у подножия гольца Согдиондона, который «вонзился в небо голою вершиной», идет строительство рудника по добыче слюды.

Молчанов-Сибирский принимает участие, как военный корреспондент, в конфликте с японской императорской армией на озере Хасан.

Остановись, и шапку скинь, прохожий:
В чужом краю, где степь гудит, пыля,
Лежит солдат...Ему была дороже
Всего на свете – русская земля!

В начале Великой Отечественной войны И.И. Молчанов-Сибирский, избранный секретарем Иркутского отделения Союза советских писателей, подписывает коллективное письмо.

«Кровь, которая прольется по вине вероломного врага всего человечества, падет на его голову и его приспешников. Оружие советских армий – непобедимо! Писатели Восточной Сибири с сегодняшнего дня считают себя мобилизованными» (Восточно-Сибирская правда. 1941. 24 июня (№ 147)).

Потом гроза выхватывала полосы
Песков, кустарников, густой травы.
Громадой плотной, черной, многоярусной
Закрыли тучи звездный небосклон,

И хлынул ливень небывало яростный,
Потоки ринулись со всех сторон.
Чертили небо молнии зигзагами
И в горы ударяли вкривь и вкось.
Враги бежали в панике оврагами –
Их нападение не удалось.
Еще хлестала по бегущим очередь,
И гром глушил врага последний крик...
И, может быть, в кроватках наши дочери
Во сне отцов увидели в тот миг.

Ивана Ивановича отправляют на Восток, в 17-ю армию. Он служит военным корреспондентом в газетах «Героическая красноармейская» и «На боевом посту». Иван Иванович пишет статьи о русской литературе и ведет агитационную работу среди солдат. Издает два сборника своих стихов «Яблонька» и «На привале».

И вот победитель спустился к воде
В могучей, широкой колонне,
И капли сверкали в его бороде
И падали вновь на ладони.

И.И. Молчанов-Сибирский награжден орденом Красной Звезды, орденом «Знак почёта», «Монгольским орденом», медалями «За победу над Японией» и «За победу над Германией».

Привал окончился. Пора.
Труба зовет на построение.
Вдали виднеется гора,
За ней – последнее сражение.

Иван Попов, библиотекарь ИОГУНБ им. И. И. Молчанова-Сибирского

Фотографии взяты из фондов «Музейной комнаты И. И. Молчанова-Сибирского» областной библиотеки.

БАЗА КУРНОСЫХ

Память наша навсегда сохранила тот день, когда к нам на организационное собрание литературного кружка пришёл Иван Иванович Молчанов.

Мы тянулись к литературе, хотели побольше узнать о писателях, не изучавшихся по программе, обменивались книгами, – их в то время было немного.

Иван Иванович прочёл нам свою только что вышедшую детскую книжку и попросил обсудить её. Мы должны были высказать своё мнение о книге настоящего писателя, которого впервые увидели! Понятно, с какой ответственностью устроили мы обсуждение книги, находили в ней достоинства, просчёты и недостатки.

Школа наша к этому времени стала одной из лучших в городе, а ведь совсем недавно мы были в числе отстающих. Нас переполняли замыслы и идеи, и мы решили сами писать книгу, тем более что Иван Иванович с готовностью согласился помочь нам.

Писать нам было о чём. Составили план книги, каждый взял себе одну главу, и работа закипела. Заседания литкружка превратились теперь в горячие споры, обсуждения. Автор зачитывал свою главу, подвергался принципиальной критике, по ходу чтения вносились поправки и дополнения, иногда приходилось переписывать главу по нескольку раз. Иван Иванович внимательно слушал наши споры, старался не мешать нам. Сегодня мы понимаем, какой огромный такт, какое терпение проявлял он в работе с нами. Как был он бережен и старался сохранить детскую непосредственность наших рассуждений.

Мы и сами не заметили, как вскоре после знакомства стали звать Ивана Ивановича дядей Ваней. Позднее мы ещё ласково называли его необычным словом «Ивточка», так как в письмах к нам он подписывался всего двумя буквами и ставил точку: Ив.

Иван Иванович не только руководил кружком, он приходил на пионерские сборы нашей базы (тогда мы назывались базой, слово «отряд» появилось позже), ходил с нами на лыжах (этим походам посвятил он стихотворение «Лыженята»). Он был другом каждого из нас, умел быть заботливым и требовательным. Тогда мы, пожалуй, не сумели бы объяснить причину его могучего влияния на нас. В чём секрет этого влияния, мы поняли гораздо позднее, когда стали взрослыми: он любил нас, озорных, шумных, инициативных – таких, какими мы тогда были. Нам вообще повезло. В нашей школе был замечательный преподаватель по литературе И. А. Хмельницкий, энергичная пионервожатая Галя Кожевина, непосредственный организатор нашего кружка. И у нас был Иван Иванович, дядя Ваня.

И вот наступил тот день, когда Иван Иванович пришёл в школу и сказал: «Идите и покупайте свою книгу». На прилавке мы увидели целую гору книжек, которую расхватали в несколько минут.

Первый экземпляр книги мы послали Алексею Максимовичу Горькому. Мы не думали, что великий писатель прочтёт её, нам было достаточно того, что книга будет приобщена к его прекрасной библиотеке. Но он прочёл её, а через четыре месяца после выхода книги, в августе 1934 года, вслед за книжкой в столицу на экскурсию ехали её авторы.

Статья Горького встретила нас на полпути в Москву. Галя Кожевина купила на станции газету, и мы увидели в ней портрет Горького, рисунки Ары Манжелес и статью «Мальчики и девочки»!

Наш приезд в Москву совпал с подготовкой к большому событию – Первому Всесоюзному съезду писателей. Иван Иванович был делегатом съезда. Мы мечтали, что мы пойдём к Дому Союзов, постоим около него, посмотрим, как на съезд будут идти писатели.

А поздно вечером пришёл Иван Иванович и торжественно произнёс: «Завтра мы от лица всех пионеров страны приветствуем съезд писателей». Вначале мы не могли поверить этому сообщению, потом, успокоившись, сели писать текст выступления, которое закончили далеко за полночь.

Приветствовать съезд мы поручили Алле Каншиной.

Первым на съезде подошёл к нам Александр Безыменский со словами: «Ну, молодые большевики, как живёте?» В перерыв Горький пригласил нас в президиум. Он спрашивал, как мы живём, какие книги читаем, как доехали... Потом мы были в гостях у Алексея Максимовича на Малой Никитской. Уходили от него с цветами, коробками конфет и печенья. Все свои впечатления от встреч с Горьким мы попытались выразить во второй нашей книге «В гостях у Горького».

Теперь, когда минули десятилетия с того времени, мы понимаем, что только Ивану Ивановичу должны мы быть благодарны за все эти удивительные подарки судьбы – «Базу курносых», встречи с Горьким, радость общения с Маршаком, К. Чуковским, А. Толстым, А. Барто и другими писателями. Не будь Ивана Ивановича – не было бы поездки в Москву, статьи Горького «Мальчики и девочки», его писем в Иркутск, особенного второго, не отправленного в адрес «Базы курносых», которое мы не можем читать без слёз, – оно опубликовано только в 1972 году.

Дружбу с дядей Ваней мы сохранили на всю жизнь. Все самые важные периоды нашей жизни были связаны с ним, касалось ли это выбора профессии, вступления в комсомол, учёбы, работы или каких-то личных дел.

В последние годы, уже тяжело больным, Иван Иванович подготовил к изданию обе наших книги – «База курносых» и «В гостях у Горького».

Анна Хороших, Ада Розенберг

ИВАН МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ, 1903-1958 гг., Иркутск

Родился в городе Владивосток Российской империи. Поэт и прозаик, детский писатель, журналист, военный корреспондент. Общественный деятель, участник Великой Отечественной войны, организатор литературных сил Восточной Сибири. Один из создателей и руководителей Иркутского отделения Союза писателей. Член Союза писателей СССР (1934). Главный редактор альманаха «Новая Сибирь». Кавалер орденов Красной Звезды и Знак Почёта. Только с 1932 по 1961 годы в Москве, Ленинграде, Иркутске, Красноярске, Новосибирске, Чите, Чебоксарах, Хабаровске было издано более тридцати книг — сборники стихов, проза, произведения для детей — общим тиражом около миллиона экземпляров.

Серый, серый гаснет вечер,
Запотело окна плачут.
И висят скупые речи:
Как нам быть? Иль жить иначе?

Не придёт весна до срока,
Не растеплится в лазури,
И ручьёв весенний рокот
Не разбудит сонный Урик.

Дым удушливый повиснет
В дряхлой, старенькой избёнке.
Тополёк в последних листьях,
Будто стрижен под гребёнку.

Скоро ночь! И за амбаром
Где стоят немые ёлки,
Заглушив напев гитары,
В тишине завоют волки.

12. 01. 22.

Я БЫ РАД

Я бы рад полюбить горячо,
Да скучны будут страсти страницы.
Потому-то я их не прочёл,
Не прошел сокровенной границы.

А теперь в сердце зреет печаль...
Вспоминаю последнюю встречу...
Мне любви неизлюбленной жаль
И проколотый звёздами вечер

4. 01. 23.

Снова старенькая комната,
Расписной узор гардин.
Я сижу, печалью скованный,
В тёмной комнате – один!
Монотонно время тукает,
Как сегодня и вчера.
Со своею старой мукою
Буду снова я играть.

Плещет белыми метелями
Ночь из чёрного ковша.
Будешь в полночь ты расстреляна
Злой тоской, моя душа!

12. 01. 23.

ОСЕННЕЕ

За решётками парка
Томно, нежно зарделись
Молодые боярки –
Ягод колкая прелесть.

Под вуаль паутины
Скрылось золото листьев.
У рябины – рубинов
Светят тяжкие кисти.

Ветерок втихомолку
Пробежался по клумбам,
Сбросил пыли ермолку
С алебастровой тумбы.

Солнце стало с монету,
Часто прячется в тучах.
После пыльного лета
Стало время тягучим.

По утрам заморозки,
Серый день слёзы точит.
Обнажились берёзки,
Ветер в парке хохочет.

Он своею метёлкой
Вымел чисто аллею
И стыдливую ёлку
Заласкал, залелеял.

15. 01. 23.

МАТЬ

Что ты ходишь за околицу
Неустанно каждый день,
Где согнулся, словно молится
Перекошенный плетень.

Ты куда идёшь – печальная –
Через старый-старый мост,
Через лысую прогалину
На заброшенный погост.

Там часовенка забытая
Робко скрылась за сосну,
Здесь ты хочешь горе вытаять,
Вылить сердца глубину.

Не проси прощенья строгого
Непреклонного Творца,
Что пошел отец дорогою
Пролетарского бойца.

Не ходи ты за околицу
Неустанно каждый день,
Где согнулся, словно молится
Бурый, скошенный плетень.

12. 02. 23.

КУЗНЕЦ

С каждым ударом – каскад,
Брызги рубиновой стали.
Острый, отточенный взгляд,
Щёки латунными стали.

Тени по стенам бегут
И осыпаются в горны.
Искры плечо моё жгут,
Молот вздымаю упорно.

Воет железо стропил,
Сталь голосит серенаду.
Жжёт меня, словно тротил,
Пламя кузнечного ада.

Эй, кузнецы! Я – кузнец!
Бронзою волос мой вьётся.
Молотом наших сердец
Новое время куётся!

Февраль, 1923.

Ваши очи – небесные выси,
Как цветок – ваша нежная стать.
Вот бы мне ваше сердце приблизить
И родные глаза целовать.

Растопите же снежную горечь,
Растопите в груди лёд и яд...

Я сотку вам на небе узоры,
Я спою вам стихи серенад.

Заласкаю вас музыкой звуков,
Зацелую словами любви,
Позабуду жестокие муки,
Эти сладкие муки мои.

Вы умеете ласково мучить,
Вы умеете нежно играть.
Дайте сердца мне вашего ключик,
Мне спокойнее с ним умирать.

1923

Я НЕ ЗНАЮ...

Поцелуй твой – он был или не был?
Может быть, это вымысел, бред...
То ли день был, запудренный снегом,
То ли ночь нам шагала вослед.

На полянке ли девственно-белой,
Под вуалью живого куста,
В первый раз трепетали несмело,
В поцелуе сливаясь, уста.
Что-то ветру пропели берёзы,
Что-то ветер нашёптывал нам.
Наши очи сверкали, как звёзды,
Мы по облачным плыли волнам.

У реки, иль у старого бора,
Где, насупившись, дремлет кедрач,
Мы любви нашей ткали узоры
В страсти алой, как будто кумач.

Нас пленило безумие красок,
Нас качала любви колыбель,
Опьянила порывистость ласок,
Окуная в живую купель.

Ты в потоках червонных сияний
Распустила каштановость кос...

Мы всю ночь, в водопаде лобзаний,
К счастью строили шаткий свой мост.

Я не знаю – он был или не был
Поцелуй? Или это – мечта?
Может, ночью придумало небо
Шаткий мост... поцелуи... уста...

26. 02. 23.

Скучно в городе. Шум переливчатый,
Словно кашель, засевший в груди.
О, скорей бы к родному заливику
В старый домик на Чёрной пади.

Больно режет глаза мне витринами,
Ветер гневно срывает плакат.
Посмотреть бы, как ТАМ –
над вершинами –
Гаснет радужный, зимний закат.

Проводами, как будто тенётами,
Город спутан... Затоплен в гранит.
Хорошо – за пустынными гротами –
Волны моря о скалы гранить.

Режет волны лодчонка смолёная,
Смутный берег маячит вдали,
А луна, в эти горы влюблённая,
Золотит серых туч корабли.

Улыбнётся рассыпчатым золотом,
Загрустит и глядит из-за туч.
Позови в этот край меня, молодость!
Я ещё и красив, и могуч!

Не хочу оставаться я в городе:
Здесь замкнулся томительный круг.
Закрутили меня, как на воротах,
На колодезном воротах мук.

Февраль, 1923

События

НАМ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Студия юных литераторов «Метафора». Что это, где это, для чего? Школьникам и студентам, тем, кого крепко взяла в оборот муза писательства, необходимо творческое пространство для общения, постижения ступеней писательского мастерства. «Метафора» и есть это самое творческое пространство. И живём мы в уютном, светлом, тёплом кабинете, во Дворце творчества детей и молодёжи, в Ангарске. Студия – преемник литературно-творческих кружков. Интересно рождение первого кружка.

В начале 90-х, непонятных, развалных, перестроечных годов, когда папы и мамы, бабушки и дедушки думали-гадали, как выжить и прокормить детей, известные ангарские писатели Любовь Ивановна Щедрова и Надежда Николаевна Кудашкина увидели, что всем, особенно детям, как никогда, нужна духовная пища, и предложили провести во Дворце творчества детей и молодёжи (тогда ещё – Дворец пионеров и школьников) конкурс «Проба пера». После конкурса и появился во Дворце литературно-творческий кружок. Кураторами, руководителями кружка друг за другом были Надежда Николаевна Кудашкина, Любовь Ивановна Щедрова, Антон Ефимович Шмигун. Каждый руководитель по-своему называл кружок, но суть оставалась единой: развивая писательские способности, воспитывать моральное здоровье.

Наша Студия «Метафора», которой в августе 2020 года исполнилось десять лет, продолжает традиции литературно-творческих кружков. Мы изучаем азы стихосложения и прозы, проводим конкурсы (и уже – международные), знакомимся с поэтами, прозаиками Ангарска, ребята сами организуют и проводят квартирники, литературные гостиные. Но однажды нам стало тесновато в стенах Дворца, и мы отправились презентовать своё творчество ангарским лицеистам, студентам колледжей, а потом на творческие встречи в Утулик, Усолье-Сибирское, Слюдянку, Иркутск. Студийцы знают, где библиотеки имени Молчанова-Сибирского, Уткина, Иннокентьевская, знают ведущих иркутских поэтов, прозаиков. Иногда получается послушать писателей центральных городов страны, посланников фестиваля «Дни русской духовности и культуры «Сияние России».

В современном электронном веке конкурс «Проба пера» при под-

держке Иркутского Дома литераторов стал дистанционным областным, а пять лет назад «переквалифицировался» в областной конкурс «Живинка» для школьников, студентов и работающей молодёжи, и проходит он в рамках фестиваля «Дни русской духовности и культуры «Сияние России». В этих конкурсах по интернету принимали участие школьники и студенты Выдрино, Шелехова, Иркутска, Братска, районов Ново-Нкутского, Усольского, Аларского и нескольких других городов и районов Иркутской области. В 2015 году мы провели открытый муниципальный конкурс рукописей, результат – известная в области и за её пределами книга «Золотые рассветы».

Благодаря конкурсам, мы познакомились с талантливыми сверстниками. Вот несколько имён: Дмитрий Сапаров, Яна Бобкова, Евгений Зенин, Полина Борзина, Татьяна Тимочкина, Татьяна Черняева, Алёна Котова, Максим Живетьев, Наталья Папенко, Елизавета Оводнева и другие интересные ребята. С некоторыми из них и многими другими студийцы в разные года встречались, общались и взаимно обогащались знаниями на конференциях «Молодые голоса», «Молодость. Творчество. Современность», на Форуме молодых писателей. Такие общения – великолепная мотивация для развития писательского мастерства.

В Ангарске у нас тоже много интересных дел: составление, издание коллективных сборников, авторские чтения студийцев на городских праздниках, активное участие в ежегодном фестивале «Я – композитор! Я – поэт!»; традиционные «Литературные подмостки», одна из семи творческих площадок, которую проводит Дворец творчества в парке Строителей в День Победы...

В студию ходит от 12 до 30 ребят. По приблизительным данным за 10 лет 220 школьников и студентов занимались в студии. Немного. Но, честное слово, если бы все ребята продолжили развивать свой талант, большая литература пополнилась бы крепкими самобытными поэтами и прозаиками...

Татьяна Андреевна Стрельникова, руководитель студии юных литераторов «Метафора»

ИЛЬЯ ПОДКОВЕНКО, 1989 г.р., Иркутск

«НЕОКЛАССИЧЕСКОМУ СИНДРОМУ» – ГОД!

В 2020 году творческому объединению «НеоКлассический Синдром» исполнился год. Срок небольшой, но за это время команда успела очень многое сделать, могла бы больше, но вмешался коронавирус. Но обо всем по порядку.

Идея широкопрофильного объединения возникла у супругов Александры и Ильи Подковенко. В этом уже было отличие – большинство творческих команд складывается из какого-то одного направления, например, художественного или музыкального. Создатели «Синдрома» сами работали в разных направлениях. Илья занимался преимущественно поэзией, Александра – на тот момент актриса театра танца Владимира Лопаева. Началась работа по формированию команды, в это же время готовился к изданию сборник стихов молодых авторов «Иркутск. Хроника молодости». Так, первыми участниками объединения стали поэты. Вскоре оно пополнилось актерами, музыкантами, закипела работа.

Опыт студенческих мероприятий, участие в различных грантовых конкурсах помогли выстроить структуру, получать финансирование на проекты и при этом сохранять главные идеи объединения. «НеоКлассический Синдром» – команда, занятая развитием и популяризацией молодежного творчества Иркутска. Отсюда произрастают разные направления работы.

Эстрадное. Творцу нужна аудитория, ему нужно нести свое слово, свою музыку или танец. Каждый месяц проводится какой-нибудь творческий вечер. Он может быть тематическим, как «Осенний декаданс», где команда и зрители отдали дань памяти Серебряному веку и первой волне эмиграции. Или традиционный «Квартирник на Франк-Каменецкого», где заранее подготовившиеся поэты и барды дают концерт, а атмосфера наполнена теплом и праздником.

Театральное. «НеоКлассический Синдром», под режиссурой Александры Подковенко, поставил спектакль «Огненная пыльца». Он стал выражением главных идей объединения: на сцене удалось совместить два таких разных искусства, как стихи и танец. Все это на фоне истории расставания, переживаний главных героев (которые только танцуют!) и попытки разобраться: кто виноват, как жить дальше, и есть ли настоящая любовь. О внутренних переживаниях, столкновениях желаний и разума, не всегда верных решениях говорили Чувства, Эмоции и Разум. Над сценарием работали Александра с Ильей и иркутские поэты – Дмитрий Хунд Хакимов и Юлия Перцева.

Обучающее. «Синдром» неустанно прикладывает усилия для помощи молодым авторам. У них не всегда хватает опыта и времени системно изучать вопрос – жизнь кипит, а творческий запал требует реализации. Много талантливых авторов идут вслепую. Чтобы повлиять на ситуацию, были организованы творческие лаборатории, периодически выходят статьи по теории искусств. Здесь же можно отметить конкурс «Поэтическое многоборье», придуманный нашим объединением. Десятка поэтов из этапа в этап подвергается испытаниям – не только умению красиво писать в удобных условиях, но и на ходу импровизировать, уметь преподнести свое творчество.

Онлайн-пространство. Активно развивается группа в VK, чуть менее активно в Instagram. Каждое утро наших подписчиков встречает пост с картинками художников, а днем – контент с творчеством как участников объединения, так и друзей, которые просят опубликоваться. Также регулярно выходят обзоры, анонсы мероприятий, познавательные рубрики. Так, раз в месяц неделя посвящается какому-нибудь иностранному поэту. Каждый день выходит небольшая заметка про жизнь, творческий метод и вклад этого человека.

Издательское направление. Большинство участников объединения пишут стихи и прозу. Для них и других поэтов города раз в год готовится сборник стихов «Иркутск. Хроника».

Впереди у объединения много планов. На сезон 20-21 годов был увеличен состав объединения, сейчас в него входят:

Илья и Александра Подковенко, основатели и руководители объединения;

Александра Захарова (псевдоним Лавлет) – поэтесса, организатор мероприятий;

Злата Рудакова (Алтын) – поэтесса;

Никита Панов – бард;

Милена Минина – поэтесса, бард, администратор группы в VK;

Семен Романов – прозаик, технический директор;

Вероника Смирнова (Н. Ледофф) – литератор, организатор мероприятий;

Ярослава Вишневская – поэтесса;

Анна Тимофеева – поэтесса, переводчик, автор рубрики «Тет-а-тет с поэтом»;

Анастасия Ермолаева – фотограф;

Анастасия Корякина – видеограф;

Евгения Гавердовская – поэтесса;

Евгений Соколов – администратор;

Елизавета Борщевская – поэтесса;
Алексей Кедрин – администратор, сценарист;
Софья Котельникова – художник.

«НеоКлассический Синдром» прикладывает все усилия, чтобы молодежь занимала достойное место в творческом облике нашего города, и приглашает насладиться живым, ярким, вдохновляющим искусством на своих вечерах! Стабильно, каждую вторую субботу месяца, мы проводим для вас «Квартирник на Франк-Каменецкого». За анонсами других мероприятий следите в нашей группе в ВК или Instagram.

ЮРИЙ ХАРЛАШКИН, 1985 г.р., Иркутск

«АЗЪ-АРТ». ГОД ВТОРОЙ

«Азь-Арт», молодёжное литературное объединение при Иркутском Доме литераторов, продолжил свою работу в 2020 году. Произошло множество событий, радостных и печальных; одни наши планы рушились, откладывались на потом, растворялись в суете и самоизоляции, а другие – неожиданно претворялись в жизнь самыми удивительными способами. Иногда нам внезапно предлагали сотрудничество и звали «в гости». В общем, 2020 год для кого-то стал Годом пандемии, а для нас – Годом новых друзей!

6 января, в самый разгар зимних каникул, по инициативе Кристины Ретивых в Иркутском Доме литераторов собрался «Азь-Арт», и мы провели первые видеосъёмки. Кристина создала для «Азь-Арта» одноимённый «Ютуб»-канал, и уже через несколько дней отснятые видео стали нашей презентацией на просторах интернета. В съёмках приняли участие Садиг Мамедов, Владимир Клейнерман, Максим Живетьев и Юрий Харлашкин.

10 января «Азь-Арт» объявил о начале приёма работ на Областной литературный конкурс «Зима фантаста».

17 января Юрий Харлашкин выступил спикером в Областной юношеской библиотеке им. И.П. Уткина в рамках трансляции проекта «Многоголосье Байкала», реализуемого АНО ДО «Знание плюс» и направленного на сохранение национальных языков и культур на территории Иркутской области (при поддержке Фонда Президентских грантов РФ). Он рассказал о молодых прозаиках Иркутской области. Об Андрее Антипине (1984 г.р.), который следует «распутинской» традиции: пишет о современной деревне, изображая быт своих односельчан, щедро используя диалектизмы. Самыми яркими для прочтения названы рассказы «Разгулявшийся ветер», «Теплоход», повесть «Горькая трава». Также поведал учащимся о творчестве Игоря Корниенко (1978 г.р.), как об авторе смелых рассказов, порекомендовал к прочтению произведение «Три миллиона пятьсот двадцать три мамы», которое поражает своей глубиной и цельностью. Это очень трогательная история о том, как сын верил, что его мама обязательно вылечится от тяжелой болезни. Также произошло знакомство с творчеством Константина Максимова (1984 г.р.). Проза этого автора рассчитана на аудиторию старшеклассников и студентов. Особенно примечательны произведения «Газ», «Кеды». Юрий Харлашкин (1985 г.р.) познакомил ребят и с собственным творчеством, поделился планами

и рассказал о работе над историческим романом «Кирилл и Мефодий».

Первое в году заседание «Азь-Арта» состоялось **26 января**. Мы подробно обсудили поэтическую подборку Юлии Васильевой, остановившись на каждом стихотворении. Юлия прошла боевое крещение и держалась достойно, выслушивая первую серьёзную критику. Несмотря на невыдержанность стихотворных размеров и простоту рифм, нужно отметить, что с образным рядом у автора всё в порядке, а это для поэта главное. После обсуждения Юрий Харлашкин прочитал лекцию о силлабо-тонической стихотворной системе, рассказал о тоническом и силлабическом стихосложении, привел их примеры из русской классики. Указал на взаимосвязь языковых законов и систем стихосложения. А под занавес кратко обсудили небольшое эссе нового участника лито Константина Скубченко.

5 февраля в Областной универсальной библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского прошли «Авторские читки» Юрия Харлашкина. Видео доступно на «Ютуб»-канале «Молчановки».

8 февраля в ОЮБ им. И.П. Уткина состоялся конкурс «Поэтическое многоборье», организованный библиотекой и творческим объединением «НеоКлассический Синдром». «Азартовец» Садиг Мамедов занял в нём третье место и удостоился приза зрительских симпатий!

9 февраля на заседании «Азь-Арта» прошла презентация книги прозы ангарчанки Кристины Подгородецкой «Будущее в прошлом». Кристина приехала не одна. Ее поддержали другие участники ангарской студии «Метафора» и их руководитель Татьяна Андреевна Стрельникова. Встреча двух литобъединений прошла в дружеской доверительной атмосфере с живым обменом мнениями и опытом. В адрес Кристины прозвучало много хороших слов и пожеланий. Конечно, не обошлось и без доброй критики. Звучала аудиозапись нового рассказа Кристины, а гость встречи Дмитрий Хакимов прочитал свое стихотворение под музыкальное сопровождение. Потом в качестве знакомства читали стихи и прозу. Побеседовали о видах рифмы с примерами из стихотворений присутствующих молодых авторов. Затронули тему авторской пунктуации, которая важна для создания неповторимого авторского стиля, особой интонации и допустима, только если отражает авторский замысел. Встреча завершилась визитом Владимира Петровича Скифа, который прочел начинающим писателям свои стихи из цикла, посвященного поэтам Серебряного века.

С 13 по 16 февраля в г. Химки прошло III Ежегодное Всероссийское Сопровождение молодых литераторов Союза писателей России в МГИК. В программе для организаторов литпроцесса от Иркутска присутствовали Юрий Харлашкин и Максим Живетьев. Они приняли участие в круглом

столе Сибирского федерального округа, а также в школах по организации литературных объединений (Ю. Харлашкин) и редакторскому мастерству (М. Живетьев), на которых представили собственные проекты. В основной (творческой) программе к ним присоединись «азартовцы» и наши друзья: Денис Гербер, Наталья Папенко, Антон Макаров, Наталья Добаркина, Никита Ноянов, Юрий Литвяк и Никита Дёмин. Делегация от Иркутской области получилась второй по величине после Москвы и Московской области! По итогам Совещания Дениса Гербера рекомендовали к вступлению в Союз писателей России, а Юрия Харлашкина – к публикации в «толстых» литературных журналах.

1 марта состоялось очередное заседание «Азь-Арта». Уже стало доброй традицией, что к нам приходят гости из других литобъединений! Вот и в этот раз на встрече присутствовали поэты и культуртрегеры Илья Подковенко и Милена Минина из «НеоКлассического Синдрома». Мы поговорили о прошедшем в феврале Всероссийском совещании молодых литераторов в Химках, но главной темой собрания стала не ностальгия по прошедшему мероприятию, а планы на будущее, в том числе уже начавшие осуществляться. Так, Кристина Ретивых предложила стратегию развития «Ютуб»-канала «Азь-Арта». Максим Живетьев презентовал проект нового молодёжного литературного журнала. Не забывали о стимулировании творческой молодёжи: 29 февраля завершился приём заявок на Областной литературный конкурс «Зима фантаста» и начался прием заявок на очередную Областную литературную конференцию «Молодость. Творчество. Современность». В завершении собрания поработали с авторами индивидуально: консультации получили Илья Подковенко, Михаил Кривенок и Кристина Ретивых.

4 марта в Областной универсальной библиотеке им. И.И. Молчанова-Сибирского прошли «Авторские читки» Максима Живетьева. Видео доступно на «Ютуб»-канале библиотеки.

12 марта Дворец творчества детей и молодёжи г. Ангарска объявил итоги дистанционного областного конкурса «Сказка учит, сказка лечит», в состав жюри которого входил Юрий Харлашкин.

18 марта у «Азь-Арта» появилась собственная рубрика на сайте Иркутского Дома литераторов, и первым материалом в ней стала статья «Азартные люди», рассказывающая о нашем литобъединении.

Иркутское отделение Союза писателей России возобновило Литературные среды. Литературная среда – это дискуссионная площадка, на которой обсуждаются важные культурные события и актуальные литературные темы. **18 марта** в Иркутском Доме литераторов состоялась первая встреча, на которой обсудили вопрос: «Литература: молодость или

зрелость?» В дискуссии представили старшее поколение поэт и прозаик Юрий Баранов, поэт Владимир Скиф, критик Валентина Семёнова, прозаик Владимир Максимов, поэт Светлана Шегебаева, у которых есть опыт работы с молодыми авторами. А младшее – участники лито «Азь-Арт» – прозаики Максим Живетьев, Михаил Кривенок, Антон Макаров, Юрий Харлашкин и поэты Наталья Добаркина и Маргарита Снегур. Открывая встречу, Юрий Баранов рассказал о том, что делает Союз писателей России для молодых авторов, отметил, что среди них есть достойные внимания. Максим Живетьев и Юрий Харлашкин рассказали об итогах поездки иркутян на III Совецание молодых литераторов Союза писателей России в Химки, прошедшее в феврале этого года, и о деятельности «Азь-Арта». Владимир Скиф отметил, что многие поэты пишут свои лучшие стихи в молодости. Владимир Максимов поделился тем, что это большое искусство – писать о первой любви в зрелом возрасте. Валентина Семёнова порадовалась, что молодые прозаики поднимают важные и актуальные темы в своих произведениях. И здесь поговорили об отсутствии сильного положительного героя в литературе. Может это от того, что его не наблюдаем в жизни? Не обошли стороной и тему взаимодействия поколений, вечного спора «отцов и детей». Актуален ли он для иркутской литературы? Маргарита Снегур высказала точку зрения, что у разных поколений разное восприятие реальности и отношение к традиции. Вопрос рассмотрели и с философской точки зрения (вечное «раньше и небо было голубее»), и с позиции современности (изменение ритма жизни, возможности интернета). Антон Макаров рассказал, что писать начал тогда, когда почувствовал, что ему есть, что поведать людям. Завершая разговор, Юрий Баранов резюмировал, что молодость для писателя должна сочетаться с жизненным опытом. Иначе, о чём писать?

С **20 марта** в Иркутском Доме литераторов были запрещены массовые мероприятия в связи с эпидемией, а потому собрания «Азь-Арта» прекратились на неопределенный срок.

8 апреля Юрий Харлашкин в Информационно-культурном центре «Предместье» провёл встречу со школьниками.

В первую неделю июня «Азь-Арт» принял участие в онлайн-челлендже «Русские рифмы».

Ко Дню памяти и скорби – **22 июня** – «Азь-Арт» подготовил акцию «Мы помним». У мемориала «Вечный огонь» мы прочитали классические и свои произведения о Великой Отечественной войне. В акции приняли участие Наталья Добаркина, Кристина Ретивых, Михаил Кривенок, Сади́г Мамедов и Максим Живетьев.

23 июня Областная юношеская библиотека им. И.П. Уткина огла-

сила итоги конкурса эссе «Молодёжь читает о войне». В жюри конкурса вошли Максим Живетьев и Юрий Харлашкин.

8 июля стало известно, что Министерство культуры и архивов Иркутской области поддержало проект Максима Живетьева по изданию и презентации литературного журнала для молодёжи «АЗЪ-АРТ»!

2 августа в онлайн-формате мы подвели итоги литературного конкурса «Зима фантаста». Видео доступно на нашем «Ютуб»-канале. Работы победителей опубликованы в первом номере журнала «АЗЪ-АРТ», а в этом – самые яркие работы, не занявшие призовых мест.

С 21 по 23 августа в Новосибирске в онлайн-формате прошло «Межрегиональное совещание авторов Сибири и Дальнего востока», организованное журналом «Сибирские огни». По итогам совещания Наталья Добаркина, азартовец и единственный участник от Иркутской области, была рекомендована к публикации сразу в двух изданиях: журналах «Огни Кузбасса» и «Сибирские огни».

25 августа стало известно, что азартовцы и наши друзья – поэты Наталья Добаркина и Александр Егоров, прозаики Антон Макаров, Наталья Папенко и Владислав Тарасенко – прошли отбор и вошли в число участников юбилейного XX Международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья («Липки»), который должен был состояться в октябре в Звенигороде, однако был перенесён в связи с режимом самоизоляции на следующий год.

25 августа азартовец Екатерина Куйдина вошла в шорт-лист Международного конкурса «Лето любви... по Фаренгейту» с рассказом «Путь наверх». На участие в конкурсе поступило 235 заявок из 15 стран, среди которых Беларусь, Украина, Армения, Узбекистан, США, Индонезия, Австралия, Португалия, Израиль, Швеция, Германия, Япония, Черногория.

С 26 по 30 августа Екатерина Куйдина участвовала во Всероссийской Школе писательского мастерства Сибирского федерального округа в г. Красноярске, организованной Фондом СЭИП. По итогам Школы Екатерина была рекомендована к публикации в журнале «Юность». Это одно из немногих писательских мероприятий, что прошло в очном формате в текущем году.

4 сентября состоялась неформальная встреча «Азь-Арта». В центре Иркутска мы собрались и пошли гулять по набережной. Обсудили тексты новичков: стихи Александры и эссе Константина. Познакомились лично с победителем Областного конкурса «Зима фантаста» в номинации «Научная фантастика» Михаилом Тепляшиным. Встретились с Игорем Каменским, с которым три года не виделись. Поздравили друг друга с открытием сезона.

8 сентября «Азь-Арт» провёл в видеоформате «Купринские чтения», приуроченные к юбилею писателя. В акции приняли участие Екатерина Куйдина и Михаил Тепляшин.

10 сентября были объявлены итоги Сибирского фестиваля искусств «Тарская крепость», прошедшего онлайн. Поздравляем иркутян-победителей Наталью Добаркину, Максима Живетьева и Константина Корнеева!!!

24 сентября в рамках «Сияния России» состоялась трансляция видеоролика «Сияние России: вчера, сегодня, завтра», в записи которого участвовали азартовцы Владимир Клейнерман, Михаил Кривенюк, Максим Живетьев и Юрий Харлашкин.

27 и 28 сентября Максим Живетьев и Юрий Харлашкин провели творческие встречи с читателями в поселке Качуг и селах Анга и Верхолениск.

29 сентября в Центральной городской библиотеке им. А.В. Потаниной писатели Юрий Харлашкин и Максим Живетьев встретились с учениками восьмого класса школы № 14 г. Иркутска.

8 октября при содействии Детской библиотеки №31 «Алые паруса» Юрий Харлашкин и Максим Живетьев провели творческий мастер-класс для учащихся школы №57 г. Иркутска.

29 октября молодежный писательский десант из Иркутска посетил город Зима в рамках Литературного круиза «С книгой по дороге творчества». На четырех площадках города прошли встречи с писателями Елизаветой Оводневой, Юрием Харлашкиным и Максимом Живетьевым, и был презентован свежий номер альманаха для юношества «Первоцвет».

В ноябре 2020 года Иркутское региональное отделение Союза писателей России заключило некоммерческий договор с Детской библиотекой №31 «Алые паруса» о сотрудничестве, в частности, о совместных мероприятиях до 2023 года с привлечением молодых членов Союза.

В первую неделю ноября Юрий Харлашкин и Максим Живетьев жюрили V Областной конкурсы «Живинка» – 2020 для школьников, студентов и работающей молодежи, который провел Дворец творчества детей и молодежи г. Ангарска.

10 ноября мы узнали, что Любовь Головина с книгой «Тараканья охота» вошла в шорт-лист Национальной литературной премии для молодых авторов в номинации «Детская книга».

15 ноября в онлайн-формате состоялась презентация первого номера журнала «АЗЪ-АРТ», которую на нашем «Ютуб»-канале уже посмотрело более ста человек.

18 ноября Максим Живетьев, Юрий Харлашкин и Юлия Ольхов-

ская презентовали первый номер «АЗЪ-АРТа» в Шелеховской центральной библиотеке.

А **1 декабря** Максим Живетьев и Юрий Харлашкин презентовали журнал в Ангарской воспитательной колонии.

Также **1 декабря** журнал «Север» (г. Петрозаводск) объявил итоги конкурса «Северная звезда» – 2020. Литературный конкурс общественно-политического и литературно-художественного журнала «Север» учрежден в 2009 году и проводится в целях поиска талантливых произведений авторов в возрасте от 15 до 37 лет для публикации на страницах журнала и выдвижения на участие в творческих семинарах Литературного института им. Горького (Москва) и в ежегодном форуме молодых писателей в Липках. Единственным лауреатом «Северной звезды» – 2020 в номинации «Публицистика и эссеистика» стала молодой иркутский критик Елена Жданова!

Год ещё не закончился и не все задумки осуществились, но нам уже есть чем порадовать в 2021 году. Впереди «Азь-Арт» ждут ещё многие презентации, встречи с читателями и, конечно, главное – работа с новыми авторами и участниками лито. До новых встреч!